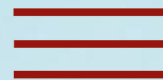




ISSN 2949-1134

Вологодский институт права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний



Российский
центр научной
информации



«Белый список»

УРОВЕНЬ

Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований

sgjournal.ru

№ 1 (20) / 2026

ISSN 2949-1134

Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований

№ 1 (20)

Вологда 2026

Издается с июля 2021 года

Выходит 4 раза в год



Учредитель:

Федеральное казенное образовательное учреждение высшего образования
«Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний»

Главный редактор:

В. Н. Некрасов

Все права защищены. Перепечатка материалов только с разрешения редакции журнала.
Авторские материалы рецензируются и не возвращаются. Редакция сохраняет за собой
право производить сокращения и редакционные изменения рукописи

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук
по научным специальностям: 5.3.5, 5.3.9, 5.7.1, 5.7.7, 5.8.1, 5.8.7

Журнал включен в Единый государственный перечень научных изданий – "Белый список",
отнесен к 4 уровню.

Дата выхода в свет: 31.03.2026

Журнал представлен на сайте в свободном бесплатном доступе
в полнотекстовом формате

Адрес редакции: 160002, г. Вологда, ул. Щетинина, 2
Телефоны: (8172) 51-46-12, (8172) 51-01-73, (8172) 51-98-70
E-mail: sgjournal@vipe.fsin.gov.ru

Сайт в информационно-телекоммуникационной сети Интернет: sgjournal.ru

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи и массовых коммуникаций.

Регистрационный номер Эл № ФС77-81296 от 09.06.2021

© ВИПЭ ФСИН России, 2026

ISSN 2949-1134

All-Russian Research and Practice Journal of Studies in Social Sciences and Humanities

No. 1 (20)

Vologda 2026

Founded in July 2021

Issued four times a year



Founder:

Federal State-Financed Educational Institution of Higher Education
“Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service”
(VILE of the FPS of Russia)

Editor-in-Chief:
Vasilii N. Nekrasov

All rights reserved. Journal materials can be reprinted only with the permission of the publisher.

Manuscripts are reviewed and not returned to the authors. The editor reserves the right to abridge and edit the manuscripts submitted

The journal is included in the List of peer-reviewed scientific publications, in which the main scientific results of dissertations for the degree of PhD., for the degree of Dsc. should be published of the following scientific specialties: 5.3.5, 5.3.9, 5.7.1, 5.7.7, 5.8.1, 5.8.7

The journal is included in the Unified State List of Scientific Publications – the “White List”. Level 4

Date of publication: March 31, 2026

The journal is available online and provides open and free-of-charge access to its content in full-text format

Address of the editorial office:
2, Shchetinin street, Vologda, 160002, Russian Federation

Phones : (8172) 51-46-12, (8172) 51-01-73, (8172) 51-98-70

E - mail : sgjournal@vipe.fsin.gov.ru

Website: sgjournal.ru

The journal is registered with the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (ROSKOMNADZOR).
Registration Number EL No. FS77-81296 of June 9, 2021

© VILE of the FPS of Russia, 2025

Редакционная коллегия

Некрасов Василий Николаевич – заместитель начальника ВИПЭ ФСИН России по учебной работе, доктор юридических наук (главный редактор);

Зауторова Эльвира Викторовна – профессор кафедры юридической психологии и педагогики факультета психологии и проработки ВИПЭ ФСИН России, доктор педагогических наук, профессор (заместитель главного редактора);

Ласточкин Александр Николаевич – начальник кафедры юридической психологии и педагогики факультета психологии и проработки ВИПЭ ФСИН России, кандидат педагогических наук, доцент (ответственный секретарь);

Агафонова Ольга Васильевна – начальник кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат философских наук, доцент;

Баламут Александр Николаевич – доцент кафедры психологии, педагогики и специального образования факультета психолого-педагогического образования Московского университета имени С. Ю. Витте, доцент кафедры общегуманитарных дисциплин и психологии ОАНО ВО «Московский институт технологий и управления» кандидат психологических наук, доцент;

Барышева Анна Викторовна – доцент кафедры общей и педагогической психологии факультета психологии и права ВИПЭ ФСИН России, кандидат педагогических наук;

Белова Надежда Алексеевна – доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат исторических наук, доцент;

Вахнина Виктория Владимировна – заведующий отделом психологического обеспечения прокурорской деятельности Научно-исследовательского института Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор психологических наук, профессор;

Ганишина Ирина Сергеевна – начальник кафедры юридической психологии и педагогики Академии ФСИН России, доктор психологических наук, доцент;

Голдин Владислав Иванович – профессор кафедры регионоведения, международных отношений и политологии Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова, доктор исторических наук, профессор;

Горностаев Станислав Викторович – профессор кафедры юридической психологии и педагогики Академии ФСИН России, доктор психологических наук, доцент;

Гущина Татьяна Николаевна – профессор кафедры психолого-педагогического образования Костромского государственного университета, доктор педагогических наук, профессор;

Егоров Андрей Николаевич – заведующий кафедрой истории и философии Череповецкого государственного университета, доктор исторических наук, доцент;

Желтов Андрей Александрович – доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат исторических наук, доцент;

Касаткина Светлана Сергеевна – профессор кафедры истории и философии Череповецкого государственного университета, доктор философских наук, доцент;

Кириллова Татьяна Васильевна – главный научный сотрудник отдела психологического обеспечения профессиональной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы ФКУ НИИ ФСИН России, доктор педагогических наук, профессор;

Клюева Надежда Владимировна – заведующий кафедрой консультационной психологии факультета психологии Ярославского государственного университета имени П. Г. Демидова, доктор психологических наук, профессор;

Кузьминых Александр Леонидович – профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор исторических наук, доцент;

Лобанова Елена Сергеевна – профессор кафедры психологии и педагогики факультета психологии и проработки ВИПЭ ФСИН России, кандидат педагогических наук, доцент;

Макулин Артем Владимирович – профессор кафедры философии и социологии Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова, предсе-

датель Архангельского отделения Российского философского общества; доктор философских наук, доцент;

Малышев Константин Борисович – профессор кафедры юридической психологии и педагогики факультета психологии и проработки ВИПЭ ФСИН России, доктор психологических наук, доцент;

Масягин Владимир Павлович – доцент кафедры военно-политической работы в войсках (силах) Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, доктор педагогических наук, профессор;

Оботурова Наталья Сергеевна – профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор философских наук, доцент;

Павлушков Александр Рудольфович – доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат исторических наук, доцент;

Панова Оксана Брониславовна – профессор кафедры юридической психологии и педагогики факультета психологии и проработки ВИПЭ ФСИН России, доктор педагогических наук, доцент;

Поздняков Вячеслав Михайлович – профессор кафедры научных основ экстремальной психологии факультета экстремальной психологии Московского государственного психолого-педагогического университета, доктор психологических наук, профессор;

Раитина Маргарита Юрьевна – профессор кафедры философии и социологии, ведущий научный сотрудник научно-образовательного центра гуманитарного факультета Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники, доктор философских наук, профессор;

Ракитская Оксана Николаевна – доцент кафедры социальной психологии, социальной работы и проработки факультета психологии и проработки ВИПЭ ФСИН России, кандидат психологических наук, доцент;

Саблин Василий Анатольевич – заведующий кафедрой всеобщей истории и мировой политики Вологодского государственного университета, доктор исторических наук, доцент;

Севальников Андрей Юрьевич – главный научный сотрудник Института философии РАН, доктор философских наук;

Соболев Николай Гургенович – старший научный сотрудник отдела разработки методологии социальной, психологической, воспитательной и педагогической работы с осужденными центра исследования проблем исполнения уголовных наказаний и психологического обеспечения профессиональной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы ФКУ НИИ ФСИН России, кандидат психологических наук, доцент;

Соколова Татьяна Леонидовна – доцент кафедры государственно-правовых дисциплин факультета психологии и права ВИПЭ ФСИН России, кандидат исторических наук, доцент;

Стуканов Виталий Григорьевич – заведующий лабораторией проблем воспитания личности Национального института образования Республики Беларусь, доктор педагогических наук, кандидат психологических наук, профессор;

Токомбаева Айсулу Тарасовна – доцент кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Кыргызско-Российского Славянского университета имени первого Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина, кандидат психологических наук, доцент;

Тяпин Игорь Никифорович – профессор кафедры философии Вологодского государственного университета, доктор философских наук, доцент;

Шевченко Олег Константинович – доцент кафедры истории и философии Института педагогики, психологии и инклюзивного образования Гуманитарно-педагогической академии (филиала) Крымского федерального университета имени В. Г. Вернадского в г. Ялте, доктор философских наук, доцент;

Ястреб Наталья Андреевна – проректор по научной и инновационной деятельности Вологодского государственного университета, доктор философских наук, доцент;

Яценко Елена Федоровна – заведующий кафедрой прикладной психологии Петербургского государственного университета путей сообщения Императора Александра I, доктор психологических наук, профессор.

The Editorial Board

Vasilii N. Nekrasov – Deputy Head for Academic Affairs of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Sciences (Law);

Elvira V. Zautorova – professor at the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the Faculty of Psychology and Probation of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Deputy Editor-in-Chief);

Aleksandr N. Lastochkin – Head of the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the Faculty of Psychology and Probation of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Sciences (Pedagogy), Associate Professor (Executive Secretary);

Ol'ga V. Agafonova – Head of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor;

Aleksandr N. Balamut – associate professor at the Department of Psychology, Pedagogy and Special Education of the Faculty of Psychological and Pedagogical Education of the Moscow University named after S.Yu. Witte, associate professor at the Department of General Humanitarian Disciplines and Psychology of the Moscow Institute of Technology and Management, Candidate of Sciences (Psychology), Associate Professor;

Anna V. Barysheva – associate professor at the Department of General and Pedagogical Psychology of the Faculty of Psychology and Probation of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Sciences (Pedagogy);

Nadezhda A. Belova – associate professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Sciences (History), Associate Professor;

Viktoriya V. Vakhnina – Head of the Department of Psychological Support for Prosecutorial Activities of the Research Institute of the University of Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Sciences (Psychology), Professor;

Irina S. Ganishina – Head of the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the Academy of the FPS of Russia, Doctor of Sciences (Psychology), Associate Professor;

Vladislav I. Goldin – professor at the Department of Regional Studies, International Relations and Political Science of the Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Doctor of Sciences (History), Professor;

Stanislav V. Gornostaev – professor at the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the Academy of the FPS of Russia, Doctor of Sciences (Psychology), Associate Professor;

Tat'yana N. Gushchina – professor at the Department of Psychological and Pedagogical Education of the Kostroma State University, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor;

Andrei N. Egorov – Head of the Department of History and Philosophy of the Cherepovets State University, Doctor of Sciences (History), Associate Professor;

Andrei A. Zheltov – associate professor at the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Sciences (History), Associate Professor;

Svetlana S. Kasatkina – professor at the Department of History and Philosophy of the Cherepovets State University, Doctor of Sciences (Philosophy), Associate Professor;

Tat'yana V. Kirillova – Chief Researcher at the Department of Psychological Support of Professional Activity of Employees of the Penal System of the Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor;

Nadezhda V. Klyueva – Head of the Department of Consultation Psychology of the Psychology Faculty of P.G. Demidov Yaroslavl State University, Doctor of Sciences (Psychology), Professor;

Aleksandr L. Kuzminykh – professor at the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Sciences (History), Associate Professor;

Elena S. Lobanova – professor at the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the Faculty of Psychology and Probation of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Sciences (Pedagogy), Associate Professor;

Artem V. Makulin – professor at the Department of Philosophy and Sociology of the Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Chairman of the Arkhangelsk Branch of the Russian Philosophical Society, Doctor of Sciences (Philosophy), Associate Professor;

Konstantin B. Malyshev – professor at the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the Faculty of Psychology and Probation of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Sciences (Psychology), Associate Professor;

Vladimir P. Masyagin – associate professor at the Department of Military-Political Work in the Military (Forces) of the Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor;

Natal'ya S. Oboturova – professor at the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Sciences (Philosophy), Associate Professor;

Aleksandr R. Pavlushkov – associate professor at the Department of Civil Law Disciplines of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Sciences (History), Associate Professor;

Oksana B. Panova – professor at the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the Faculty of Psychology and Probation of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Sciences (Pedagogy), Associate Professor;

Vyacheslav M. Pozdnyakov – professor at the Department of Scientific Foundations of Extreme Psychology of the Moscow State University of Psychology and Education, Doctor of Sciences (Psychology), Professor;

Margarita Yu. Raitina – professor at the Department of Philosophy and Sociology, Leading Researcher at the Research and Educational Center of the Faculty of Humanities of the Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor;

Oksana N. Rakitskaya – associate professor at the Department of Social Psychology, Social Work and Probation of the Faculty of Psychology and Probation of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Sciences (Psychology), Associate Professor;

Vasilii A. Sablin – Head of the Department of General History and World Politics of the Vologda State University, Doctor of Sciences (History), Associate Professor;

Andrei Yu. Seval'nikov – Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (Philosophy);

Nikolai G. Sobolev – Senior Researcher at the Department of Development of Methodology of Social, Psychological, Educational and Pedagogical Work with Convicts of the Center for Research of Problems of Execution of Criminal Penalties and Psychological Support of Professional Activity of Employees of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Sciences (Psychology), Associate Professor;

Tat'yana L. Sokolova – associate professor at the Department of State and Legal Disciplines of the Faculty of Psychology and Law of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Sciences (History), Associate Professor;

Vitalii G. Stukanov – Head of the Laboratory for Personality Education of the National Institute of Education of the Republic of Belarus, Doctor of Sciences (Pedagogy), Candidate of Sciences (Psychology), Professor;

Aisulu T. Tokombaeva – associate professor at the Department of Criminal Law and Criminology of the Law Faculty of the Kyrgyz-Russian Slavic University named after the First President of the Russian Federation B.N. Yeltsin, Candidate of Sciences (Psychology), Associate Professor;

Igor N. Tyapin – professor at the Department of Philosophy of the Vologda State University, Doctor of Sciences (Philosophy), Associate Professor;

Oleg K. Shevchenko – associate professor at the Department of History and Philosophy of the Institute of Pedagogy, Psychology and Inclusive Education of the Humanities and Education Science Academy (branch) of V.I. Vernadsky Crimean Federal University in Yalta, Doctor of Sciences (Philosophy), Associate Professor;

Natalia A. Yastreb – Vice-Rector for Research and Innovation Affairs of the Vologda State University, Doctor of Sciences (Philosophy), Associate Professor;

Elena F. Yashchenko – Head of the Department of Applied Psychology of Emperor Alexander I Saint Petersburg State Transport University, Doctor of Sciences (Psychology), Professor.

СОДЕРЖАНИЕ

ВОЙЦЕХОВСКАЯ Н. Ю., НИКИФОРОВА С. А., ЮРЧЕНКО А. А. Специфика обучения переводчиков в области микроэлектроники: анализ образовательного курса.....	9
ЗАУТОРОВА Э. В., КОРЕПАНОВА Ю. Н. Опыт приобщения несовершеннолетних осужденных к творческой деятельности с целью исправления их личности.....	14
ШЕВЧЕНКО В. М. Пенитенциарный суицид несовершеннолетних: причины совершения и педагогические методы профилактики.....	21
АФОНИНА Р. Н. Гносеологические основания системы формирования профессиональных метапредметных компетенций учителя-гуманитария.....	29
СТРОЕВА И. В., ЛЕШИН А. О. Мониторинг состояния здоровья и физической подготовленности студентов технического вуза.....	36
ШУМАРОВ А. П., ШУГАЙ О. Е. Актуальные аспекты организации внеаудиторной деятельности курсантов Воронежского института ФСИН России.....	43
ГАЙЧЕНЯ Т. А. Особенности социальной идентичности современных российских студентов.....	51
КОЖЕВНИКОВА А. А., ЯЩЕНКО Е. Ф. Связи карьерных ориентаций и личностных качеств у машинистов и помощников машинистов.....	69
РАКИТСКАЯ О. Н., РОСТИСЛАВОВА А. А. Проблема формирования имиджа государственных гражданских служащих.....	80
КОЗЛОВСКАЯ Т. Н., АПТИКИЕВА Л. Р., ТРОНЬ О. С. Стратегии преодоления стрессовых ситуаций у молодых специалистов в области правоохранительной деятельности.....	93
ОРЛОВ В. В., УСТИНОВА А. Д. Особенности психоэмоциональных состояний ВИЧ-инфицированных осужденных.....	105
БОЛЬШАКОВ Е. В., ТИМОЩУК А. С. От трансцендентального сознания к экзистенциальному бытию: диалектика преемственности и разрыва в онтологии Э. Гуссерля и М. Хайдеггера.....	120
ОБОТУРОВА Н. С., ВАСИЛЬЕВА Д. В. Сетевая идентичность в оптике социального признания.....	129

CONTENT

VOITSEKHOVSKAYA N.YU., NIKIFOROVA S.A., YURCHENKO A.A. Specifics of Translator Training in the Field of Microelectronics: Analysis of the Training Course.....	9
ZAUTOROVA E.V., KOREPANOVA YU.N. On Encouraging Juvenile Convicts to Engage in Creative Activities for the Purpose of Correcting Their Personality..	14
SHEVCHENKO V.M. Juvenile Penitentiary Suicide: Causes and Pedagogical Methods of Prevention.....	21
AFONINA R.N. Epistemological Foundations of the System to Form Professional Meta-Subject Competencies in a Humanities Teacher.....	29
STROEVA I.V., LESHIN A.O. Monitoring Health and Physical Fitness of Technical University Students.....	36
SHUMAROV A.P., SHUGAI O.E. Current Aspects of Organizing Extracurricular Activities of Cadets in the Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia.....	43
GAICHENYA T.A. Specifying Social Identity of Modern Russian Students.....	51
KOZHEVNIKOVA A.A., YASHCHENKO E.F. Correlation between Career Orientations and Personal Qualities of Machinists and Assistant Machinists.....	69
RAKITSKAYA O.N., ROSTISLAVOVA A.A. Problem of Forming an Image of Public Civil Servants.....	80
KOZLOVSKAYA T.N., APTIKIEVA L.R., TRON' O.S. Young Law Enforcers' Strategies for Coping with Stressful Situations.....	93
ORLOV V.V., USTINOVA A.D. Characterizing Psychoemotional State of HIV-Infected Convicts.....	105
BOL'SHAKOV E.V., TIMOSHCHUK A.S. From Transcendental Consciousness to Existential Being: the Dialectic of Continuity and Gap in the Ontology of E. Husserl and M. Heidegger.....	120
OBOTUROVA N.S., VASIL'EVA D.V. Online Identity in terms of Social Recognition.....	129

Научная статья

УДК 372.881.111

doi 10.46741/sjjournal.2026.20.1.001

Специфика обучения переводчиков в области микроэлектроники: анализ образовательного курса

НАТАЛЬЯ ЮРЬЕВНА ВОЙЦЕХОВСКАЯ

Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники, Томск, Россия, nata200279@mail.ru

СОФЬЯ АЛЕКСЕЕВНА НИКИФОРОВА

Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники, Томск, Россия, nikisonya@gmail.com

АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ ЮРЧЕНКО

Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники, Томск, Россия, shibanutyitokom@yandex.ru

А н н о т а ц и я . Курс подготовки переводчика для технологических направлений – важная образовательная инициатива, отвечающая за растущую потребность академической и профессиональной среды в точной и адекватной передаче технической информации между языками. В условиях, когда значительная часть современной научно-технической литературы, патентов, спецификаций и учебных материалов доступна преимущественно на английском языке, создание системных программ подготовки специалистов, способных обеспечить качественный перевод таких материалов на русский и обратно, представляет стратегически значимую задачу для поддержания конкурентоспособности инженерного образования и научных исследований. Описываемый курс из опыта реализованной программы второй квалификации «Переводчика английского языка в области микроэлектроники» в Томском государственном университете систем управления и радиоэлектроники был разработан с учетом анализа работы и анкетирования. Курс сочетал теоретическое осмысление переводческих принципов и практическую подготовку, ориентированную на специфику отрасли, рассчитанный на интенсивную работу в течение четырех месяцев общей нагрузкой 252 ч. Сделан вывод, что интерес к переводческой профессии связан с необходимостью быть профессиональным и конкурентоспособным сотрудником в стремительно меняющемся мире современных технологий.

К л ю ч е в ы е с л о в а : перевод; профессиональная переподготовка; иностранный язык; дополнительная квалификация; курсы профессиональной переподготовки.

5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Войцеховская Н. Ю., Никифорова С. А., Юрченко А. А. Специфика обучения переводчиков в области микроэлектроники: анализ образовательного курса // Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований. 2026. № 1 (20). С. 9–13. doi 10.46741/sjjournal.2026.20.1.001.

Original article

Specifics of Translator Training in the Field of Microelectronics: Analysis of the Training Course

NATAL'YA YU. VOITSEKHOVSKAYA

Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics, Tomsk,
Russia, nata200279@mail.ru

SOF'YA A. NIKIFOROVA

Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics, Tomsk,
Russia, nikisonya@gmail.com

ALEKSANDR A. YURCHENKO

Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics, Tomsk,
Russia, shibanutyitokom@yandex.ru

Abstract. The training course for translators in technical fields represents a vital educational initiative addressing the growing demand within academic and professional environments for the precise and adequate transfer of technical information across languages. Given that a substantial part of contemporary scientific and technical literature, patents, specifications, and instructional materials is available predominantly in English, the development of systematic training programs for specialists capable of providing high-quality translation of such materials into Russian and vice versa is a strategically significant task for maintaining the competitiveness of engineering education and scientific research. The described course based on the implemented second degree program «English translator in the field of microelectronics» at the Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (TUSUR) is developed with regard to job analyses and surveys. The course combines theoretical insights into translation principles with industry-specific practical training, designed for four months of intensive work with a total workload of 252 hours. It is concluded that interest in the profession of translators is driven by the need to be a professional and competitive employee in the rapidly changing world of cutting-edge technologies.

Keywords: translation; professional retraining; foreign language; additional qualification; professional retraining courses.

5.8.1. General pedagogy, history of pedagogy and education.

For citation: Voitsekhovskaya N.Yu., Nikiforova S.A., Yurchenko A.A. Specifics of translator training in the field of microelectronics: analysis of the training course. *All-Russian Research and Practice Journal of Studies in Social Sciences and Humanities*, 2026, no. 1 (20), pp. 9–13. doi 10.46741/sjournal.2026.20.1.001.

В условиях, когда значительная часть современной научно-технической литературы, патентов, спецификаций и учебных материалов доступна преимущественно на английском языке, создание системных программ подготовки специалистов, способных обеспечить качественный перевод таких материалов на русский и обратно, представляет стратегически значимую задачу для поддержания конкурентоспособности инженерного образования и научных исследований [1; 2].

Подготовка технических переводчиков в области микроэлектроники имеет важное значение для расширения доступа к мировым научно-техническим знаниям и повышения

качества инженерного образования. Сбалансированная программа, в которой языковая подготовка и фонетика сочетаются с теорией и практикой перевода, способствует формированию специалистов, которые не только владеют языком, но и понимают предметную область достаточно глубоко, чтобы обеспечить корректную передачу содержательной и терминологической информации.

Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники разработал дополнительную программу профессиональной переподготовки «Переводчик английского языка в сфере профессиональной коммуникации» по таким направлениям, как информационные технологии и кибербезопасность, микроэлектроника, биомед, международный менеджмент, науки о космосе и инжиниринг, а также юриспруденция. Выбор областей был обусловлен стратегической необходимостью университета в обеспечении переводческих кадров по приоритетным национальным направлениям. В каждую программу входили пять модулей, которые являлись общей частью обучения, и один модуль в особенной части курса, включающий в себя практический курс английского языка по выбранной специализации.

Каждый модуль содержал два часовых вебинара и два контрольных задания. Занятия, входившие в модуль практического курса английского языка в специальной области, проводились в виде полуторачасовых вебинаров, где отрабатывались навыки перевода терминологии, синхронный перевод предложений с английского языка на русский и наоборот. Значительный процент всех занятий посвящался переводу на слух диалогов, роликов, фильмов, инструкций для отработки навыков аудирования.

В рамках проведенной программы профессиональной переподготовки переводчика в области микроэлектроники, о которой далее пойдет речь, выделялись шесть взаимосвязанных блоков, каждый из которых обеспечивал планомерное наращивание компетенций от базовой лингвистической подготовки к профессиональной специализации. Базовую теоретическую платформу составляли занятия по введению в языкознание (32 ч) и стилистике русского языка и культуре речи (32 ч). Первый блок давал фундаментальное понимание языковых уровней, структурных отношений и методологических основ лингвистики, необходимых для осознанного анализа исходных и целевых текстов [3]. Второй блок подчеркивал важность стилистической адекватности, грамотности и соответствия регистру в научно-технической коммуникации, формируя умение выбирать корректные языковые средства и соблюдать нормы профессиональной речи при оформлении переводов и сопроводительной документации.

Языковое владение и коммуникативная компетенция нацелены на активное использование английского языка в профессиональной среде; этому была посвящена значительная часть часов курса: практический курс английского языка (64 ч) и практическая фонетика английского языка (32 ч).

Практический курс обеспечивал расширение лексико-грамматического запаса, освоение специализированной лексики микроэлектронной тематики и отработку навыков аудирования, чтения, письма и коммуникации в профессиональных ситуациях. Блок фонетики фокусировался на произносительных аспектах, интонации и ясности устной передачи технической информации, что важно при устном сопровождении, презентациях и взаимодействии с англоговорящими коллегами.

Переводческая подготовка включала теорию перевода (32 ч) и практический курс профессионально ориентированного перевода (32 ч). Теоретический блок раскрывал общие принципы переводческой деятельности: методы сохранения эквивалентности, стратегию работы с терминологией, этические и методологические аспекты профессиональной практики. Практический блок предоставлял возможность систематически применять эти принципы на реальных текстах отрасли под руководством наставников: студенты работали с техническими описаниями, инструкциями, выдержками из патентов и научных публи-

каций, формировали терминологические базы и осваивали процедуры контроля качества перевода, что является критически важным аспектом в изучении иностранных языков [4].

Работа с терминологией была основной задачей программы [3]: на всех этапах студенты формировали глоссарии, изучали методы поиска и верификации терминов. Практические задания варьировались от небольших упражнений на отработку приемов до крупных проектов, моделировавших полный цикл перевода: анализ исходного текста, подготовка терминологической базы, перевод, редакция и финальное утверждение.

Оценивание результатов обучения производилось на основе точности передачи содержания, терминологической согласованности, читабельности и соответствия стилю целевого текста, а также соблюдения формальных требований документации. Плюсом к оценке являлась способность к самостоятельному освоению новых тематических областей, поиск и верификация источников, обоснование переводческих решений. Наставничество обеспечивало регулярную обратную связь, моделирование рабочих сценариев и отработку процедур контроля качества (например, редакция переведенных материалов).

Реализация программы показала, что структурированное распределение часов между лингвистическими и профессиональными блоками – от введения в языкознание и стилистику русского языка (по 32 ч) через углубленный практический английский (64 ч) и фонетику (32 ч) к теории перевода и практическим переводческим занятиям (по 32 ч каждый) [3] – позволяет сформировать у слушателей сбалансированный набор компетенций. Выпускник такого курса способен выполнять переводческие работы различной сложности и готов учитывать требования безопасности и точности технической информации.

В ходе обучения на вышеописанном курсе были рассмотрены следующие темы: процесс производства полупроводников, организация производства, составляющие микроэлектроники и принципы их работы (микроконтроллеры, диоды, конденсаторы, транзисторы, микрочипы). Изучение каждой из этих тем включало в себя просмотр, перевод и обсуждение аутентичных материалов и видеороликов, созданных экспертами в области микроэлектроники без адаптации их для русскоязычного слушателя и читателя, для расширения кругозора и повышения уровня восприятия иноязычной речи студентами курса. Большое внимание уделялось обучению переводу статей англоязычных авторов, выделению общеупотребительных научных выражений и фраз с добавлением в личный глоссарий, появлению тех или иных аббревиатур, их расшифровке и переводу на русский язык.

Также при реализации программы студентам предлагалось самостоятельно описать технологические процессы в производстве полупроводников для обобщения полученных знаний и совершенствования владения специальным вокабуляром, имеющим прямое отношение к области микроэлектроники.

В ходе обучения студентам предлагались видеоматериалы, разработанные компаниями Samsung и Intel, о технологии производства полупроводников, терминология, относящаяся к этой области.

Для проверки сформированности компетенций во время вебинаров со студентами проводились устные собеседования с последующим обсуждением идей каждого слушателя. Контрольные задания по итогу каждого занятия, проверяемые преподавателем, имели обратную связь, относительно точности перевода, правильности использования лексики и грамматических основ. Тестирование с автоматической проверкой по пройденному материалу логично вытекало в итоговую аттестационную работу, защита которой предполагает видеопрезентацию с докладом на тему, выбранную и согласованную с руководителем практического модуля.

Развитие подобных дополнительных курсов в образовательных учреждениях способствует повышению осведомленности будущих инженеров о роли качественного перевода и укрепляет междисциплинарную практику сотрудничества между языковыми и техническими специалистами, что важно для устойчивого развития национальной научно-технической базы. Кроме того, это способствует развитию навыков студентов, что в будущем сделает

их более конкурентоспособными на рынке труда и поможет им при прохождении обучения в магистратуре и аспирантуре, даст им возможность читать первоисточники без использования переводчиков и ожидания перевода или обзора статей российскими учеными.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Полидоро С. Профессия переводчика // Этнодиалоги. 2018. № 2 (56). С. 255–260. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/professiya-perevodchika> (дата обращения: 14.01.2025).
2. Тумайкина А. О. Роль устного перевода в глобализирующемся мире // XLVIII Огаревские чтения : материалы науч. конф. : в 3 ч. Саранск, 2020. Ч. 3. С. 440–445.
3. Войцеховская Н. Ю., Покровская Е. М., Шарипова З. С. Востребованность подготовки специалиста по переводу в техническом вузе: тренды и перспективы // Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований. 2025. № 3 (18). С. 59–63.
4. Устинова Т. В. Коммуникативная деятельность и профессиональная компетентность переводчика в век машинного перевода // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2021. № 2. С. 12–20.

REFERENCES

1. Polidoro C. The interpreting profession. *Ethnodialogi = Ethnialogues*, 2018, no. 2 (56), pp. 255–260. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/professiya-perevodchika> (In Russ.). (Accessed January 14, 2025).
2. Tumaikina A.O. The role of interpretation in the globalizing world. In: *XLVIII Ogarevskie chteniya: materialy nauch. konf.: v 3 ch. Ch. 3* [XLVIII Ogarev readings: proceedings of the scientific conference: in 3 parts. Part 3]. Saransk, 2020. Pp. 440–445. (In Russ.).
3. Voitsekhovskaya N.Yu., Pokrovskaya E.M., Sharipova Z.S. Demand for translation specialist training at a technical university: trends and prospects. *Vserossiiskii nauchno-prakticheskii zhurnal sotsial'nykh i gumanitarnykh issledovaniy = All-Russian Research and Practice Journal of Studies in Social Sciences and Humanities*, 2025, no. 3 (18), pp. 59–63. (In Russ.).
4. Ustinova T.V. Communicative activity and the professional translator's competences in the era of machine translation. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 22. Teoriya perevoda = Moscow University Translation Studies Bulletin*, 2021, no. 2, pp. 12–20. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

НАТАЛЬЯ ЮРЬЕВНА ВОЙЦЕХОВСКАЯ – старший преподаватель кафедры иностранных языков Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники, Томск, Россия, nata200279@mail.ru

СОФЬЯ АЛЕКСЕЕВНА НИКИФОРОВА – преподаватель кафедры иностранных языков Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники, Томск, Россия, nikisonya@gmail.com

АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ ЮРЧЕНКО – студент второго курса факультета вычислительных систем Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники, Томск, Россия, shibanutyitokom@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

NATAL'YA YU. VOITSEKHOVSKAYA – Senior Lecturer at the Department of Foreign Languages of the Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics, Tomsk, Russia, nata200279@mail.ru

SOF'YA A. NIKIFOROVA – Lecturer at the Department of Foreign Languages of the Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics, Tomsk, Russia, nikisonya@gmail.com

ALEKSANDR A. YURCHENKO – 2nd-year Student at the Faculty of Computing Systems of the Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics, Tomsk, Russia, shibanutyitokom@yandex.ru

Статья поступила 27.07.2025

Научная статья

УДК 376

doi 10.46741/sjournal.2026.20.1.002

Опыт приобщения несовершеннолетних осужденных к творческой деятельности с целью исправления их личности

ЭЛЬВИРА ВИКТОРОВНА ЗАУТОРОВА

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия
Научно-исследовательский институт ФСИН России, Москва, Россия
elvira-song@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1334-2654>

ЮЛИЯ НИКОЛАЕВНА КОРЕПАНОВА

Самарский юридический институт ФСИН России, Самара, Россия,
unik200707@mail.ru

Аннотация. В статье представлен опыт приобщения несовершеннолетних осужденных к творческой деятельности в условиях воспитательной колонии. В настоящее время осуществляется расширение форм организации культурного досуга несовершеннолетних, открываются клубы по интересам, организуется кружковая работа по разным направлениям деятельности. Формирование нравственного отношения к жизни, многообразного, полноценного и успешного социального опыта, полученного в процессе приобщения подростков к различным видам творческой деятельности, необходимо для дальнейшей социализации осужденных подростков и исправления их личности.

Ключевые слова: воспитательная колония; лица несовершеннолетнего возраста; творческая деятельность; опыт воспитательной работы; исправление личности.

5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования.

Для цитирования: Зауторова Э. В., Корепанова Ю. Н. Опыт приобщения несовершеннолетних осужденных к творческой деятельности с целью исправления их личности // Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований. 2026. № 1 (20). С. 14–20. doi 10.46741/sjournal.2026.20.1.002.

Original article

On Encouraging Juvenile Convicts to Engage in Creative Activities for the Purpose of Correcting Their Personality

EL'VIRA V. ZAUTOROVA

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia
Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia
elvira-song@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1334-2654>

© Зауторова Э. В., Корепанова Ю. Н., 2026

YULIYA N. KOREPANOVA

Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Samara, Russia, unik200707@mail.ru

Abstract. The article presents the experience of encouraging juvenile convicts to participate in creative activities in a juvenile correctional facility. Nowadays, the forms of organizing cultural leisure for minors are expanded, interest clubs are opened, and collaborative work is organized in various fields of activity. The formation of a moral attitude to life and the acquisition of diverse and successful social experience are necessary for further socialization of convicted adolescents and correction of their personality.

Key words: juvenile correctional facility; underage persons; creative activity; educational work experience; personality correction.

5.8.1. General pedagogy, history of pedagogy and education.

For citation: Zautorova E.V., Korepanova Yu.N. On encouraging juvenile convicts to engage in creative activities for the purpose of correcting their personality. *All-Russian Research and Practice Journal of Studies in Social Sciences and Humanities*, 2026, no. 1 (20), pp. 14–20. doi 10.46741/sjournal.2026.20.1.002.

По последним данным, в России насчитывается 13 воспитательных колоний для несовершеннолетних. Преступность лиц подросткового возраста является более латентной по сравнению с преступностью других возрастных категорий: несовершеннолетние фактически совершают в три раза больше преступлений, чем регистрируется в правоохранительных органах [1]. Самой распространенной среди подростков асоциального поведения является имущественная преступность – кражи, разбои, грабежи, которые и составляют основную часть от общего числа преступлений, совершенных несовершеннолетними. Значительная часть несовершеннолетних совершают преступления в составе групп, к тому же среди подростков с антиобщественной направленностью очень распространены пьянство и наркомания. Отбывают наказание несовершеннолетние, совершившие преступление, в воспитательных колониях.

С лицами, осужденными судом и находящимися в воспитательной колонии, осуществляется воспитательная работа (ст. 109 УИК РФ), направленная на формирование у подростков уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития, повышение их образовательного и культурного уровня. При привлечении воспитуемых к проводимым воспитательным и коррекционным мероприятиям необходимо проанализировать изменения их личности (степень исправления), учитывать применение к ним мер поощрения и взыскания, уровень интеллектуального развития, нравственной воспитанности, эстетической развитости и т. д. Осужденные добровольно принимают участие в проводимых воспитательных мероприятиях, где наибольшим образом реализуется их заинтересованность определенным видом деятельности и проявляется их личная направленность в зависимости от вкуса, склада характера, желания, способностей и т. д.

Подростковый возраст – пора формирования нравственных убеждений и принципов, социальных установок, отношения к себе, людям, обществу, поэтому с каждым годом в воспитательных колониях осуществляется расширение форм организации культурного досуга несовершеннолетних, открываются клубы по интересам, организуется кружковая работа по разным направлениям деятельности [2].

В данной статье мы рассмотрим творческое направление деятельности и его влияние на исправление личности осужденных подростков, так как это важная составляющая воспитательной работы, а приобщение несовершеннолетних к творчеству способствует формированию системы общечеловеческих ценностных ориентаций, а также духовно-нрав-

ственному и художественно-эстетическому развитию. В связи с этим нами была изучена работа кружков и студий художественно-творческого направления в ряде воспитательных колоний нашей страны и определена их роль в исправлении личности несовершеннолетних.

Так, в Новооскольской воспитательной колонии УФСИН по Белгородской области, где отбывают наказание несовершеннолетние осужденные женского пола, функционирует творческая студия «Без дела не сидим». В рамках утвержденной программы организуются различные проекты: «Искусно об искусстве», «В русле традиций и новаторства: создание студии керамики на базе Белгородского государственного художественного музея», выставка «Шкатулка сказок» и др. Осужденные девушки активно участвуют в мероприятиях с использованием IT-технологий, интерактивных методов обучения и воспитания и т. д. [3].

Данный проект позволяет осужденным лучше адаптироваться к условиям и требованиям режима в учреждении, адекватно принимать окружающий мир и людей, развивает творческие навыки и умения, в связи с этим процесс ресоциализации будет происходить намного эффективнее [4].

Также Ижевскую воспитательную колонию УФСИН России по Удмуртской Республике постоянно с благотворительными визитами посещают представители культуры и искусства, театральные деятели. Очень важны для подростков беседы с людьми, достигшими успеха благодаря своему труду и таланту. Такие встречи дают воспитанникам стимул к саморазвитию, расширяют их кругозор и способствуют исправлению личности.

Например, запомнился воспитанникам просмотр киноленты «Осенью 41-го», а потом встреча с героиней фильма М. Куделинской [5]. Военная тематика дала возможность развить и укрепить патриотические чувства несовершеннолетних, тем самым способствовать решению задачи формирования нравственных качеств на основе принципов и ценностей, таких как патриотизм, служение Отечеству, семья, созидательный труд, гуманизм, социальная справедливость, взаимопомощь и коллективизм [6].

Незабываемыми остаются встречи Ю. Д. Куклачева и его «Театра кошек» с воспитанниками Алексинской, Архангельской, Колпинской воспитательных колоний [7; 8]. Помимо выступления он организует беседы на тему «Уроки доброты». Знаменитый артист рассказывает на примере своей жизни, как достигать намеченных целей, знакомит подростков с книгами нравственно-религиозного содержания и т. д.

Воспитанник Архангельской воспитательной благодаря своему увлечению техническим творчеством одержал победу в областном детском конкурсе авиамоделирования «Крылья Поморья». В рамках занятий кружка по стендовому моделированию он выполнил модель самолета Ил-2 [9]. Также в воспитательной колонии есть творческая мастерская, находящаяся в стенах библиотеки, где в свободное от учебных занятий время осужденные подростки занимаются рисованием, керамикой, участвуют в работе мини-киностудии, сами пробуют создавать киноминиатюры на разные темы. Творческая деятельность помогает воспитанникам проявить себя в социально положительной деятельности, получить одобрение, изменить отношение к себе и скорректировать ценностно-нравственные ориентиры своего поведения.

В Находкинской воспитательной колонии осуществляет работу студия кабельного телевидения «Юность» [10]. Творческий конкурс (поиск инфоповодов, написание текстов, быстрый сбор информации и т. д.) помог выявить самых талантливых воспитанников, обладающих способностями к журналистской деятельности. Победители пробуют себя в деле разработки сценария, киносъемки своих первых видеосюжетов и т. д. Тематика определена сотрудниками колонии: изменения в законодательстве Российской Федерации, создание профилактических видеороликов о вреде алкоголя, табакокурения, путях разрешения конфликтных ситуаций, поздравления именинников и т. д.

Деятельность в данном направлении создает широкие возможности для развития творческих способностей, полезного досуга, что плодотворно скажется на ресоциализации лиц несовершеннолетнего возраста после освобождения.

Важно, чтобы творческий подход присутствовал во всех сферах жизнедеятельности воспитуемых. Так, в Колпинской воспитательной колонии с 2003 г. функционирует производственная площадка «Новое поколение», рассчитанная на 120 рабочих мест, где подростки занимаются изготовлением настольных игр [11]. А в Томской воспитательной колонии № 2 успешно функционирует кружок «Увлекательная вышивка», что неожиданно для трудных подростков. Занятия этим древнейшим видом русского декоративного искусства способны открыть ребятам великолепный мир народного творчества, сформировать представления о красоте и гармонии, способствовать нравственно-патриотическому воспитанию обучающихся [12].

Воспитатели отмечают, что занятия вышивкой вызывают у подростков интерес к народному творчеству, воспитывают художественный вкус, развивают эстетические чувства, а также прививают практические трудовые навыки (ребята рисуют, составляют и вышивают узоры, картинки, а также занимаются изготовлением рамок для оформления работы), пробуждают желание к творческой деятельности у несовершеннолетних. В беседах о народном творчестве поднимаются темы разнообразных человеческих чувств и характеров: любовь к матери, уважение к старшим, верность, преданность, любовь к родной земле, прославление защитников русской земли. В произведениях народного искусства осуждаются предательство, лень, безответственность, в них часто сознательно преувеличивается хорошее, чтобы оно стало еще прекраснее.

Творческая деятельность стимулирует развитие различных способностей, в ходе чего личность творит, рождает, формулирует, находит собственные ценностные смыслы в явлениях, предметах, качествах, свойствах художественно-эстетической информации, отражает их в продуктах собственной деятельности. Продуктом может выступать поступок, сформулированная мысль, предмет деятельности [13].

Для эффективной организации воспитательной работы сотрудники воспитательных колоний должны обладать хорошо развитыми педагогическими способностями. При этом важны коммуникативные навыки: умение эффективно общаться помогает персоналу воспитательной колонии избегать недопонимания и конфликтов, быстрее находить решения сложных вопросов в процессе коммуникации с подростками. В связи с этим для сотрудников организуются курсы повышения квалификации, проходят учебно-методические сборы, создаются условия для повышения образовательного уровня и т. д. Так, периодически на базе воспитательных колоний организуются специальные семинары для сотрудников, где они знакомятся с условиями отбывания наказания несовершеннолетних осужденных в том или ином учреждении, организацией питания и медицинского обеспечения, посещают школу и профессиональное училище при колонии, общаются с педагогами. Как правило, главное место занимают вопросы социальной, психологической и воспитательной работы с несовершеннолетними осужденными, осуществляется поиск решения проблем организации отдельных направлений деятельности воспитательных колоний. Подобный обмен положительным опытом работы помогает сотрудникам шире использовать различные формы и методы воспитания, применять в образовательном процессе новые современные технологии, а также организовывать работу по развитию творческих навыков и интересов у воспитуемых.

Постоянное включение несовершеннолетних осужденных в активную творческую деятельность стимулирует стремление к личностному самоопределению, формирование общечеловеческих ценностей, нравственного отношения к жизни, многообразного, полноценного и успешного социального опыта, которые необходимы для дальнейшей успешной социализации осужденных подростков и исправления их личности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ображиев К. В. Преступность несовершеннолетних в современной России: основные криминологические параметры // Правовая инициатива. 2018. № 2. С. 35–37.
2. Руцынская Н. В. Развитие творческих способностей у обучающихся-осужденных как средство развития личности. URL: <https://infourok.ru/razvitie-tvorcheskih-sposobnostey-u-obuchayuschih-sya-osuzhdennykh-kak-sredstvo-razvitiya-lichnosti-3406279.html?ysclid=mhlog5kwcv435006310> (дата обращения: 05.11.2025).
3. Меринова Т. В. «Без дела не сидим». Создание творческой студии в воспитательной колонии для несовершеннолетних. URL: <https://panor.ru/articles/bez-dela-ne-sidim-sozdanie-tvorcheskoy-studii-v-vospitatelnoy-kolonii-dlya-nesovershennoletnikh/88646.html?ysclid=mhhwhfido765893040#> (дата обращения: 05.11.2025).
4. Вшивкова А. А. Роль воспитательно-образовательной среды воспитательных колоний уголовно-исполнительной системы Российской Федерации в становлении личности несовершеннолетних осужденных // Молодой ученый. 2018. № 20 (206). С. 62–64.
5. Актеры театра и кино попросили воспитанников Ижевской воспитательной колонии больше не преступать закон. URL: https://web.archive.org/web/20180210110353/http://фсин.рф/news/index.php?ELEMENT_ID=371362 (дата обращения: 05.11.2025).
6. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденной Указом Президента РФ от 19 декабря 2012 года № 1666. URL: <https://base.garant.ru/70284810/?ysclid=mhlo5j6b4o62808160> (дата обращения: 05.11.2025).
7. Воспитанники Алексинской воспитательной колонии увидели шоу Ю. Куклачева. URL: <https://1tulatv.ru/news/2016/02/16/43151-vospitanniki-aleksinskoy-kolonii-uideli-shou-yuriya-kuklacheva.html?ysclid=mhlmyfyguh1128418006> (дата обращения: 05.11.2025).
8. Юрий Куклачев выступит с Театром кошек в Колпинской воспитательной колонии. URL: <https://www.interfax-russia.ru/northwest/news/yuriy-kuklachev-vystupit-s-teatrom-koshek-v-kolpinskoy-vospitatelnoy-kolonii> (дата обращения: 05.11.2025).
9. Воспитанник Архангельской воспитательной колонии победил в региональном конкурсе авиамоделирования. URL: https://web.archive.org/web/20180210110202/http://фсин.рф/news/index.php?ELEMENT_ID=371354 (дата обращения: 05.11.2025).
10. В Находкинской воспитательной колонии открылась видеостудия «Юность». URL: https://web.archive.org/web/20180204120159/http://фсин.рф/news/index.php?ELEMENT_ID=370359 (дата обращения: 05.11.2025).
11. В Колпинской воспитательной колонии подростки изготавливают уникальные авторские игрушки. URL: https://fsin.gov.ru/news/index.php?ELEMENT_ID=20415 (дата обращения: 05.11.2025).
12. Томская воспитательная колония № 2 стала лучшей в России по эстетическому воспитанию. URL: <https://tomsk.gov.ru/news/front/view/id/98650?ysclid=mhlp0umhzk281061890> (дата обращения: 05.11.2025).
13. Зауророва Э. В. Использование потенциала театрального искусства в воспитательной и психокоррекционной работе с несовершеннолетними осужденными // Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики : материалы XXIV Всерос. науч.-практ. конф. Новокузнецк, 2024. С. 140–142.

REFERENCES

1. Obrazhiev K.V. Juvenile delinquency in modern Russia: basic criminological parameters. *Pravovaya initsiativa = Legal Initiative*, 2018, no. 2, pp. 35–37. (In Russ.).
2. Rutsynskaya N.V. *Razvitie tvorcheskikh sposobnostei u obuchayushchikhsya-osuzhdennykh kak sredstvo razvitiya lichnosti* [Development of creative abilities among convicted students as a means of personality development]. Available at: <https://infourok.ru/razvitie-tvorcheskih-sposobnostey-u-obuchayuschih-sya-osuzhdennykh-kak-sredstvo-razvitiya-lichnosti-3406279.html?ysclid=mhlog5kwcv435006310> (accessed November 5, 2025).
3. Merinova T.V. *“Bez dela ne sidim”*. *Sozdanie tvorcheskoi studii vvospitatel'noi kolonii dlya nesovershennoletnikh* [“We don’t sit around”. Creation of a creative studio in a juvenile correctional facility for minors]. Available at: <https://panor.ru/articles/bez-dela-ne-sidim-sozdanie-tvorcheskoy-studii-v-vospitatelnoy-kolonii-dlya-nesovershennoletnikh/88646.html?ysclid=mhhwhfido765893040#> (accessed November 5, 2025).

4. Vshivkova A.A. The role of the educational environment of the correctional colonies of the Russian Federation in the formation of the personality of juvenile convicts. *Molodoi uchenyi = Young Scientist*, 2018, no. 20 (206), pp. 62–64. (In Russ.).
5. *Aktery teatra i kino poprosili vospitannikov lzhevskoi vospitatel'noi kolonii bol'she ne prestupat' zakon* [The actors of the theater and cinema asked the pupils of the lzhevsk juvenile correctional facility not to break the law anymore]. Available at: https://web.archive.org/web/20180210110353/http://fsin.rf/news/index.php?ELEMENT_ID=371362 (accessed November 5, 2025).
6. *Strategiya gosudarstvennoi natsional'noi politiki Rossiiskoi Federatsii na period do 2025 goda, utverzhdennoi Ukazom Prezidenta RF ot 19 dekabrya 2012 goda No. 1666* [Strategy of the State National Policy of the Russian Federation for the period up to 2025 approved by Decree of the President of the Russian Federation No. 1,666 of December 19, 2012]. Available at: <https://base.garant.ru/70284810/?ysclid=mhlo5j6b4o62808160> (accessed November 5, 2025).
7. *Vospitanniki Aleksinskoi vospitatel'noi kolonii uvideli shou Yu. Kuklacheva* [Pupils of the Aleksinsky juvenile correctional facility has visited the show of Yu. Kuklachev]. Available at: <https://1tulatv.ru/news/2016/02/16/43151-vospitanniki-aleksinskoy-kolonii-uviteli-shou-yuriya-kuklacheva.html?ysclid=mhlmfygyh1128418006> (accessed November 5, 2025).
8. *Yurii Kuklachev vystupit s Teatrom koshek v Kolpinskoi vospitatel'noi kolonii* [Yurii Kuklachev will perform with the Theater of Cats in the Kolpino juvenile correctional facility]. Available at: <https://www.interfax-russia.ru/northwest/news/yurii-kuklachev-vystupit-s-teatrom-koshek-v-kolpinskoy-vospitatelnoy-kolonii> (accessed November 5, 2025).
9. *Vospitannik Arkhangel'skoi vospitatel'noi kolonii pobedil v regional'nom konkurse aviamodelirovaniya* [A pupil of the Arkhangel'sk juvenile correctional facility has won the regional aircraft modeling contest]. Available at: https://web.archive.org/web/20180210110202/http://fsin.rf/news/index.php?ELEMENT_ID=371354 (accessed November 5, 2025).
10. *V Nakhodkinskoi vospitatel'noi kolonii otkrylas' videostudiya "Yunost"* [The Yunost video studio was opened in the Nakhodka juvenile correctional facility]. Available at: https://web.archive.org/web/20180204120159/http://fsin.rf/news/index.php?ELEMENT_ID=370359 (accessed November 5, 2025).
11. *V Kolpinskoi vospitatel'noi kolonii podrostki izgotavlivayut unikal'nye avtorskie igrushki* [In the Kolpino juvenile correctional facility, teenagers make unique author's toys]. Available at: https://fsin.gov.ru/news/index.php?ELEMENT_ID=20415 (accessed November 5, 2025).
12. *Tomskaya vospitatel'naya koloniya No. 2 stala luchshei v Rossii po ehsteticheskomu vospitaniyu* [Tomsk juvenile correctional facility No. 2 has become the best in Russia in aesthetic education]. Available at: <https://tomsk.gov.ru/news/front/view/id/98650?ysclid=mhlp0umhzhk281061890> (accessed November 5, 2025).
13. Zautorova E.V. Using capacities of theatrical art in educational and psychocorrective work with juvenile convicts. In: *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema segodnya: vzaimodeistvie nauki i praktiki: materialy XXIV Vseros. nauch.-prakt. konf.* [Penal system today: interaction of science and practice: materials of the XXIV All-Russian scientific and practical conference]. Novokuznetsk, 2024. Pp. 140–142. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

ЭЛЬВИРА ВИКТОРОВНА ЗАУТОРОВА – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры юридической психологии и педагогики факультета психологии и пробации Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, Москва, Россия, elvira-song@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1334-2654>

ЮЛИЯ НИКОЛАЕВНА КОРЕПАНОВА – кандидат психологических наук, доцент кафедры юридической психологии, педагогики и организации воспитательной работы с осужденными Самарского юридического института ФСИН России, Самара, Россия, unik200707@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

EL'VIRA V. ZAUTOVA – Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor, professor at the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the Faculty of Psychology and Probation of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia,

Leading Researcher at the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, elvira-song@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1334-2654>

YULIYA N. KOREPANOVA – Candidate of Sciences (Psychology), associate professor at the Department of Legal Psychology, Pedagogy and Organization of Educational Work with Convicts of the Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Samara, Russia, unik200707@mail.ru

Статья поступила 09.12.2025

Научная статья

УДК 376.58

doi 10.46741/sgjournal.2026.20.1.003

Пенитенциарный суицид несовершеннолетних: причины совершения и педагогические методы профилактики

ВИКТОРИЯ МИХАЙЛОВНА ШЕВЧЕНКО

Центр психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи
Невского района Санкт-Петербурга, Санкт-Петербург, Россия
Владимирский государственный университет
имени А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Россия
viktoritchshevchenko@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме профилактики суицидального поведения несовершеннолетних осужденных в воспитательных колониях уголовно-исполнительной системы. На основе анализа научной литературы и эмпирического исследования рассматриваются социально-психологические детерминанты, мотивы и поводы суицидального поведения. Автором предложена классификация мотивов аутоагрессивного поведения, включающая противодействие администрации, уход от сложившейся ситуации, подражание и угрызения совести. Особое внимание уделяется влиянию криминальной субкультуры, в том числе идеологии запрещенного движения АУЕ (признано экстремистским, его деятельность запрещена на территории Российской Федерации), на формирование суицидальных рисков. Обосновывается необходимость комплексного межведомственного подхода к профилактике, объединяющего усилия психологической, режимной, оперативной и воспитательной служб. Разработан и представлен комплекс мер педагогического воздействия, включающий этапы диагностики и выявления группы риска, воспитательные мероприятия и педагогическую поддержку, работу с семьей, создание безопасной среды, мониторинг эффективности. Сделан вывод, что эффективная педагогическая профилактика, основанная на понимании мотивации суицидального поведения и учитывающая специфику подросткового возраста, способна минимизировать риски аутоагрессии и содействовать успешной ресоциализации несовершеннолетних осужденных.

Ключевые слова: суицид; суицидальное поведение; уголовно-исполнительная система; несовершеннолетние осужденные; воспитательная колония; профилактика суицида; педагогическое воздействие; мотивы суицидального поведения; криминальная субкультура; аутоагрессия.

5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования.

Для цитирования: Шевченко В. М. Пенитенциарный суицид несовершеннолетних: причины совершения и педагогические методы профилактики // Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований. 2026. № 1 (20). С. 21–28. doi 10.46741/sgjournal.2026.20.1.003.

Original article

Juvenile Penitentiary Suicide: Causes and Pedagogical Methods of Prevention

VIKTORIYA M. SHEVCHENKO

Center for Psychological, Pedagogical, Medical and Social Assistance of the Nevsky District of Saint Petersburg, Saint Petersburg, Russia
Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs, Vladimir, Russia
viktoritchshevchenko@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the prevention of suicidal behavior of juvenile convicts in juvenile correctional facilities. Based on the analysis of scientific literature and empirical research, the socio-psychological determinants, motives and causes of suicidal behavior are considered. The author suggests a classification of motives for self-aggressive behavior, including opposition to the administration, avoidance of the current situation, imitation and remorse. Special attention is paid to the influence of criminal subculture, including the ideology of the banned AUE movement, on the formation of suicidal risks. The necessity of an integrated interdepartmental approach to prevention, combining the efforts of psychological, regime, operational and educational services, is substantiated. The author proposes a set of pedagogical impact measures, including stages of diagnosis and identification of risk groups, educational measures and pedagogical support, family work, creating a safe environment, and monitoring effectiveness. It is concluded that effective pedagogical prevention based on the understanding of motivation for suicidal behavior and the specifics of adolescence is able to minimize self-aggression risks and promote successful rehabilitation of juvenile convicts.

Keywords: suicide; suicidal behavior; penal system; juvenile convicts; juvenile correctional facility; suicide prevention; pedagogical influence; motives of suicidal behavior; criminal subculture; self-aggression.

5.8.1. General pedagogy, history of pedagogy and education.

For citation: Shevchenko V.M. Juvenile penitentiary suicide: causes and pedagogical methods of prevention. *All-Russian Research and Practice Journal of Studies in Social Sciences and Humanities*, 2026, no. 1 (20), pp. 21–28. doi 10.46741/sjjournal.2026.20.1.003.

Самоубийство представляет собой социально-психологический феномен, присущий различным обществам на всех этапах их развития. В последние десятилетия проблема суицида приобрела глобальный характер в связи со значительным ростом его распространенности. В структуре причин смертности самоубийства занимают 4–5 места в различных государствах. Согласно данным ООН в развитых странах ежегодно фиксируется около 130 тысяч случаев суицида. Россия устойчиво входит в число государств с высокими показателями суицидальной смертности, занимая место в первой десятке стран по общему коэффициенту смертности от самоубийств согласно статистике Всемирной организации здравоохранения [1].

В научной литературе принято выделять три основные формы суицидального поведения: истинный суицид, аффективный суицид и демонстративно-шантажное поведение [2]. К суицидальному поведению относят завершённые самоубийства, суицидальные попытки и суицидальные намерения. Эти формы являются принципиально разными: завершённый суицид характеризуется направленностью агрессии на собственное «Я», в то время как при

попытке агрессия чаще направлена вовне с целью привлечения внимания или изменения межличностных отношений.

Суициды в уголовно-исполнительной системе представляют особую общественную опасность, поскольку дестабилизируют психологический климат и оперативную обстановку в учреждениях, препятствуют нормальному функционированию и снижают эффективность воспитательной и профилактической работы. Кроме того, самоубийства могут быть связаны с совершением или подготовкой преступлений как самим суицидентом, так и иными лицами в пределах учреждения. Отдельного внимания заслуживают протестные суицидальные акты и членовредительство, направленные против законных действий администрации. Подобные действия, поощряемые криминальной субкультурой, характерны для осужденных отрицательной направленности, которые воспринимаются частью сообщества как борцы за общее дело. Реально же такие акты наносят ущерб процессу исполнения наказаний и могут провоцировать массовые нарушения порядка. При рассмотрении демонстративно-шантажного поведения несовершеннолетних важно учитывать влияние криминальной субкультуры, в частности идеологии запрещенного движения АУЕ (признано экстремистским, его деятельность запрещена на территории Российской Федерации). Несовершеннолетние, подражая взрослым лидерам, могут наносить себе серьезные повреждения, вплоть до летальных, ошибочно полагая, что жертвуют собой ради «интересов сообщества». При этом они не осознают, что взрослые участники движений часто контролируют степень риска и возможность получения своевременной помощи.

Таким образом, суицид – это умышленное самоповреждение со смертельным исходом. Его психологический смысл часто заключается в снятии аффективного напряжения и бегстве от невыносимой ситуации. В отличие от суицида в обществе в целом пенитенциарный суицид оказывает непосредственное негативное влияние на процесс исполнения наказаний, что требует разработки специальных профилактических мер.

Проведенный нами научный поиск показал, что в настоящее время профилактику и предупреждение суицидов в учреждениях уголовно-исполнительной системы многие ученые относят к компетенции исключительно психологической службы [3–5]. Мы же считаем, что предотвращение аутодеструктивных попыток является задачей, характерной для всех служб учреждения, решаемой с помощью режимной и оперативно-розыскной деятельности, применения медицинских мер и психологических методик, а также педагогического воздействия. Необходимо подчеркнуть, что последнее наиболее эффективно в отношении несовершеннолетних (как имеющих более выраженную способность воспринимать оказываемое воздействие), что и обусловило наш научный интерес.

Для понимания природы самоубийств в местах лишения свободы и создания эффективной профилактики необходимо анализировать причины, условия, мотивы и поводы таких действий среди несовершеннолетних осужденных. Исследования [6, с. 58–59; 7] позволяют выделить факторы, влияющие на уровень суицидов в исправительных учреждениях, и описать портрет наиболее уязвимых лиц. Отправной точкой мы считаем мнение основоположника отечественной школы суицидологии профессора А. Г. Амбрумовой, утверждавшей, что суицид часто является следствием социально-психологической дезадаптации личности в условиях острых микросоциальных конфликтов [8]. Непосредственным толчком, особенно в условиях учреждений УИС, могут служить конкретные кризисные ситуации: внутриличностные и семейные конфликты, проблемы, связанные с антисоциальным поведением, материально-бытовые трудности, тяжелые заболевания.

Факт осуждения к лишению свободы сам по себе является пролонгированной психотравмирующей ситуацией. Изоляция от привычной среды, разрыв социальных связей, ограничение прав, необходимость подчиняться режиму, отсутствие автономии, постоянное нахождение в среде осужденных и влияние криминальной субкультуры – все это оказывает мощное воздействие на психику, особенно впервые осужденных. Степень психотравми-

рующего воздействия варьируется в зависимости от срока наказания, условий отбывания (месторасположение колонии, особенности оперативной обстановки), обстоятельств преступления, переживаний о содеянном, последствий для семьи, предыдущего криминального опыта, психологической готовности к изоляции и индивидуально-личностных особенностей (воля, темперамент, уровень развития). В результате осужденный, прибывший в воспитательную колонию, испытывает комплекс тяжелых переживаний: тревогу, страх за жизнь и безопасность, опасение утраты личностной идентичности. В условиях изоляции эти переживания могут провоцировать агрессию, депрессию или становиться причиной суицида.

Мотив понимается как внутреннее побуждение к действию, к которым относят потребности, влечения, эмоции, установки, идеалы [9]. Суицидальное поведение обычно полимотивированно, то есть вызывается несколькими взаимодействующими мотивами, которые могут быть как осознанными (убеждения, идеалы), так и неосознанными (влечения, установки). Мотивация пенитенциарного суицида разнообразна, и в каждом случае обычно присутствует несколько сопутствующих мотивов. Исследования [6, с. 72–79] указывают на такие мотивы, как месть другим осужденным, конфликт с администрацией, желание встретиться с родственниками. Устранение условий, порождающих эти мотивы, может способствовать снижению числа суицидов.

Эмпирической базой для статьи послужили данные, полученные в ходе социологического опроса, проведенного в апреле 2025 г. Исследование проводилось методом анонимного анкетирования, что позволило минимизировать социально желательные ответы и повысить достоверность полученной информации.

В опросе приняли участие 100 респондентов. Генеральную совокупность составили лица мужского пола в возрасте от 14 до 18 лет, отбывающие наказание в виде лишения свободы в воспитательной колонии. Выбранная возрастная категория представляет особый интерес для исследователей, так как находится на стыке правового статуса несовершеннолетнего и приближения к совершеннолетию, что определяет специфику их правосознания и социальных ожиданий. Полученная выборка позволяет выявить основные тенденции и закономерности, характерные для данной категории осужденных в условиях конкретного региона.

Целью исследования являлся анализ социально-психологических детерминант, уровня выраженности и структурных компонентов суицидального поведения несовершеннолетних осужденных, содержащихся в воспитательной колонии. В его ходе решались следующие задачи: выявление распространенности суицидальных мыслей, намерений и попыток; определение социально-психологических и пенитенциарных факторов, повышающих риск суицидального поведения у несовершеннолетних осужденных; анализ взаимосвязи суицидального риска с личностными особенностями, ценностными ориентациями и адаптационным потенциалом респондентов. Полученные результаты могут быть использованы сотрудниками психологических и воспитательных служб УИС, социальными педагогами, а также специалистами по работе с молодежью при разработке индивидуальных программ психологического сопровождения и коррекции суицидального поведения несовершеннолетних осужденных, организации системы профилактических мероприятий и повышении эффективности постпенитенциарной поддержки.

В результате проведенного нами исследования мы классифицировали мотивы аутоагрессивного поведения опрошенных нами несовершеннолетних осужденных на несколько групп (в ходе опроса допускалось несколько ответов, в связи с чем суммарный процент ответов может превышать 100 %):

1. Противодействие администрации колонии. Включает протестные действия, связанные с самим фактом осуждения, судебными решениями, отказом в поощрениях, применением взысканий, а также призывы к неповиновению. Сюда же относится стремление

уклониться от обязанностей (отказ от работ, участия в воспитательных мероприятиях, несогласие с взысканием). Для этой группы часто характерен демонстративный суицид, целью которого является не смерть, а выражение протеста и привлечение внимания (68,7 % опрошенных).

2. Уход от сложившейся ситуации. Мотивы этой группы связаны со стремлением защититься от преследований со стороны «авторитетов», расправы за долги в азартных играх, насильственного понижения статуса (например, через мужеложство), трудностей режима (23,2 % опрошенных).

3. Подражание (психологическая заражаемость). Стремление повторить поведение тех, кто через членовредительство добился определенных преимуществ: попасть в больницу, получить улучшенное питание, встретиться с родными, сменить обстановку. Здесь речь идет обычно о попытках членовредительства без цели лишения жизни (18,2 % опрошенных).

4. Угрызания совести. Чувство стыда перед обществом и близкими за совершенное преступление (3,1 % опрошенных).

Необходимо подчеркнуть, что мотивация подросткового пенитенциарного суицида значительно отличается от «взрослого» [9].

«Повод» для самоубийства – это внешнее, часто случайное событие, которое запускает действие причин. Анализ поводов сам по себе не раскрывает глубинных причин суицида. Как отмечает В. Ф. Абрамкин, попадание в тюрьму разрушает привычный мир человека. Чтобы избежать тяжелого стресса, он вынужден включаться во «внутреннюю жизнь» сообщества осужденных, принимая его правила [10]. В местах лишения свободы поводами могут выступать обстоятельства, которые трудно, но возможно предотвратить: отказ в жалобе, помещение в ШИЗО/ПКТ, нарушение прав осужденного сотрудником. Суицид может быть формой протеста против наказания или режима либо результатом интериоризированной агрессии, которую осужденный не может направить вовне.

Особую группу риска в СИЗО составляют вновь прибывшие, впервые сталкивающиеся с криминальной субкультурой. Если их биография содержит «непрестижные» с точки зрения этой субкультуры элементы (определенные составы преступлений, сотрудничество с администрацией), они могут подвергаться психологическому и физическому давлению, включая угрозы избиений или принудительного понижения статуса до «отверженного». Наиболее уязвимы несовершеннолетние, ставшие жертвами посягательств на половую свободу. Под влиянием жестоких норм подростковой среды и традиций АУЕ (признано экстремистским, его деятельность запрещена на территории Российской Федерации) такие лица осознают, что становятся «отверженными», обреченными на выполнение самой грязной работы, всеобщее презрение и повторное насилие. Это создает крайне высокий суицидальный риск.

Зная мотивацию суицидального поведения несовершеннолетних осужденных, а также адаптируя к указанным объектам имеющийся у автора опыт практической педагогической деятельности по выявлению, профилактике и предупреждению суицидов среди подростков, представляется возможным предложить ряд направлений общей и индивидуальной профилактики аутоагрессии, реализуемой в сфере педагогического воздействия. При этом мы полностью поддерживаем мнение профессора Э. В. Зауторовой, отмечающей (в части профилактики самоубийств содержащихся в учреждениях УИС несовершеннолетних), что «воспитательную работу необходимо направить на формирование у подростка чувства уважения к себе, потребности видеть в другом человеке личность, заботы о собственной жизни и ее безопасности» [11, с. 109].

Мы считаем, что комплекс мер педагогического воздействия на несовершеннолетних осужденных, содержащихся в воспитательных колониях и склонных к суициду, представляет собой системную работу, направленную на профилактику и коррекцию суицидального

поведения, а также на создание условий, способствующих психологическому благополучию и успешной ресоциализации подростков. В указанном комплексе мы выделяем следующие основные этапы.

1. Диагностика и выявление группы риска:

- первичная психолого-педагогическая диагностика (при поступлении в колонию) с использованием скрининговых методик для выявления суицидальных намерений, уровня тревожности, депрессивных состояний, склонности к самоповреждающему поведению;
- наблюдение за поведением, коммуникацией, эмоциональным состоянием в повседневной жизни (на занятиях, в быту, общении с другими осужденными и сотрудниками);
- анализ личных дел и предшествующего опыта (суицидальные попытки в прошлом, психотравмирующие ситуации, потеря близких и т. п.);
- составление индивидуальных карт психолого-педагогического сопровождения для каждого подростка из группы риска.

2. Воспитательные мероприятия и педагогическая поддержка:

- формирование жизненных навыков: обучение целеполаганию, планированию будущего, поиску альтернатив в сложных ситуациях;
- воспитательные беседы с элементами экзистенциального подхода (обсуждение смысла жизни, ценности человеческого существования, ответственности за себя и других);
- вовлечение в социально значимую деятельность: участие в трудовых процессах, творческих кружках, спортивных секциях, волонтерских проектах, что способствует ощущению собственной значимости и принадлежности к коллективу;
- организация досуга и культурно-массовых мероприятий для снятия эмоционального напряжения, создания позитивного эмоционального фона;
- индивидуальное шефство (наставничество) со стороны наиболее авторитетных педагогов.

Характеризуя особенности реализации мероприятий данного этапа, нужно особо подчеркнуть необходимость наличия у лица, проводящего воспитательные мероприятия, *реального* (курсив наш. – В. Ш.) авторитета в глазах воспитанников. Без соблюдения данного условия эффект воспитательного воздействия будет минимальным.

3. Работа с семьей и социальное сопровождение:

- восстановление и поддержание семейных связей: содействие переписке, телефонным переговорам, свиданиям с родственниками (при отсутствии негативного влияния);
- социально-педагогическое консультирование родителей (законных представителей) по вопросам поддержки ребенка, особенностей его состояния, необходимости совместных усилий в реабилитации;
- помощь в подготовке к освобождению: содействие в получении образования, профессии, планировании дальнейшей жизни, контакты с социальными службами по месту будущего проживания.

4. Создание безопасной и поддерживающей среды:

- обеспечение режима безопасности: недопущение психологического и физического насилия со стороны других осужденных, пресечение буллинга, дискриминации. Здесь следует подчеркнуть, что главная роль здесь принадлежит режимным и оперативным подразделениям, однако роль педагога в данном случае заключается как в выявлении уже происходящих негативных явлений и информировании о них соответствующих должностных лиц, так и в формировании с помощью педагогических методов атмосферы неприятия и неодобрения подобного поведения. Заранее соглашаясь, что в условиях воспитательной колонии указанная задача представляется трудноразрешимой, мы тем не менее считаем важным ее обозначить;
- поддержка со стороны персонала: чуткое, внимательное отношение всех сотрудников (воспитателей, режимных работников) к состоянию подростков, готовность выслушать

и оказать помощь. Роль педагога в данном случае заключается в воспитательном воздействии не только на несовершеннолетних осужденных, но и на сотрудников учреждения УИС, разъяснении им особенностей функционирования эмоционально-волевой сферы подростков;

– информирование о доступных каналах помощи: размещение информации о том, к кому можно обратиться в трудной ситуации (психолог, воспитатель, медицинский работник);

– совместные консилиумы психологов, педагогов, медицинских работников для обсуждения динамики состояния подростка и корректировки индивидуального плана.

5. Мониторинг и оценка эффективности:

– периодическая повторная диагностика для отслеживания изменений в эмоциональном состоянии, суицидальных рисках;

– анализ случаев самоповреждений и суицидальных попыток (если они происходят) для выявления причин и совершенствования профилактической работы;

– корректировка программы сопровождения на основе полученных данных.

Важно подчеркнуть, что успех профилактики суицидального поведения несовершеннолетних осужденных зависит от комплексного применения всех указанных мер, тесного взаимодействия всех служб колонии, а также от гуманизации условий содержания и индивидуального подхода к каждому подростку.

Подводя некоторые итоги, отметим, что первопричиной совершения самоубийств осужденными в местах лишения свободы являются сложные переживания, в основе которых лежат беспокойство, страх за свою жизнь и безопасность, боязнь потерять себя как личность. Условиями, способствующими суициду, являются недостатки в организации и деятельности воспитательной колонии; специфика функционирования воспитательной колонии; особенности лиц, содержащихся в воспитательной колонии. Вместе с тем заинтересованность всех подразделений колонии в недопущении суицидов, обеспеченная эффективным педагогическим воздействием на профилактируемых, способна минимизировать факты аутоагрессии и вернуть осужденного подростка в социум.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Россия входит в топ-10 стран по числу самоубийств // Коммерсантъ : сайт. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5549246> (дата обращения: 01.02.2026).
2. Личко А. Е. Типы акцентуаций характера и психопатий у подростков. М., 1999. 416 с.
3. Клячкина Н. Л. Меры профилактики суицидального поведения осужденных // Вестник Самарского юридического института. 2016. № 1 (19). С. 113–117.
4. Мамченко А. М. Социально-психологическая модель профилактики суицида среди подследственных, содержащихся под стражей в СИЗО // Академическая мысль. 2018. № 3 (4). С. 102–106.
5. Тарасова С. А. Готовность сотрудников уголовно-исполнительной системы к оказанию экстренной психологической помощи осужденному при угрозе суицида // Вестник Самарского юридического института. 2018. № 3 (29). С. 129–134.
6. Цой О. Р. Криминологические проблемы пенитенциарного суицида и его предупреждение (по материалам Республики Казахстан) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 203 с.
7. Шахманов Р. А. Предупреждение самоубийств среди осужденных к лишению свободы : дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2001. 218 с.
8. Амбрумова А. Г. Социальная дезадаптация и суицид // Труды НИИ психиатрии им. Асатиани. Т. 19–20. Тбилиси, 1974. С. 47–49.
9. Психологический словарь / под общ. ред. А. В. Петровского и М. Г. Ярошевского. М., 1990. С. 494 с.
10. Абрамкин В. Ф. Гуманистический проект национальных тюрем // INDEX. 1999. № 7-8. С. 67–74. URL: https://potystorony.ucoz.ru/blog/valerij_abramkin_gumanisticheskij_proekt_nacionalnoj_tjurnjy/2011-01-11-6?ysclid=ml5r2ifndc608605801 (дата обращения: 01.02.2026).

11. Зауторова Э. В. Особенности воспитательной работы с несовершеннолетними осужденными суицидального поведения в местах лишения свободы // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2018. № 2 (42). С. 106–112.

REFERENCES

1. Russia is among the top 10 countries in the number of suicides. "Kommersant": sait [Kommersant: website]. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/5549246> (In Russ.). (Accessed February 1, 2026).
2. Lichko A.E. *Tipy aktsentuatsii kharaktera i psikhopatii u podrostkov* [Types of character accentuation and psychopathy in adolescents]. Moscow, 1999. 416 p.
3. Klyachkina N.L. Measures to prevent suicidal behavior of convicts. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo institute = Bulletin of the Samara Law Institute*, 2016, no. 1 (19), pp. 113–117. (In Russ.).
4. Mamchenko A.M. Socio-psychological model of suicide prevention among remand prisoners in pre-trial detention. *Akademicheskaya mysl' = Academic Thought*, 2018, no. 3 (4), pp. 102–106. (In Russ.).
5. Tarasova S.A. The williness of the penal staff to provide emergency psychological assistance to convicted when the threat of suicide. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo institute = Bulletin of the Samara Law Institute*, 2018, no. 3 (29), pp. 129–134. (In Russ.).
6. Tsoi O.R. *Kriminologicheskie problemy penitentsiarnogo suitsida i ego preduprezhdenie (po materialam Respubliki Kazakhstan): dis. ... kand. yurid. nauk* [Criminological problems of penitentiary suicide and its prevention (based on the materials of the Republic of Kazakhstan): Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Moscow, 2006. 203 p.
7. Shakhmanov R.A. *Preduprezhdenie samoubiistv sredi osuzhdennykh k lisheniyu svobody: dis. ... kand. yurid. nauk* [Suicide prevention among those sentenced to imprisonment: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Ryazan, 2001. 218 p.
8. Ambrumova A.G. Social maladaptation and suicide. In: *Trudy NII psikhatrii im. Asatiani. T. 19–20* [Proceedings of the Research Institute of Psychiatry. Asatiani, vol. 19–20]. Tbilisi, 1974. Pp. 47–49. (In Russ.).
9. *Psikhologicheskii slovar'* [Psychological dictionary]. Ed. by Petrovskii A.V., Yaroshevskii M.G. Moscow, 1990. 494 p.
10. Abramkin V.F. Humanistic project of national prisons. *INDEX*, 1999, no. 7–8, pp. 67–74. Available at: https://potystorony.ucoz.ru/blog/valerij_abramkin_gumanisticheskij_proekt_nacionalnoj_tjurmy/2011-01-11-6?ysclid=ml5r2ifndc608605801 (accessed February 2, 2026).
11. Zautorova E.V. Peculiarities of educational work with minor convicts of suicidal behavior in the penal institutions. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie = Bulletin of the Institute: Crime, Punishment, Correction*, 2018, no. 2 (42), pp. 106–112. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

ВИКТОРИЯ МИХАЙЛОВНА ШЕВЧЕНКО – старший методист, педагог-психолог Центра психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи Невского района Санкт-Петербурга, Санкт-Петербург, Россия, аспирант Владимирского государственного университета имени А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Россия, viktoritchshevchenko@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

VIKTORIYA M. SHEVCHENKO – Senior Methodologist, Educational Psychologist at the Center for Psychological, Pedagogical, Medical and Social Assistance of the Nevsky District of Saint Petersburg, Saint Petersburg, Russia, Postgraduate Student at the Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs, Vladimir, Russia, viktoritchshevchenko@yandex.ru

Статья поступила 03.02.2026

Научная статья

УДК 37.017

doi 10.46741/sgjournal.2026.20.1.004

Гносеологические основания системы формирования профессиональных метапредметных компетенций учителя-гуманитария

РАИСА НИКОЛАЕВНА АФОНИНА

Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия, ARN1960@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена выявлению и обоснованию гносеологических оснований системы формирования профессиональных метапредметных компетенций у будущих учителей-гуманитариев. Цель исследования – раскрыть теоретико-методологический базис этого процесса на основе конвергенции культурно-деятельностного (Л. С. Выготский, П. Я. Гальперин, А. Н. Леонтьев) и герменевтического (В. Дильтей, Х.-Г. Гадамер, М. М. Бахтин) подходов. Предметная область – профессиональная подготовка в рамках укрупненной группы 44.00.00 «Образование и педагогические науки» для программ бакалавриата по профилям «Русский язык и литература», «История и обществознание», «Иностранный язык». В работе профессиональные метапредметные компетенции определяются как интегративная способность педагога проектировать метапредметное образовательное пространство. Методологическую основу составили теоретическая реконструкция и сравнительный анализ. Доказано, что синтез указанных подходов раскрывает единый гносеологический механизм (интериоризация – смыслообразование – диалогическое понимание), формирующий теоретический фундамент для построения целостной педагогической системы. Практическая значимость раскрывается через предметные примеры проектирования учебных заданий для студентов-гуманитариев.

Ключевые слова: гносеологические основания; профессиональные метапредметные компетенции; учитель-гуманитарий; конвергенция подходов; культурно-деятельностная парадигма; герменевтика; интериоризация; смыслообразование; метапредметное образовательное пространство; подготовка педагогов.

5.8.7. Методология и технология профессионального образования.

Для цитирования: Афонина Р. Н. Гносеологические основания системы формирования профессиональных метапредметных компетенций учителя-гуманитария // Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований. 2026. № 1 (20). С. 29–35. doi 10.46741/sgjournal.2026.20.1.004.

Original article

Epistemological Foundations of the System to Form Professional Meta-Subject Competencies in a Humanities Teacher

RAISA N. AFONINA

Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia, ARN1960@yandex.ru

© Афонина Р. Н., 2026

Abstract. The article is devoted to the identification and substantiation of epistemological foundations of the system for developing professional meta-subject competencies in future humanities teachers. It is aimed at revealing theoretical and methodological basis of this process based on the convergence of cultural activities (L.S. Vygotskii, P.Ya. Gal'perin, A.N. Leont'ev) and hermeneutic (W. Dilthey, H.-G. Gadamer, M.M. Bakhtin) approaches. The subject area is professional training within the framework of the enlarged group 44.00.00 "Education and Pedagogical Sciences" for the bachelor's degree programs in the profiles "Russian Language and Literature", "History and Social Science", "Foreign Language". In the work, professional meta-subject competencies are defined as the integrative ability of a teacher to design a meta-subject educational space. The methodological basis consists of theoretical reconstruction and comparative analysis. It is proven that the synthesis of these approaches reveals a unified epistemological mechanism (interiorization – meaning-making – dialogic understanding), forming the theoretical foundation for building a holistic pedagogical system. The practical significance is revealed through case studies of designing learning tasks for humanities students.

Key words: epistemological foundations, professional meta-subject competencies, humanities teacher, convergence of approaches, cultural-activity paradigm, hermeneutics, interiorization, meaning-making, meta-subject educational space, teacher training.

5.8.7. Methodology and technology of professional education.

For citation: Afonina R.N. Epistemological foundations of the system to form professional meta-subject competencies in a humanities teacher. *All-Russian Research and Practice Journal of Studies in Social Sciences and Humanities*, 2026, no. 1 (20), pp. 29–35. doi 10.46741/sjournal.2026.20.1.004.

Современное высшее педагогическое образование претерпевает трансформации, обусловленные переходом к компетентностной образовательной парадигме. Такой переход требует переосмысления теоретических основ профессионального образования учителя. Особую актуальность эта проблема приобретает в подготовке учителя гуманитарного направления, где традиционные подходы к формированию компетенций демонстрируют свою ограниченную эффективность. Это обусловлено спецификой гуманитарного знания, требующего развития способностей к интерпретации, критическому анализу и смысловорчеству [1]. Разрешение данного противоречия детерминирует поиск теоретических оснований, учитывающих метапредметный характер современного знания.

Метапредметность как принцип организации познавательной деятельности предполагает выход за рамки отдельных дисциплин и ориентацию на универсальные способы работы со знанием. В рамках настоящего исследования профессиональные метапредметные компетенции учителя понимаются как способность проектировать и реализовывать метапредметное образовательное пространство – специально организованную среду, в которой происходит освоение учащимися фундаментальных объектов и способов мышления [2].

Актуальность формирования профессиональных метапредметных компетенций у будущих педагогов-гуманитариев задает необходимость определения гносеологического базиса, обеспечивающего механизмы преобразования культурных образцов в личностные инструменты профессионального мышления. Формирование профессиональных метапредметных компетенций у будущих учителей-гуманитариев представляет собой сложный, многоуровневый процесс, требующий философско-методологического осмысления. В основе этого процесса лежит фундаментальный вопрос теории познания о том, каким образом внешний, социальный опыт трансформируется во внутренние структуры созна-

ния, становясь инструментом мышления и деятельности. Поиск ответа закономерно обращает нас к культурно-исторической теории Л. С. Выготского, в рамках которой сознание индивида понимается как продукт присвоения культурно заданных средств и способов деятельности.

Согласно теории Л. С. Выготского [3] высшие психические функции первоначально возникают как формы социального взаимодействия и лишь затем интериоризируются, становясь индивидуальными способностями. Принцип интериоризации раскрывает психологический механизм преобразования внешних, социально заданных способов деятельности во внутренние, индивидуальные инструменты мышления. Для студента-гуманитария это означает не просто усвоение информации, а присвоение культурных образцов работы со смыслами, их преобразование в собственные интеллектуальные стратегии и профессиональные установки. Этот процесс лежит в основе формирования способности будущего учителя проектировать метапредметное образовательное пространство. Методы критического анализа, стратегии интерпретации текстов, техники ведения дискуссии составляют инструментальную основу его профессиональной деятельности. Студенту предстоит освоить обобщенные схемы, модели и стратегии работы со знанием, переведя их из состояния «знания – информации» в состояние «знания – действия».

Концепция «зоны ближайшего развития» Л. С. Выготского определяет организационные принципы образовательного процесса в вузе, актуализируя ситуации сотрудничества, где преподаватель выступает организатором деятельности по освоению культурных средств мышления. Для студентов гуманитарных направлений это особенно значимо, поскольку именно в диалогическом взаимодействии происходит становление профессионального мышления. Например, в рамках семинара по методике преподавания литературы такая работа может представлять собой совместное моделирование иерархической системы вопросов для анализа поэтического текста, от выявления формальных признаков к интерпретации их роли, реконструкции смыслов и включению произведения в культурно-исторический контекст. Для будущего историка аналогичной ситуацией станет совместная разработка алгоритма верификации исторического источника, где преподаватель сначала демонстрирует действие, а затем поддерживает студентов в его самостоятельном выполнении на новом материале.

Культурно-историческая теория объясняет источник и направление развития, однако остается открытым вопрос о конкретном механизме этой трансформации. Наиболее полный и операционализируемый ответ на него предоставляет теория планомерно-поэтапного формирования умственных действий П. Я. Гальперина [4]. Данная теория позволяет представить процесс становления компетенций как управляемое, поэтапное преобразование действия от его внешней, материализованной формы к свернутой и автоматизированной внутренней форме. Начальным и ключевым звеном этого процесса является создание полноценной ориентировочной основы действия, которая применительно к формированию профессиональных компетенций может быть представлена в виде рефлексивной модели деятельности.

В практическом обучении это реализуется через создание предметно-специфичных ориентировочных основ действия. Так, для студентов-филологов базовой основой деятельности может выступать алгоритм литературоведческого анализа текста, включающий этапы выявления ключевых тем, проблем, позиции автора, анализа средств выразительности и их роли. Для студентов-историков – схема внешней и внутренней критики исторического источника, включающей в себя установление подлинности, датировка, выявление авторства, анализ цели создания, реконструкция контекста. Освоение этих моделей на этапе материализованного действия посредством работы с опорными конспектами, алгоритмами и шаблонами позволяет в дальнейшем интериоризировать обобщенный способ мышления, применимый к новому предметному содержанию в школе.

Для будущего учителя-гуманитария этап внешней речи приобретает особое значение как механизм трансформации учебных действий в профессиональные компетенции. Вербализация способов деятельности обеспечивает их осознанное присвоение, экстернизацию внутренних схем, концептуализацию практического опыта и рефлексивное осмысление. Такой подход обеспечивает глубинное усвоение профессиональных метапредметных компетенций, поскольку их вербальное оформление сопровождается выявлением смысловых связей между различными способами деятельности, осознанием границ применимости каждого метода, формированием индивидуального стиля профессионального мышления.

Данный подход раскрывает психологические механизмы, объясняющие переход от внешне заданных требований к их личностному принятию через систему процессов смыслообразования. Как считал А. Н. Леонтьев, «деятельность – это не реакция и не совокупность реакций, а система, имеющая строение, свои внутренние переходы и превращения, свое развитие» [5, с. 48]. Трехуровневая структура деятельности «деятельность – действие – операция» позволяет проектировать образовательный процесс как систему профессионально значимых задач. Для студентов профессиональные метапредметные компетенции обретают личностный смысл только тогда, когда они становятся средством решения актуальных профессиональных проблем. Следовательно, процесс формирования компетенций должен быть погружен в специально сконструированную образовательную среду с проблемными ситуациями гуманитарной педагогической практики.

Для гуманитарного образования, где ценностно-смысловой аспект является определяющим, особую значимость приобретает деятельностный подход А. Н. Леонтьева [6, с. 82]. Он, акцентируя роль мотивационно-смысловой сферы, раскрывает психологические механизмы преобразования внешних требований профессиональной деятельности в устойчивые личностные образования. Центральным звеном этого процесса выступает трансформация структуры профессиональной деятельности, обеспечивающая переход от формального выполнения действий к их смысловой наполненности. Предложенный А. Н. Леонтьевым механизм преобразования операционального состава деятельности раскрывает динамику становления компетенций от первоначального освоения к творческому применению. Как констатирует В. А. Лекторский, эта теория коррелирует с пониманием творческой природы человека, дающей возможность выхода за пределы любой наличной ситуации [7, с. 69]. Данная теоретическая модель выступает основанием для проектирования образовательных ситуаций, в которых происходит переход от внешней детерминации к внутренней регуляции, создавая предпосылки для формирования устойчивой мотивации к непрерывному профессиональному совершенствованию.

В профессиональной подготовке будущего учителя-гуманитария ключевое значение имеет учет специфики объекта познания в гуманитарной сфере. Гуманитарное познание, по В. Дильтею [8], есть познание, основанное на понимании и интерпретации. В герменевтической традиции познание рассматривается как диалогическое понимание; оно всегда ситуативно, исторически обусловлено и интерпретативно. Х.-Г. Гадамер [9] справедливо утверждает, что первоначальное понимание невозможно без вовлеченности субъекта, без исторического сознания, без диалога с текстом, ситуацией или опытом. В герменевтике понимание рассматривается как процесс совместного создания смысла в диалоге. Это гносеологическая деятельность, в которой знание не передается, а раскрывается и порождается в диалоге.

Принцип герменевтического круга находит свое практическое воплощение в построении ориентировочной основы действий для работы с текстами и смыслами, где движение от целого к частям и обратно становится последовательностью учебных действий. Аналогичным образом диалогизм М. М. Бахтина [10] как гносеологический принцип реализуется на этапе внешней речи, когда происходят вербализация и обсуждение способов действия

в учебном диалоге, обеспечивающие взаимодействие разных точек зрения на способ решения профессиональной задачи. В этом проявляется субъектность педагога, его способность быть не просто носителем знаний, а проводником смысла. Осознание ценности данных принципов и следование им, как отмечает В. О. Богданова, «создает настроенность на рефлексивную открытость чужому опыту, которая необходима для естественного течения диалога между субъектами образования» [11, с. 124].

Эти принципы являются методологическим ядром для разработки конкретных педагогических техник. Так, будущий учитель литературы, осваивая логику герменевтического круга, проектирует урок, где целостное понимание эпического произведения выстраивается через циклическое движение: от общего впечатления – к анализу ключевого эпизода или символа – и вновь к переосмыслению общего замысла с учетом новых смысловых находок. Учитель истории, применяя принципы диалогизма, может организовать дебаты или ролевую игру «Суд истории», где оценка события рождается в полифоническом столкновении различных дискурсивных позиций. Для будущего преподавателя культурологии герменевтический подход становится основой для создания студенческих проектов, в рамках которых феномен городской среды (например, стрит-арт) интерпретируется как сложный семиотический «текст» культуры в историческом, социальном и визуальном контекстах.

Герменевтическая интерпретация метапредметных компетенций раскрывает их как способность к пониманию в условиях неопределенности, рефлексии собственного познавательного опыта. Современные исследователи А. Н. Нюдюрмагомедов и М. Х. Рабаданов [12] рассматривают герменевтический подход как способ подведения обучающихся к собственным мыслям и смыслам, самостоятельному получению знания.

Теоретическая модель, основанная на конвергенции рассмотренных подходов, находит непосредственное воплощение в проектировании учебных заданий. Целью таких заданий является трансформация теоретического знания в инструмент решения профессиональных задач. Для будущих учителей русского языка и литературы в рамках методического курса может быть предложено разработать метапредметный урок-исследование, связывающий ключевую проблему произведения с историческим контекстом и философскими идеями эпохи. Для будущих учителей истории на практике заданием может стать создание комплекта разноуровневых заданий к историческому документу – от извлечения информации до формулировки дискуссионных тем, связывающих событие с современностью. Для будущих учителей иностранного языка – проектирование и проведение урока-проекта на языке по страноведческой теме, что требует интеграции языковых навыков, работы с аутентичными источниками и организации групповой работы. Для магистрантов-культурологов ключевым заданием может быть разработка элективного курса по актуальным проблемам культуры, активизирующая компетенции системного анализа и синтеза, а также трансляции специализированного знания в доступную форму. Связь теоретических оснований с практикой преподавания является необходимым условием и критерием сформированности профессиональных метапредметных компетенций у будущего педагога.

Таким образом, формирование профессиональных метапредметных компетенций у будущих учителей-гуманитариев представляет собой сложный познавательный процесс, который может быть организован на основе конвергенции культурно-исторической теории, теории планомерно-поэтапного формирования умственных действий, деятельностного подхода, а также герменевтики и диалогизма. Синтез этих подходов раскрывает гносеологический механизм превращения культурных образцов и способов понимания в инструменты профессионального мышления учителя-гуманитария, что составляет основу его способности к созданию метапредметного образовательного пространства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Афонина Р. Н. Профессиональные метапредметные компетенции учителя как элемент планируемого результата обучения студентов педагогического вуза // *Перспективы науки*. 2023. № 4. С. 262–264.
2. Афонина Р. Н. Профессиональные метапредметные компетенции будущего учителя как выражение постнеклассической научной рациональности в педагогическом образовании // *Школа будущего*. 2025. № 5. С. 6–21.
3. Выготский Л. С. Педагогическая психология. М., 1999. 536 с.
4. Гальперин П. Я. Психология мышления и учение о поэтапном формировании умственных действий. М., 1966. 165 с.
5. Зарецкий В. К. Зона ближайшего развития: эволюция понятия // *Культурно-историческая психология*, 2024. № 20 (3). С. 45–57.
6. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975. 304 с.
7. Лекторский В. А. Психологическая теория деятельности А. Н. Леонтьева и современные когнитивные исследования // *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*. 2023. Т. 46, № 2. С. 67–83.
8. Дильтей В. Герменевтика и теория литературы. М., 2001. 531 с.
9. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. М., 1988. 704 с.
10. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1963. 363 с.
11. Богданова В. О. Методологические основы применения герменевтического подхода в преподавании гуманитарных дисциплин. Часть 1. Основные принципы герменевтики // *Социум и власть*. 2021. № 4 (90). С. 120–127.
12. Нюдюрмагомедов А. Н., Рабаданов М. Х. Технологии реализации герменевтического подхода к учебному процессу в вузе // *Открытое образование*. 2025. № 29 (5). С. 47–54.

REFERENCES

1. Afonina R.N. Professional meta-subject competencies of a teacher as an element of the planned learning outcome for students of a pedagogical university. *Perspektivy nauki = Perspectives of Science*, 2023, no. 4, pp. 262–264. (In Russ.).
2. Afonina R.N. Professional meta-subject competencies of a future teacher as an expression of post-non-classical scientific rationality in teacher education. *Shkola budushchego = School of the Future*, 2025, no. 5, pp. 6–21. (In Russ.).
3. Vygotskii L.S. *Pedagogicheskaya psikhologiya* [Pedagogical psychology]. Moscow, 1999. 536 p.
4. Gal'perin P.Ya. *Psikhologiya myshleniya i uchenie o poehtapnom formirovaniy umstvennykh deystvii* [Psychology of thinking and doctrine of the step-by-step formation of mental actions]. Moscow, 1966. 165 p.
5. Zaretskii V.K. Zone of proximal development: evolution of the concept. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*, 2024, no. 20 (3), pp. 45–57. (In Russ.).
6. Leont'ev A.N. *Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'* [Activity. Conscience. Personality]. Moscow, 1975. 304 p.
7. Lektorskii V.A. Psychological theory of activity by A.N. Leontiev and current cognitive studies. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya = Lomonosov Psychology Journal*, 2023, vol. 46, no. 2, pp. 67–83. (In Russ.).
8. Dil'tei V. *Germeventika i teoriya literatury* [Hermeneutics and theory of literature]. Moscow, 2001. 531 p.
9. Gadamer H.-G. *Istina i metod: Osnovy filosofskoi germeventiki* [Truth and method: fundamentals of philosophical hermeneutics]. Moscow, 1988. 704 p.
10. Bakhtin M.M. *Problemy poehtiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's poetics]. Moscow, 1963. 363 p.
11. Bogdanova V.O. Methodological foundations for applying the hermeneutical approach in teaching the humanities. Part 1. Basic principles of hermeneutics. *Sotsium i vlast' = Society and Power*, 2021, no. 4 (90), pp. 120–127. (In Russ.).
12. Nyudyurmagomedov A.N., Rabadanov M.Kh. Technologies for implementing a hermeneutic approach to the educational process at a university. *Otkrytoe obrazovanie = Open Education*, 2025, no. 29 (5), pp. 47–54. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

РАИСА НИКОЛАЕВНА АФОНИНА – кандидат сельскохозяйственных наук, доцент, доцент кафедры философии и культурологии Алтайского государственного педагогического университета, Барнаул, Россия, ARN1960@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

RAISA N. AFONINA – Candidate of Sciences (Agriculture), Associate Professor, associate professor at the Department of Philosophy and Cultural Studies of the Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia, ARN1960@yandex.ru

Статья поступила 01.11.2025

Научная статья

УДК 796.015.4

doi 10.46741/sgjournal.2026.20.1.005

Мониторинг состояния здоровья и физической подготовленности студентов технического вуза

ИРИНА ВАСИЛЬЕВНА СТРОЕВА

Смоленский государственный университет спорта, Смоленск, Россия,
IrinaC_256@mail.ru

АЛЕКСЕЙ ОЛЕГОВИЧ ЛЕШИН

Филиал Национального исследовательского университета «МЭИ»
в г. Смоленске, Смоленск, Россия, Fizvospit@sbmpei.ru

А н н о т а ц и я . Физическое воспитание в высших учебных заведениях является частью образовательной программы и направлено на сохранение здоровья и повышение физической подготовленности обучающихся. В прошедшие три десятилетия специалисты отмечают негативные тенденции в состоянии здоровья и физической подготовленности студентов. Анализ состояния здоровья и физической подготовленности обучающихся технического вуза в период с 2017 по 2024 г. показал, что количество студентов, относящихся к основной, подготовительной и специальной медицинским группам стабильно и в среднем составляет 67 %, 20 % и 13 % соответственно. Уровень развития силовых способностей, определенный по количеству подтягиваний и подъема ног в висе, имеет тенденцию к повышению, скоростно-силовые способности стабильны. Действующие с 2017 г. Федеральные государственные образовательные стандарты предусматривают значительное увеличение объема физической культуры, практическая часть которой представлена в виде элективных курсов. Это дает возможность вариативного использования средств физической культуры для эффективного решения задач физической подготовки.

К л ю ч е в ы е с л о в а : студенты; физическое воспитание; состояние здоровья студентов; динамика физической подготовленности.

5.8.7. Методология и технология профессионального образования.

Для цитирования: Строева И. В., Лешин А. О. Мониторинг состояния здоровья и физической подготовленности студентов технического вуза // Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований. 2026. № 1 (20). С. 36–42. doi 10.46741/sgjournal.2026.20.1.005.

Original article

Monitoring Health and Physical Fitness of Technical University Students

IRINA V. STROEVA

Smolensk State University of Sport, Smolensk, Russia, IrinaC_256@mail.ru

ALEKSEI O. LESHIN

Branch of the National Research University "Moscow Power Engineering Institute" in Smolensk, Smolensk, Russia, Fizvospit@sbmpei.ru

Abstract. Physical education in higher education institutions is part of the educational program and is aimed at bettering students' health and physical fitness. Experts have been observing negative trends in the health and physical fitness of students for the past three decades. The analysis of the state of health and physical fitness of technical university students made in the period from 2017 to 2024 shows that the number of students belonging to basic, preparatory and special medical groups is stable, averaging 67%, 20% and 13%, respectively. Students' strength endurance determined by the number of pull-ups and leg lifts tends to increase, while speed and strength abilities are stable. Active since 2017 Federal state educational standards provide for a significant increase in the volume of physical education. Elective courses allow for using different types of physical culture to effectively solve tasks of physical training.

Key words: students; physical education; state of health; dynamics of physical fitness.

5.8.7. Methodology and technology of vocational education.

For citation: Stroeва I.V., Leshin A.O. Monitoring health and physical fitness of technical university students. *All-Russian Research and Practice Journal of Studies in Social Sciences and Humanities*, 2026, no. 1 (20), pp. 36–42. doi 10.46741/sjjournal.2026.20.1.005.

Состояние здоровья и уровень физической подготовленности студенческой молодежи являются необходимыми условиями успешной учебы и будущей профессиональной деятельности. Оптимальный двигательный режим обеспечивает нормальное физическое развитие студентов, хорошее здоровье, высокую работоспособность. В задачи физического воспитания в вузе входит не только обеспечение необходимого уровня двигательной деятельности, но и улучшение физической подготовки студентов, развитие и совершенствование различных двигательных навыков. Однако интенсивность образовательного процесса и современный образ жизни снижают двигательную активность обучающихся, что приводит к негативным тенденциям в физическом состоянии [1; 2].

Анализ публикаций, посвященных физическому воспитанию студентов, показывает, что специалисты на протяжении многих лет отмечают снижение физической подготовленности молодежи и низкую эффективность физического воспитания как части образовательной программы [3; 4].

Федеральные государственные образовательные стандарты (ФГОС), действующие с 2017 г., предусматривают в учебных программах бакалавриата дисциплины по физической культуре и спорту в объеме 2 зачетных единиц и дополнительно 328 академических часов, которые не включаются в объем образовательной программы, но являются обязательными для освоения [5].

Значительное увеличение объема организованной двигательной активности, которая обеспечивается в рамках учебного процесса, позволяет эффективно использовать потенциал физической культуры и спорта в системе высшего технического образования. В связи с этим изучение и анализ динамики физической подготовленности студентов в период с 2017 г. по 2024 г. представляют научный и практический интерес.

Цель исследования – анализ состояния здоровья и физической подготовленности студентов технического университета в процессе многолетних наблюдений.

В работе использованы следующие методы исследования: изучение научно-методической литературы, педагогические наблюдения, контрольно-педагогические испытания, методы математической статистики.

В исследовании (2017–2024 гг.) приняли участие 4100 юношей, обучающихся в Смоленском филиале Национального исследовательского университета «МЭИ». Учебные занятия проводились по программе, разработанной в соответствии с требованиями ФГОС, с учетом медицинских групп занимающихся. Программа включает практический и теоретический блоки. Теоретическая подготовка осуществляется по учебной дисциплине «Физическая культура и спорт», практическая – в рамках элективных курсов по физической культуре и спорту, которые проводятся с первого по третий курс два раза в неделю по два академических часа.

Медицинские группы для занятий физической культурой – основная, подготовительная и специальная, определяются на основании медицинского осмотра.

В основную группу входят студенты без отклонений в состоянии здоровья и физическом развитии. Такие студенты в полном объеме посещают занятия по учебной программе физического воспитания, сдают предусмотренные нормативы индивидуальной физической подготовленности и нормативы Всероссийского физкультурно-спортивного комплекса «Готов к труду и обороне» (ВФСК ГТО). Им рекомендованы занятия определенным видом спорта, в том числе в рамках спортивно ориентированного физического воспитания, которое осуществляется в образовательном процессе.

Количество студентов, отнесенных к основной группе здоровья, в среднем за период наблюдений составляло 67 % при разбросе от 60 % в 2017 г. до 77 % в 2021 г. В целом с 2017 по 2021 г. отмечается положительная тенденция количества студентов, отнесенных к основной медицинской группе (рис.).

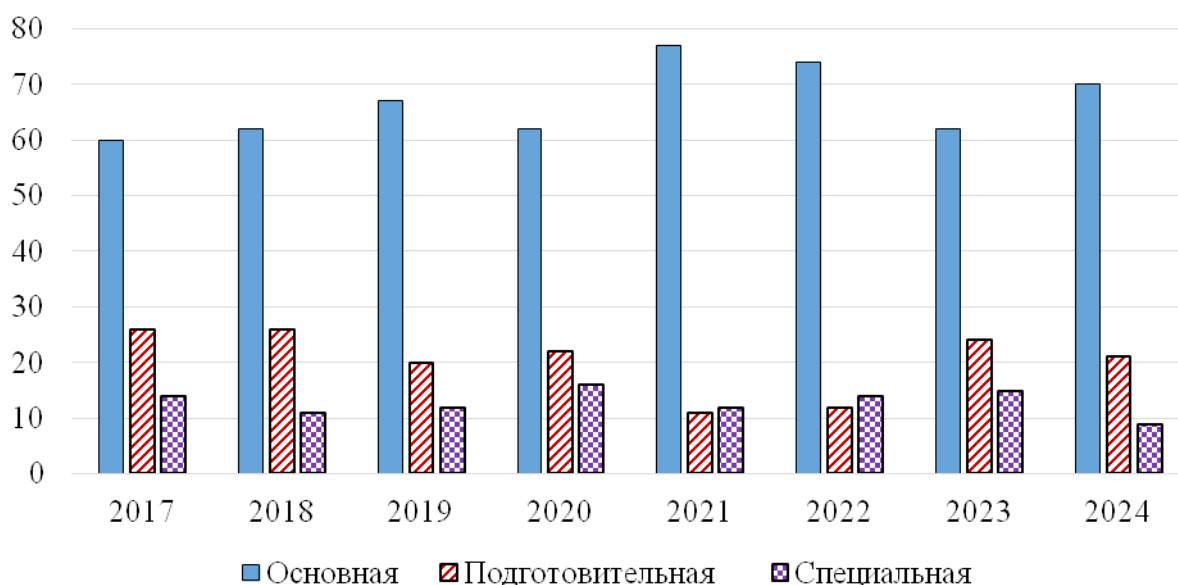


Рис. Показатели состояния здоровья студентов технического вуза (%)

Организация учебного процесса в виде элективных курсов позволяет осуществить дифференцированный подход к физическому воспитанию обучающихся. В университете внедрены технологии спортивно ориентированного физического воспитания. Студенты имеют возможность выбрать вид спорта, которым они могут заниматься в рамках образовательного процесса. Сформированы группы игровых видов спорта (волейбол, баскетбол), атлетической гимнастики, спортивных единоборств. Студенты, обучающиеся на кафедре военно-воздушных сил Военного учебного центра при НИУ «МЭИ», занимаются спортивными единоборствами. Практический материал в группах общей физической подготовки включает легкую атлетику, спортивные игры (волейбол и баскетбол), лыжный спорт.

Подготовительную группу составляют обучающиеся с незначительными отклонениями в здоровье, которым требуются адаптация и дозирование физической нагрузки. Это могут

быть студенты с отдельными функциональными отклонениями, лица, перенесшие заболевание и нуждающиеся в реабилитации.

Занятия со студентами подготовительной медицинской группы проводятся по адаптированной программе, предусматривающей сниженную нагрузку, включены мероприятия, направленные на укрепление иммунитета, развитие выносливости и координации. Такие студенты сдают контрольные нормативы частично, по согласованию с врачом.

Количество студентов, отнесенных к подготовительной медицинской группе, в среднем составляло 20 % при разбросе от 11 % в 2021 г. до 26 % в 2017 г. В целом с 2017 по 2022 г. отмечено снижение количества студентов, отнесенных к подготовительной группе здоровья (рис.).

Специальная медицинская группа включает обучающихся с хроническими заболеваниями или ограничениями, требующими особого режима. Занятия физической культурой проводятся по специальной программе, дозирование нагрузки строго индивидуально в зависимости от характера заболевания и текущего состояния организма. В программу занятий включается лечебная физкультура, проводимая под контролем врача.

Количество студентов, отнесенных к специальной медицинской группе, в среднем составляло 13 % при разбросе от 9 % в 2024 г. до 16 % в 2020 г. С 2017 по 2023 г. количество студентов, отнесенных к специальной группе здоровья, стабильно, в 2024 г. наблюдалось снижение до 9 % (рис. 1).

Изучение динамики физической подготовленности студентов проводилось по результатам педагогического тестирования. Использовались три контрольных упражнения, оценивающих силовые способности обучающихся: прыжок в длину с места, сгибание и разгибание рук в висе на высокой перекладине (подтягивания), подъем ног в висе на высокой перекладине.

Тестирование проходили все студенты основной группы, обучающиеся, отнесенные к подготовительной и специальной группам – по разрешению врача.

Средние показатели количества подъемов ног в висе на высокой перекладине составляли 8,5; 7,7 и 6,8 выполнений у обучающихся основной, подготовительной и специальной медицинских групп. У студентов трех групп отмечено существенное увеличение результатов за период наблюдений ($p < 0,05$) (табл. 1).

Таблица 1

Динамика силовых качеств студентов технического вуза, определяемая по результатам теста «Подъем ног на перекладине»

Годы	Медицинские группы			Достоверность различий		
	Основная	Подготовит.	Специальная	ОГ–ПГ	ПГ–СГ	ОГ–СГ
2017	7,5 ± 0,3	7,2 ± 0,5	5,3 ± 0,6	p < 0,05	p < 0,05	p < 0,01
2018	7,8 ± 0,2	6,9 ± 0,6	6,5 ± 0,5	–	–	p < 0,05
2019	8,2 ± 0,3	7,8 ± 0,4	6,8 ± 0,8	–	–	–
2020	8,5 ± 0,2	6,9 ± 0,7	6,5 ± 0,8	p < 0,05	–	p < 0,05
2021	8,3 ± 0,2	8,1 ± 0,6	7,6 ± 0,7	–	–	–
2022	8,9 ± 0,3	8,5 ± 0,6	6,8 ± 0,9	–	–	p < 0,05
2023	9,5 ± 0,4	8,2 ± 0,6	7,2 ± 0,6	p < 0,05	–	p < 0,01
2024	9,1 ± 0,2	8,3 ± 0,4	7,9 ± 0,8	p < 0,05	–	p < 0,01
Среднее	8,48 ± 0,26	7,74 ± 0,50	6,83 ± 0,71	p < 0,05	–	p < 0,01

Количество подтягиваний на высокой перекладине в среднем составляло 10,2; 8,1 и 5,4 выполнений у студентов соответствующих групп здоровья. У студентов всех групп отмечена тенденция к увеличению силовых показателей, причем в подготовительной группе изменение результатов теста с 2017 по 2024 г. статистически достоверно ($p < 0,05$) (табл. 2). Достоверные различия отмечены между результатами трех групп занимающихся.

Силовые показатели у обучающихся специальной медицинской группы также существенно возросли, при высокой вариативности индивидуальных результатов ($CV = 28\%$).

Средние результаты в прыжке в длину с места за период наблюдения стабильны и составляли 226 см, 216 см и 214 см у обучающихся основной, подготовительной и специальной медицинских групп. Студенты основной группы показали достоверно более высокие результаты, по сравнению с испытуемыми двух других групп ($p < 0,01$) (табл. 3).

Таблица 2

Динамика силовых качеств студентов технического вуза, определяемая по результатам теста «Подтягивания на перекладине»

Годы	Медицинские группы			Достоверность различий		
	Основная	Подготовит.	Специальная	ОГ–ПГ	ПГ–СГ	ОГ–СГ
2017	9,2 ± 0,5	7,6 ± 0,8	4,5 ± 0,8	–	p < 0,05	p < 0,001
2018	9,8 ± 0,2	8,2 ± 0,6	5,8 ± 0,8	–	p < 0,05	p < 0,001
2019	10,2 ± 0,3	7,2 ± 0,7	6,2 ± 0,9	p < 0,01	–	p < 0,01
2020	9,4 ± 0,3	6,3 ± 0,9	5,4 ± 0,7	p < 0,01	–	p < 0,001
2021	10,5 ± 0,2	8,6 ± 0,8	6,2 ± 0,9	p < 0,01	–	p < 0,001
2022	10,6 ± 0,4	8,8 ± 0,6	4,2 ± 0,9	p < 0,05	p < 0,01	p < 0,001
2023	11,2 ± 0,3	8,5 ± 0,9	5,5 ± 1,1	p < 0,05	p < 0,05	p < 0,001
2024	10,4 ± 0,5	9,2 ± 0,5	5,6 ± 0,8	p < 0,05	p < 0,01	p < 0,001
Среднее	10,6 ± 0,34	8,05 ± 0,73	5,43 ± 0,86	–	p < 0,01	p < 0,001

Таблица 3

Динамика скоростно-силовых качеств студентов технического вуза, определяемая по результатам теста «Прыжок в длину с места»

Годы	Медицинские группы			Достоверность различий		
	Основная	Подготовит.	Специальная	ОГ–ПГ	ПГ–СГ	ОГ–СГ
2017	227 ± 2,5	218 ± 3,5	208 ± 4,2	p < 0,001	–	p < 0,01
2018	232 ± 4,5	208 ± 4,2	215 ± 4,6	p < 0,01	–	p < 0,05
2019	218 ± 3,2	219 ± 3,4	217 ± 3,8	–	–	–
2020	229 ± 2,4	217 ± 3,3	213 ± 4,8	p < 0,05	–	p < 0,05
2021	233 ± 2,5	216 ± 2,8	211 ± 4,2	p < 0,01	–	p < 0,01
2022	225 ± 2,5	220 ± 3,6	218 ± 3,6	–	–	–
2023	221 ± 2,9	218 ± 3,5	220 ± 3,7	–	–	–
2024	226 ± 2,4	214 ± 3,6	216 ± 3,5	p < 0,01	–	p < 0,05
Среднее	226,4 ± 2,9	216,2 ± 3,5	214,7 ± 4,1	p < 0,01	–	p < 0,01

Анализ уровня развития силовых способностей студентов технического университета показал, что увеличение организованной двигательной активности, предусмотренное в действующих с 2017 г. Федеральных государственных образовательных стандартах, позволяет обеспечить повышение уровня физической подготовленности обучающихся.

С 2027 г. планируется переход российских вузов на новую модель высшего образования, предусматривающую базовое и специализированное высшее образование, а также профессиональный уровень – аспирантуру. Новые образовательные стандарты, по нашему мнению, должны сохранить преемственность прежних и расширить использование потенциала физической культуры и спорта в подготовке специалистов. Необходимо увеличить объем практической части элективных курсов по физической культуре и спорту, обеспечив учебные занятия со студентами старших курсов.

При организации физического воспитания необходимо осуществлять дифференцированный подход к занимающимся на основе их состояния здоровья и физической подготовленности.

Для студентов основной группы здоровья следует активно внедрять спортивно ориентированные технологии. Это позволит учесть личные интересы студентов, их мотивацию к двигательной деятельности, эффективно использовать материально-техническую базу вуза.

Средства различных видов спорта могут быть использованы в подготовительных медицинских группах при условии учета функционального состояния занимающихся.

Для студентов специальной медицинской группы необходимо разрабатывать адаптированные, а при необходимости и индивидуальные программы двигательной подготовки, проводимые под наблюдением медицинского работника.

Физическое воспитание в вузах технического профиля является частью образовательного процесса, направленной на сохранение и укрепление здоровья будущих специалистов, повышение их физической подготовленности, формирование теоретических знаний и практических навыков. Рациональная организация физического воспитания позволяет оптимизировать двигательную активность студентов и использовать образовательный, оздоровительный и воспитательный потенциал физической культуры и спорта.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Дутова И. В., Серегин С. А., Дутова Т. М. Долгосрочный мониторинг состояния здоровья и силовых показателей студентов отделения атлетической гимнастики // Известия ТулГУ. Физическая культура. Спорт. 2025. Вып. 3. С. 19–29.
2. Строева И. В., Евстегнеев В. В. Эффективность индивидуальных физкультурно-оздоровительных занятий со студентами высших учебных заведений // Научно-методическое обеспечение физического воспитания и спортивной подготовки студентов : материалы II Междунар. науч.-практ. конф., посв. 75-летию кафедры физического воспитания и спорта БГУ. Минск, 2023. С. 185–189.
3. Мануйленко Э. В., Дуплищев М. Г. Инновационные технологии в системе физического воспитания студентов высших учебных заведений // Научно-методическое обеспечение физического воспитания и спортивной подготовки студентов : сб. материалов междунар. науч.-практ. онлайн-конф. Минск, 2021. С. 144–147.
4. Ходова А. Р., Карева Ю. Ю. Силовая подготовка как важная составляющая физического воспитания студентов // Тенденции развития науки и образования. 2023. № 98–9. С. 170–173.
5. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 11.03.04 Электроника и наноэлектроника : приказ Минобрнауки России от 19.09.2017 № 927. URL: https://www.ntu.ru/frontend/web/ngtu/files/obrazovanie/naps_podgot_bak/fgos/11.03.04.pdf (дата обращения: 18.11.2025).

REFERENCES

1. Dutova I.V., Seregin S.A., Dutova T.M. Long-term monitoring of the health and strength indicators of students of the athletic gymnastics department. *Izvestiya TuLGu. Fizicheskaya kul'tura. Sport = Physical Culture. Sport*, 2025, no. 3, pp. 19–29. (In Russ.).
2. Stroeveva I.V., Evstegneev V.V. Effectiveness of individual physical education and wellness classes with students of higher educational institutions. In: *Nauchno-metodicheskoe obespechenie fizicheskogo vospitaniya i sportivnoi podgotovki studentov: materialy II Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posvyashchennoi 75-letiyu kafedry fizicheskogo vospitaniya i sporta BGU* [Scientific and methodological support for physical education and sports training of students: materials of the II International scientific and practical conference dedicated to the 75th anniversary of the departments of Physical education and sports of BSU]. Minsk, 2023. Pp. 185–189. (In Russ.).
3. Manuilenko E.V., Duplishchev M.G. Innovative technologies in the system of physical education of students of higher educational institutions. In: *Nauchno-metodicheskoe obespechenie fizicheskogo vospitaniya i sportivnoi podgotovki studentov: sb. materialov Mezhdunar. nauch.-prakt. onlain-konf.* [Scientific and methodological support of physical education and sports training

of students: collection of materials of International scientific and practical online conference]. Minsk, 2021. Pp. 144–147. (In Russ.).

4. Khodova A.R., Kareva Yu.Yu. Strength training as an important component of physical education of students. *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya = Trends in the Development of Science and Education*, 2023, no. 98–9, pp. 170–173. (In Russ.).

5. *Ob utverzhdenii federal'nogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta vysshego obrazovaniya – bakalavriat po napravleniyu podgotovki 11.03.04 Elektronika i nanoelektronika: prikaz Minobrnauki Rossii ot 19.09.2017 No. 927* [On approval of the federal state educational standard of higher education – Bachelor's degree in the field of training 11.03.04 Electronics and Nano-electronics: Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. 927 of September 19, 2017]. Available at: https://www.nntu.ru/frontend/web/ngtu/files/obrazovanie/naps_podgot_bak/fgos/11.03.04.pdf (In Russ.). (Accessed November 18, 2025).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

ИРИНА ВАСИЛЬЕВНА СТРОЕВА – кандидат педагогических наук, доцент, декан факультета заочного обучения Смоленского государственного университета спорта, Смоленск, Россия, IrinaC_256@mail.ru

АЛЕКСЕЙ ОЛЕГОВИЧ ЛЕШИН – кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой физвоспитания филиала Национального исследовательского университета «МЭИ» в г. Смоленске, Смоленск, Россия, Fizvospit@sbmpei.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

IRINA V. STROEVA – Candidate of Sciences (Pedagogy), Associate Professor, Dean of the Distance Learning Faculty of the Smolensk State University of Sport, Smolensk, Russia, IrinaC_256@mail.ru

ALEKSEI O. LESHIN – Candidate of Sciences (Pedagogy), Associate Professor, Head of the Department of Physical Education of the Branch of the National Research University “Moscow Power Engineering Institute” in Smolensk, Smolensk, Russia, Fizvospit@sbmpei.ru

Статья поступила 10.12.2025

Научная статья

УДК 37.02

doi 10.46741/sgjournal.2026.20.1.006

Актуальные аспекты организации внеаудиторной деятельности курсантов Воронежского института ФСИИ России

АЛЕКСАНДР ПАВЛОВИЧ ШУМАРОВ

Воронежский институт ФСИИ России, Воронеж, Россия, schum71@yandex.ru

ОКСАНА ЕВГЕНЬЕВНА ШУГАЙ

Воронежский институт ФСИИ России, Воронеж, Россия, sgifpd@yandex.ru

А н н о т а ц и я . В статье рассматриваются актуальные аспекты организации внеаудиторной деятельности курсантов Воронежского института ФСИИ России. По результатам проведенного опроса и данных анкетирования авторы предлагают ряд мер, направленных на достижение большей результативности и эффективности внеаудиторной работы обучающихся. Вариантом решения проблемных вопросов может стать внесение некоторых изменений и корректив в локально-нормативные акты образовательной организации высшего образования ФСИИ России.

Ключевые слова: образовательный процесс; внеаудиторная деятельность; курсант; образовательная организация высшего образования ФСИИ России; педагог; спорт; досуг; культура.

5.8.7. Методология и технология профессионального образования.

Для цитирования: Шумаров А. П., Шугай О. Е. Актуальные аспекты организации внеаудиторной деятельности курсантов Воронежского института ФСИИ России // Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований. 2026. № 1 (20). С. 43–50. doi 10.46741/sgjournal.2026.20.1.006.

Original article

Current Aspects of Organizing Extracurricular Activities of Cadets in the Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

ALEKSANDR P. SHUMAROV

Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Voronezh, Russia, schum71@yandex.ru

OKSANA E. SHUGAI

Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Voronezh, Russia, sgifpd@yandex.ru

Abstract. The article discusses current aspects of organizing extracurricular activities of cadets of the Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Based on the results of the survey, the authors propose a number of measures aimed at achieving greater effectiveness and efficiency of extracurricular activities of students. The solution to problematic issues may be the introduction of some changes and adjustments to local regulations of the educational organization of higher education of the Federal Penitentiary Service of Russia.

Key words: educational process; extracurricular activities; cadet; educational higher education organization of the Federal Penitentiary Service of Russia; teacher; sport; leisure; culture.

5.8.7. Methodology and technology of vocational education.

For citation: Shumarov A.P., Shugai O.E. Actual aspects of the organization of extracurricular activities of cadets of the Voronezh Institute in the Federal Penitentiary Service of Russia. *All-Russian Research and Practice Journal of Studies in Social Sciences and Humanities*, 2026, no. 1 (20), pp. 43–50. doi 10.46741/sjournal.2026.20.1.006.

Вопросы организации и реализации внеаудиторной деятельности курсантов [1, с. 133–134] напрямую связаны с повышением качества образования, комфортностью и сервисом образовательных организаций всех силовых ведомств, в том числе ФСИН России. Заметим, что данная тема исследования является достаточно специфичной и рассматривается в отечественной педагогике, как правило, с учетом возрастных особенностей обучающихся. Так, например, ряд авторов (Н. Г. Иванова, В. О. Пугачева, С. В. Прыткова, В. Д. Шувалов и др.) рассматривают возможности повышения эффективности внеаудиторной деятельности школьников. Некоторые ученые (Е. С. Бахтина, С. Г. Коротков, Д. А. Крылов, В. И. Попова и др.) связывают внеаудиторную деятельность, прежде всего, с научно-исследовательской работой студентов. Еще одна группа исследователей (Т. Е. Алексеева, А. С. Кисляков, А. В. Кожаринов, П. П. Ростовцева, В. Е. Черноскутов и др.) делают упор на воспитательном акценте, а понятие «внеаудиторная деятельность» заменяют категорией «внеаудиторная работа». Представители образовательных организаций силовых ведомств (Р. В. Беляев, К. Д. Дятлова, Н. И. Мусина, Т. Г. Мухина и др.) анализируют, как правило, педагогические условия и возможности развития внеаудиторной деятельности курсантов, способствующие их профессиональному и личностному росту [2].

Одним из возможных вариантов организации внеаудиторной деятельности курсантов образовательных организаций ФСИН России может стать реализация перспективных и эффективных образовательных программ, а также глубокий анализ отзывов выпускников об их практической службе в учреждениях и органах УИС, основных проблемах и трудностях, с которыми они сталкиваются в повседневной деятельности. С учетом данной работы следует оперативно изменять и корректировать учебные программы, совершенствовать образовательные технологии, внедрять в образовательный процесс все самое новое и передовое, учитывать при подготовке сотрудников вероятные способы изменения и перспективные тенденции развития пенитенциарной системы России. Так, например, на огромный потенциал внеаудиторной учебной практики, связанный с формированием профессиональных компетенций и навыков, указывают и ученые пенитенциарного ведомства [3].

Стоит добавить, что престижность получения образования и интерес к нему в образовательных организациях силовых структур, в том числе ФСИН России, объясняется его фундаментальностью и универсальностью, некоторыми преимуществами по сравнению с гражданским сектором высшего образования. Отметим, что даже в условиях постоянной положительной динамики развития образовательных организаций ФСИН России по всем направлениям особое значение имеет мнение самих обучающихся, их оценка и рекомен-

дации по улучшению образовательного процесса, где внеаудиторной деятельности отводится существенное место.

С целью изучения и совершенствования условий проживания, организации внеаудиторной работы, их влияния на процессе обучения нами была разработана анкета и проведен опрос обучающихся 1–4 курсов на предмет актуальности и направленности внеурочной деятельности.

Всего в опросе приняли участие 433 курсанта. По курсам они распределились следующим образом (рис. 1): 1 курс – 134 чел. (31 %); 2 курс – 105 чел. (24 %); 3 курс – 97 чел. (22 %); 4 курс – 100 чел. (23 %).

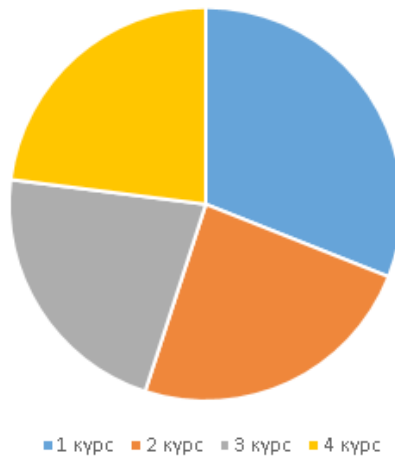


Рис. 1. Распределение курсантов, принявших участие в опросе, по курсам обучения

Общее число опрошенных составило 65 % от числа обучающихся в институте. Большую часть респондентов составлял первый курс.

Первый вопрос анкеты был посвящен значимости внеаудиторной деятельности для обучающихся (рис. 2).

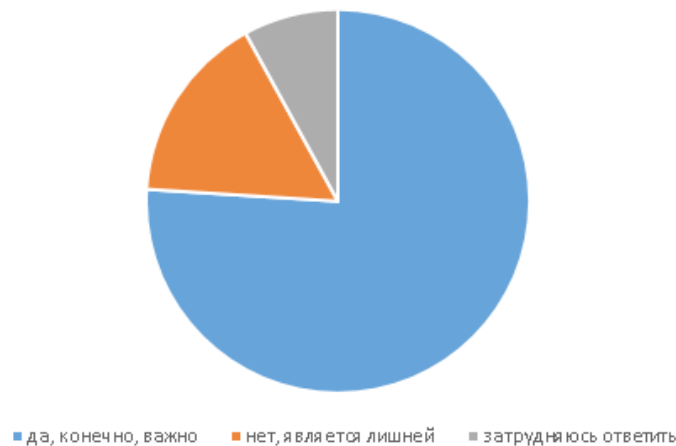


Рис. 2. Значимость внеаудиторной деятельности обучающихся

Результаты ответов на этот вопрос анкеты свидетельствуют о том, что большинство курсантов (76 %) внеаудиторную деятельность считают важным элементом образовательного процесса в институте, однако 16 % обучающихся считают ее лишней. 8 % опрошенных затруднились с ответом на данный вопрос. Связь и влияние внеаудиторной работы на формирование информационной и коммуникативной культуры отмечают и исследования в образовательных организациях высшего образования МО РФ [4–6].

Ответы на второй вопрос анкеты («Чем вы занимались в свободное время до поступления в институт?») отличаются разнообразием. Выделим наиболее частые и повторяющиеся версии, (их число ограничивается 6 (рис. 3).



Рис. 3. Сферы занятий курсантов до поступления в институт

Из приведенных данных видно, что подавляющее число обучающихся занималось физической культурой (44 %). На втором месте сфера культуры и искусства (26 %). Практически вдвое меньшая тех, кто занимался техническими специальностями и сервисом (13 %). Еще меньше увлекавшихся военным делом (9 %). И только 8 % тех, кто ничем не занимался или указал нечто принципиально иное (например, туризм). Даже из этих показателей возможно сделать вывод о том, что поступившие в институт курсанты имеют широкий круг самых разносторонних интересов.

На третий вопрос анкеты («Чем бы вы хотели заниматься в свободное от образовательной деятельности время в институте?») можно увидеть довольно разнообразные ответы, которые подчеркивают актуальность и необходимость внеаудиторной деятельности в институте.

Представим некоторые «оригинальные» ответы обучающихся:

- занятия киберспортом и плаванием;
- спортивное программирование;
- занятия риторикой и ораторским искусством;
- поисковая работа, волонтерство, туризм (путешествия).

Резюмируя в целом ответы на данный вопрос, отметим, что 25 % «проголосовали» за кружок танцев, по 24 % за занятия вокалом и спортивные секции. Интересна позиция 20 % обучающихся, выбравших отдых в форме дополнительного сна и праздного времяпровождения. 7 % отметили иные направления внеаудиторной работы (рис. 4).

Отвечая на четвертый вопрос («Имеются ли какие-либо проблемные вопросы при организации внеаудиторной деятельности?»), большинство курсантов указали, что таковых в организации и реализации внеаудиторной деятельности нет, при этом некоторая часть обучающихся отметили следующие трудности:

- ограниченность (или его отсутствие) времени на дополнительные занятия в связи с загруженностью учебной работой, нарядами, хозяйственными работами (16 %);
- ограниченность пространственного и материально-технического формата аудиторного фонда (10 %);
- недостаточное количество (отсутствие) компьютерной техники (8 %);
- излишний объем согласования официального разрешения, дополнительные бюрократические барьеры (6 %).



Рис. 4. Основные предпочтения обучающихся в свободное от учебы время

На этот вопрос большинство курсантов (60 %) ответило, что стоит разнообразить проводимые массовые мероприятия, добавить групповые выезды в город и иные активности (рис. 5).

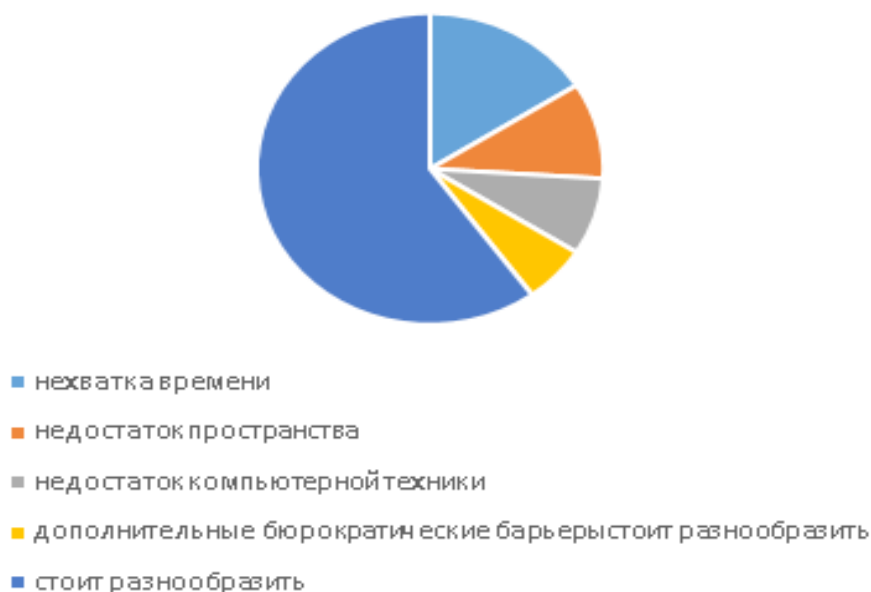


Рис. 5. Наличие проблемных вопросов в организации и реализации внеаудиторной деятельности

В ответах на пятый вопрос («Какие из видов внеаудиторной работы являются для вас приоритетными?») предпочтения обучающихся распределились следующим образом:

- спортивные и культурно-массовые виды деятельности (соревнования, концерты, смотры и т. п.) (по 41 %);
- направления работы иного характера (10 %);
- воспитательные мероприятия (8 %) (рис. 6).

Шестой вопрос анкеты («Имеет ли для вас значение личность преподавателя (организатора), отвечающего за то или иное направление внеаудиторной деятельности?») касался личности педагога, который отвечает или проводит то или иное мероприятие. 46 % респондентов высказались о нейтральности к личности руководителя (организатора). Примерно



Рис. 6. Наиболее привлекательные виды (направления) внеаудиторной работы обучающихся

поровну (по 27 %) оказалось тех, кому сложнее (или, наоборот, легче) приспособиться к новому преподавателю (рис. 7).

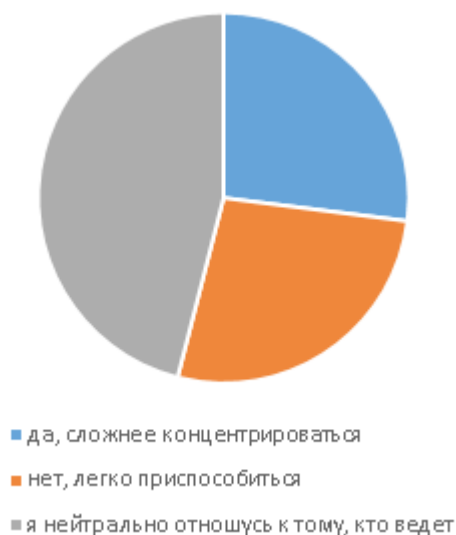


Рис. 7. Отношение обучающихся к педагогу-руководителю внеаудиторного направления деятельности

И, наконец, заключительный седьмой вопрос («Насколько вы удовлетворены собственными результатами внеаудиторной деятельности?») касался степени удовлетворенности обучающихся характером и результатами внеаудиторной деятельности. В итоге ответы обучающихся распределились следующим образом: полностью удовлетворены (58 %), частично удовлетворены (32 %), не удовлетворены (10 %) (рис. 8).

Итак, подавляющее большинство курсантов положительно относится к организации и проведению мероприятий внеаудиторной деятельности в институте [7]. Отметим, что одним из весомых факторов здесь являются предложения и решения Совета обучающихся института. Так, к примеру, с недавних пор в расписании дня института появился пункт об освобождении отличников учебы от самостоятельной работы (если не проводятся плановые занятия, иные мероприятия общеинститутского характера). Данное время передовики и отличники учебы используют и для развития своих научных, творческих, спортивных и иных способностей.

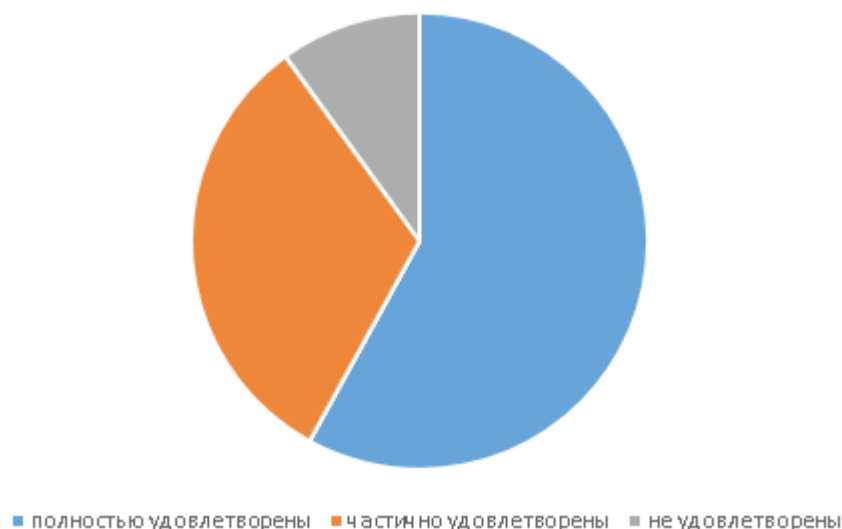


Рис. 8. Степень удовлетворенности обучающихся результатами внеаудиторной деятельности

Подводя итоги проведенных исследований, следует подчеркнуть, что внеаудиторная деятельность обучающихся является неотъемлемой частью образовательного процесса, способствует формированию личности будущего сотрудника ФСИН России, его профессиональному становлению [8]. Включение обучающихся в различные виды внеаудиторной деятельности представляется полезным и необходимым как для самих курсантов, так и для иных субъектов образовательного процесса. Благодаря дополнительным занятиям и тренировкам обучающиеся получают иные компетенции и навыки, реализуют свои творческие и интеллектуальные способности. Вместе с тем опрос и анкетирование показали, что данная работа требует постоянного контроля и заинтересованности всех субъектов образовательного процесса, внесения определенных корректив и изменений в локально-нормативные и распорядительные акты образовательной организации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Тарабрина Т. И., Красильникова Е. В., Верещагина О. Н. Организация внеаудиторной деятельности курсантов в процессе обучения РКИ // Ярославский педагогический вестник. 2017. № 2. С. 133–136.
2. Ситак Л. А. Роль внеаудиторной работы в профессиональной подготовке студентов педагогических вузов // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2017. № 32. С. 32–35.
3. Дворцов В. Б., Дворцов В. Б. Применение ресурсов внеаудиторной учебной практики для формирования профессиональных компетенций у курсантов по обеспечению режима в пенитенциарных учреждениях // Фундаментальные исследования. 2015. № 2-5. С. 1114–1117. URL: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=36994> (дата обращения: 14.11.2015).
4. Беляев Р. В. Специфика организации внеаудиторной деятельности курсантов военных вузов: социально-культурный аспект // Культура и образование. 2016. № 3 (22). С. 104–109.
5. Беляев Р. В. Организационно-педагогические условия формирования информационной культуры курсантов военных вузов во внеаудиторной деятельности // Современные проблемы науки и образования. 2016. № 6. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=25460> (дата обращения: 14.11.2015).
6. Мусина Н. И., Мухина Т. Г., Дятлова К. Д. Педагогические условия формирования готовности к межличностному общению курсантов МВД России в процессе организации внеаудиторной деятельности // Психолого-педагогический поиск. 2020. № 4 (56). С. 43–54.
7. Алексеева Т. Е. Из опыта организации внеаудиторной работы в вузе // Социально-педагогические вопросы образования и воспитания : материалы всерос. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 28 января 2022 г.). Чебоксары, 2022. С. 158–162.
8. Казьмерчук А. В. Внеаудиторная деятельность как средство интенсификации профессионального обучения в высшем учебном заведении // Вестник ТГПУ. 2013. № 9 (137). С. 54–59.

REFERENCES

1. Tarabrina T.I., Krasil'nikova E.V., Vereshchagina O.N. Organization of foreign cadets' extracurricular activities. *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik = Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 2017, no. 2, pp. 133–136. (In Russ.).
2. Sitak L.A. The role of extracurricular work in the professional training of students of pedagogical universities. In: *Sborniki konferentsii NITS Sotsiosfera* [Conference proceedings of SIC Sociosphere]. 2017. No. 32. Pp. 32–35. (In Russ.).
3. Dvortsov V.B., Dvortsov V.B. Application of resources of out-of-class educational practice for formation of professional competences at cadets on providing a mode in penal institutions. *Fundamental'nye issledovaniya = Fundamental Research*, 2015, no. 2-5, pp. 1,114–1,117. Available at: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=36994> (In Russ.). (Accessed November 14, 2015).
4. Belyaev R.V. The specific organization of extracurricular activities of the cadets of military schools: social and cultural aspect. *Kul'tura i obrazovanie = Culture and Education*, 2016, no. 3 (22), pp. 104–109. (In Russ.).
5. Belyaev R.V. Organizational-pedagogical conditions of formation of information culture of the military cadets in extracurricular activities. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya = Modern Problems of Science and Education*, 2016, no. 6. Available at: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=25460> (In Russ.). (Accessed November 14, 2015).
6. Musina N.I., Mukhina T.G., Dyatlova K.D. Pedagogical conditions for the development of interpersonal communication skills in students of educational institutions of the ministry of internal affairs of the Russian Federation in the process of extracurricular activities. *Psikhologo-pedagogicheskii poisk = Psychological and Pedagogical Search*, 2020, no. 4 (56), pp. 43–54. (In Russ.).
7. Alekseeva T.E. From the experience of organizing extracurricular work at a university. In: *Sotsial'no-pedagogicheskie voprosy obrazovaniya i vospitaniya: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. (Cheboksary, 28 yanvarya 2022 g.)* [Socio-pedagogical issues of education and upbringing: materials of the All-Russian scientific and practical conference (Cheboksary, January 28, 2022)]. Cheboksary, 2022. Pp. 158–162. (In Russ.).
8. Kaz'merchuk A.V. Extracurricular activities as a means of intensification of vocational training in university. *Vestnik TGPU = TSPU Bulletin*, 2013, no. 9 (137), pp. 54–59. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АЛЕКСАНДР ПАВЛОВИЧ ШУМАРОВ – кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры социально-гуманитарных и государственно-правовых дисциплин юридического факультета Воронежского института ФСИН России, Воронеж, Россия, schum71@yandex.ru
ОКСАНА ЕВГЕНЬЕВНА ШУГАЙ – кандидат технических наук, старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных и государственно-правовых дисциплин юридического факультета Воронежского института ФСИН России, Воронеж, Россия, sgifpd@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ALEKSANDR P. SHUMAROV – Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor, professor at the Department of Social-Humanitarian and State Legal Disciplines of the Law Faculty of the Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Voronezh, Russia, schum71@yandex.ru
OKSANA E. SHUGAI – Candidate of Sciences (Technology), Senior Lecturer at the Department of Social-Humanitarian and State Legal Disciplines of the Law Faculty of the Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Voronezh, Russia, sgifpd@yandex.ru

Статья поступила 14.11.2025

Научная статья

УДК 316.6

doi 10.46741/sjournal.2026.20.1.007

Особенности социальной идентичности современных российских студентов

ТАТЬЯНА АНДРЕЕВНА ГАЙЧЕНЯ

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия, help@tatianaszn.ru

А н н о т а ц и я . В статье представлены результаты эмпирического исследования особенностей социальной идентичности современных российских студентов. Социальная идентичность рассматривается как многомерная система, включающая шесть модусов: гражданский, национальный, культурный, профессиональный, региональный и религиозный. Анализируются уровни выраженности модусов, их иерархическая структура, половозрастные различия, а также взаимосвязь модусов со статусами социальной идентичности. В исследовании приняли участие 210 студентов российских вузов в возрасте от 17 до 25 лет. В качестве основных методик исследования были использованы: опросник «Исследование гражданской идентичности населения современной России» (авторы Л. А. Степнова и К. А. Иваненко) в модификации Е. В. Селезневой; методика изучения социальной идентичности (авторы Л. Б. Шнейдер, В. В. Хрусталева). Статистическая обработка включала непараметрические методы: критерий Манна – Уитни и коэффициент корреляции Спирмена. Результаты показали высокую выраженность всех модусов, ведущую роль гражданской идентичности, а также более высокие показатели псевдоидентичности по сравнению с достигнутыми статусами. Результаты эмпирического исследования позволяют уточнить представления о структуре социальной идентичности современной молодежи.

К л ю ч е в ы е с л о в а : социальная идентичность; модусы социальной идентичности; гражданская идентичность; статус идентичности; псевдоидентичность.

5.3.5. Социальная психология, политическая и экономическая психология.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Гайченя Т. А. Особенности социальной идентичности современных российских студентов // Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований. 2026. № 1 (20). С. 51–68. doi 10.46741/sjournal.2026.20.1.007.

Original article

Specifying Social Identity of Modern Russian Students

TAT'YANA A. GAICHENYA

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia, help@tatianaszn.ru

Abstract. The article represents results of an empirical study of social identity of modern Russian students. Social identity is defined as a multidimensional system

comprising six modes: civic, national, cultural, professional, regional, and religious. The study analyzes levels of expression of the modes, their hierarchical structure, gender and age differences, and the relationship between the modes and social identity statuses. A total of 210 students from Russian universities aged 17 to 25 participated in the study. The main research methods used were the questionnaire “Study of the Civic Identity of the Population of Modern Russia” (authors Stepnova L.A. and Ivanenko K.A.) modified by Selezneva E.V. and the methodology for studying social identity (authors Schneider L.B. and Khrustaleva V.V.). Statistical processing of the results was carried out using nonparametric methods: the Mann-Whitney tests and Spearman correlation coefficients. The results demonstrate a high level of all modes, the leading role of civic identity, and higher rates of pseudo-identity compared to achieved statuses. The study’s findings provide further insight into the progress of social identity among today’s youth.

Key words: social identity; modes of social identity; civic identity; identity status; pseudo-identity.

5.3.5. Social psychology, political and economic psychology.

For citation: Gaichenya T.A. Specifying social identity of modern Russian students. *All-Russian Research and Practice Journal of Studies in Social Sciences and Humanities*, 2026, no. 1 (20), pp. 51–68. doi 10.46741/sjournal.2026.20.1.007.

Социальная идентичность традиционно рассматривается как система представлений о собственной принадлежности к различным социальным группам и общностям.

В условиях усиливающихся социально-политических трансформаций вопросы формирования социальной идентичности молодежи приобретают особую актуальность. Студенческая молодежь представляет собой социальную группу, наиболее чувствительную к изменениям общественных норм, ценностей и требований, что обуславливает необходимость анализа особенностей ее социальной самоидентификации.

Исследования последних лет подчеркивают, что структура социальной идентичности студенческой молодежи становится все более вариативной и неоднородной. Н. М. Великая и А. А. Лисенкова рассматривают социокультурные основания идентичности студентов и подчеркивают, что «высокая степень турбулентности» современной России создает условия для вариативности идентичностей у студентов, что отражается в неоднородности их «социокультурного профиля» [1]. Н. П. Сащенко в своем эмпирическом исследовании показывает, что молодые студенты демонстрируют множественные идентичности одновременно (а не один доминантный тип), что свидетельствует о трансформации прежних стабильных профилей идентичности. По мнению автора, возникает «противоречивый», гибридный идентификационный профиль идентичности [2].

В данном процессе существенную роль играют как социальные факторы, так и цифровая среда, расширяющая пространство социального сравнения. Зарубежные исследования [3; 4] подтверждают, что цифровые механизмы самопрезентации оказывают значимое влияние на построение идентичности.

Также важным направлением исследования проблематики социальной идентичности остаются работы, посвященные анализу статусов социальной идентичности, в основе которых лежит концепция Дж. Марсии [5]. Особый интерес вызывает феномен псевдоидентичности, широко распространенный среди молодых людей, который может выполнять адаптивную функцию при недостаточно сформированных внутренних основаниях идентификационных выборов. Например, в работе Л. Н. Молчановой и С. И. Королевой рассматривается социальная идентичность студентов, волонтерство и статус псевдоидентичности. Авторы отмечают, что среди опрошенных студентов заметная доля респондентов с псевдоидентичностью, что интерпретируется как отражение общей нестабильности идентичностных ориентаций [6].

Стоит отметить, что значительная часть современных исследований сосредоточена на изучении отдельных модусов (форм) социальной идентичности: гражданской, этнической, культурной, профессиональной и т. д.

Так, в ряде работ объектом изучения выступает гражданская идентичность, рассматриваемая через призму развития гражданственности, политической культуры или патриотизма студенческой молодежи. Например, исследования В. Е. Минеева-Ли, Е. Ю. Глазыриной и Т. А. Нежинской [7; 8] показывают, что гражданская идентичность студентов формируется под влиянием образовательной среды, включенности в общественно значимую деятельность и актуальной социальной повестки. Авторы подчеркивают, что гражданская идентичность выступает самостоятельным, значимым компонентом социальной структуры личности, который развивается в относительно независимой логике.

Другим направлением является изучение этнической и национальной идентичности, акцентирующее внимание на образах «мы» и «они», принадлежности к этнокультурному сообществу и формировании межгрупповых установок. Так, исследования В. В. Гриценко, М. Н. Ефременковой и Н. В. Муращенковой [9] показывают, что этническая и гражданская идентичности старшеклассников и студентов не совпадают полностью: они опираются на различные ценностные и социокультурные основания, могут находиться в согласии или напряжении, а уровень их выраженности зависит от контекста социализации. Эти результаты подтверждают относительную автономность национального модуса идентичности.

Отдельный массив исследований посвящен культурной (социокультурной) идентичности, которая включает осознание себя как носителя определенного культурного кода, традиций и норм. В работе Н. М. Великой и А. А. Лисенковой [1], посвященной студенческой молодежи в условиях социальной неопределенности, показано, что культурная идентичность формирует самостоятельную иерархию значимостей и может изменяться под влиянием региональных, миграционных и информационных факторов. Таким образом, культурная идентичность рассматривается как отдельный структурный компонент, а не производная от национальной или гражданской идентичности.

Значительное число исследований посвящено профессиональной идентичности. Работы А. Ариас, Е. А. Карповой, Т. Г. Кукулите [10], В. Р. Манукян, А. А. Трубицина [11], Е. А. Брызгалина и др. [12] демонстрируют, что профессиональная идентичность студентов развивается в собственной логике: она связана с мотивами выбора профессии, образовательной средой и субъективными представлениями о профессиональном будущем. Авторы подчеркивают, что профессиональная идентичность в современных условиях часто характеризуется неустойчивостью и противоречивостью, что отличает ее от других видов идентичности и требует самостоятельного анализа.

Наконец, религиозная и региональная идентичности также исследуются как отдельные феномены, обладающие собственной структурой и детерминацией, что показано в работах, посвященных религиозной идентичности молодежи [13–15] и региональной самоидентификации [16].

Совокупность этих исследований свидетельствует о том, что современная научная традиция трактует различные виды социальной идентичности как относительно автономные компоненты, каждый из которых обладает собственной динамикой, механизмами формирования и факторами детерминации. Однако такая фрагментарность приводит к тому, что целостный образ социальной идентичности личности оказывается разорванным на отдельные модули. В то же время современная молодежь существует в условиях множественности социальных ролей и пересечения различных социальных групп, что делает социальную идентичность многомерной системой, включающей сразу несколько модусов.

Следует отметить, что в ряде исследований социальная идентичность рассматривается именно как системное образование. При этом разные авторы включают в ее структуру различные модусы, подчеркивая многокомпонентность данного феномена. Так, А. В. Ми-

Микляева и П. В. Румянцева представляют социальную идентичность как совокупность нескольких взаимосвязанных компонентов – гендерного, возрастного, этнического, национального, профессионального, социально-экономического, религиозного и городского [17]. Авторы подчеркивают, что отдельные компоненты обладают различной степенью значимости в регуляции поведения: одни являются центральными (гендерная, возрастная, этническая, профессиональная, социально-экономическая), другие – периферическими (национальная, религиозная, городская). Это свидетельствует о том, что социальная идентичность функционирует как многоуровневая структура, в которой разные компоненты могут актуализироваться в зависимости от контекста и задач социального взаимодействия.

В работе А. Н. Татарко и Н. В. Чуйкиной социальная идентичность рассматривается как система пересекающихся оснований самоопределения (этнического, гражданского, религиозного, советского и цивилизационного), которые в совокупности формируют целостный идентификационный профиль личности [18]. Показано, что разные виды идентичности выполняют различные функции, влияя на социальный капитал и особенности социального поведения. Авторы подчеркивают, что множественные идентичности взаимодействуют между собой, формируя динамическую конфигурацию, чувствительную к социальному контексту и межпоколенным изменениям.

Таким образом, современные исследователи сходятся в понимании социальной идентичности как иерархически организованной и многомерной системы, включающей несколько самостоятельных, но взаимосвязанных модусов.

Выбор нами структуры социальной идентичности, включающей шесть модусов: гражданский, национальный, культурный, профессиональный, региональный и религиозный, – обусловлен несколькими теоретическими и методологическими основаниями.

Во-первых, выбранные модусы опираются на содержательные основания социальной идентичности, выделяемые в современных исследованиях. Так, А. В. Микляева и П. В. Румянцева показывают, что структура социальной идентичности включает несколько взаимосвязанных компонентов: национальный, религиозный, профессиональный, региональный (городской) и др., каждый из которых представляет собой значимую сферу самоопределения личности и может актуализироваться в различных ситуациях социального взаимодействия [17]. В нашем исследовании эта логика сохраняется: гражданская, национальная, культурная и религиозная идентичности отражают принадлежность к широким социальным и культурным общностям, тогда как профессиональная и региональная идентичности связаны с более конкретными жизненными контекстами студентов: образовательной средой и территориальным пространством повседневной жизни.

Во-вторых, структура из шести модусов опирается на подход, представленный в методике Л. А. Степновой и К. А. Иваненко (в модификации Е. В. Селезневой) [19], где гражданская, национальная, культурная, профессиональная, региональная и религиозная идентичности выделены как ключевые сферы, через которые проявляется социальное самоопределение личности. Данная модель является одной из немногих, рассматривающих социальную идентичность комплексно, а не фрагментарно, что соответствует современной тенденции изучения множественных идентичностей как целостной структуры.

В-третьих, выбранные модусы отражают наиболее релевантные контексты социального самоопределения студенческой молодежи. Гражданская и национальная идентичности задают макросоциальные рамки принадлежности; культурная – отражает включенность в ценностно-символическое пространство; региональная – фиксирует территориальную укорененность; профессиональная – связана с задачами образовательной и карьерной социализации; религиозная – отражает мировоззренческие ориентации. Таким образом, именно эти шесть модусов позволяют наиболее полно описать структуру социальной идентичности студентов. Такой подход позволяет не только учитывать специфику каждого компонента, но и анализировать их соотношение и взаимосвязи, что отражает реальную слож-

ность и вариативность социальной идентичности современных студентов. Стоит отметить, что целостные подходы, предполагающие комплексное изучение социальной идентичности как многомерной системы из нескольких взаимосвязанных между собой модусов, в современной научной литературе представлены ограниченно. Таким образом, выявляется необходимость исследования социальной идентичности студентов как целостной структуры, включающей содержание и степень сформированности через статусы идентичности.

Цель статьи – выявить особенности социальной идентичности современных российских студентов.

Задачи:

- выявить структуру социальной идентичности современных российских студентов;
- изучить взаимосвязь между выраженностью модусов социальной идентичности и статусом социальной идентичности современных российских студентов.

Научная новизна исследования состоит в расширении эмпирической базы исследований социальной идентичности молодежи и заключается в комплексном анализе социальной идентичности студентов как целостной многомерной системы, включающей шесть модусов, с одновременным учетом статусов ее сформированности. Получены новые эмпирические данные о специфике выраженности модусов социальной идентичности у студентов с различными статусами идентичности, что позволяет по-новому интерпретировать феномен псевдоидентичности как функционально значимое и адаптивное состояние на этапе профессионального и социального самоопределения.

В исследовании приняли участие 210 студентов московских вузов в возрасте от 17 до 25 лет. В выборку вошли как мужчины, так и женщины (88 мужчин и 122 женщины), обучающиеся на различных направлениях подготовки. Средний возраст участников составил 20,5 лет ($SD = 1,99$), минимальный возраст – 17 лет, максимальный – 25 лет. Формирование выборки осуществлялось методом удобной выборки, что является распространенной практикой при изучении психологических характеристик студенчества и позволяет определить актуальные тенденции в данной возрастной группе.

Для анализа половозрастных особенностей социальной идентичности была выполнена стратификация выборки, в результате которой выделены четыре подгруппы: женщины 17–20 лет, мужчины 17–20 лет, женщины 21–25 лет, мужчины 21–25 лет. Такое деление отражает специфику разных этапов юношеского возраста и позволяет сопоставить особенности идентичности на переходе от ранней студенческой молодости (17–20 лет) к более зрелому периоду первичной профессиональной социализации (21–25 лет). В каждой подгруппе представлены респонденты с различным опытом обучения и социальной включенности, что делает возможным выявление внутригрупповых и межгрупповых различий. Процентное распределение участников в этих подгруппах составило соответственно: женщины 17–20 лет – 31,9 %, мужчины 17–20 лет – 27,62 %, женщины 21–25 лет – 26,19 %, мужчины 21–25 лет – 14,29 %.

При первичном описании выборки анализировались характеристики демографического профиля, включающие возраст, пол, курс обучения и другие социально значимые параметры. Дополнительно был проведен анализ полноты данных и проверка наличия пропусков; данные, не соответствующие критериям корректности ввода, были исключены.

Для изучения содержательных характеристик социальной идентичности использовался опросник «Исследование гражданской идентичности населения современной России» (авторы Л. А. Степнова и К. А. Иваненко) в модификации Е. В. Селезневой [19]. Данный инструмент позволяет оценивать выраженность шести модусов социальной идентичности, рассматриваемых в настоящем исследовании как ключевые элементы многомерной структуры социальной идентичности личности:

- 1) гражданская;
- 2) национальная (этническая);

- 3) культурная;
- 4) профессиональная;
- 5) региональная;
- 6) религиозная.

Каждый модус оценивается по интегральной 15-балльной шкале, где более высокие значения отражают большую выраженность соответствующего компонента. Методика отличается высокой валидностью, что позволяет использовать ее результаты как основу для сравнительного анализа разных групп.

Для определения уровней сформированности социальной идентичности использовалась методика изучения социальной идентичности (авторы Л. Б. Шнейдер, В. В. Хрусталева) [20], направленная на выявление статусов идентичности. Данная методика позволяет отнести каждого респондента к одному из статусов: диффузная идентичность, мораторий, достигнутая идентичность, высокая достигнутая идентичность и псевдоидентичность. При первичной обработке данных было установлено, что подгруппы со статусами «диффузная идентичность» и «мораторий» представлены крайне малым числом человек, что не обеспечивает достаточной мощности статистического анализа. В связи с этим в основной анализ были включены только три статуса: достигнутая идентичность ($n = 29$), высокая достигнутая идентичность ($n = 41$) и псевдоидентичность ($n = 132$), что соответствует методологическим требованиям к объему подгрупп при непараметрическом анализе.

Статистическая обработка данных проводилась с использованием пакета IBM SPSS Statistics. На предварительном этапе было выполнено исследование нормальности распределения переменных с помощью критерия Колмогорова – Смирнова, результаты которого показали значимое отклонение большинства показателей от нормального распределения. В связи с этим было принято решение использовать непараметрические методы анализа, что обеспечивает корректность статистических выводов в условиях шкал порядка и распределений, отличающихся от нормального.

Для выявления различий между половозрастными и статусными подгруппами применялся U-критерий Манна – Уитни, позволяющий оценить значимость различий между независимыми выборками. Для выявления взаимосвязей между модусами социальной идентичности и статусами идентичности использовался коэффициент ранговой корреляции Спирмена, что является наиболее распространенным подходом при работе с ранговыми и порядковыми данными.

Принятые методы анализа полностью соответствуют задачам исследования, типу шкал используемых методик и структуре выборки.

Анализ данных, представленных в таблице 1, позволяет охарактеризовать общую структуру социальной идентичности студентов и сделать вывод о сравнительно высокой выраженности всех рассматриваемых модусов.

Таблица 1

Субъективная иерархия модусов социальной идентичности участников исследования
в целом по выборке

Ранг в иерархии	Модусы социальной идентичности	Средний балл по 15-балльной шкале	Медиана	Стандартное отклонение
1	Гражданская идентичность	11,89	13	2,67
2	Национальная идентичность	11,66	12	2,85
3	Культурная идентичность	11,4	12	2,79
4	Региональная идентичность	11,35	12	2,63
5	Профессиональная идентичность	10,41	11	2,74
6	Религиозная идентичность	9,8	10	3,19

Как видно из таблицы, средние значения по большинству модусов располагаются в диапазоне от 10,41 до 11,89 баллов, что свидетельствует об общей тенденции к высокому уровню социального самоопределения молодых людей. Таким образом, можно говорить о том, что социальная идентичность студенческой молодежи в целом является достаточно сформированной и включает устойчивые представления о принадлежности к различным социальным общностям.

При этом внутри структуры выделяются две ключевые тенденции. Во-первых, наблюдается лидирующее положение гражданской идентичности, которая имеет наивысшее среднее значение ($M = 11,89$) и медиану 13 баллов. Это позволяет предположить, что для современных студентов именно гражданская сфера является наиболее значимой точкой социального самоопределения. Такая ситуация может объясняться усилением роли гражданской повестки в образовательной и информационной среде, развитием институтов волонтерства, общественных инициатив, а также влиянием актуальных социально-политических событий, способствующих росту внимания молодежи к вопросам гражданской ответственности и гражданской принадлежности. В недавнем исследовании В. В. Брюно среди студентов педагогических вузов также подтверждается, что большинство опрошенных респондентов демонстрируют устойчивую самоидентификацию с гражданством [21].

Во-вторых, на нижней позиции в иерархии модусов оказалась религиозная идентичность ($M = 9,8$), что согласуется с результатами современных исследований, фиксирующих тенденцию к секуляризации молодежи. В. А. Сушко и И. В. Васенина отмечают, что значение религиозных норм для российской молодежи ослабевает, что снижает роль религии как нравственного ориентира молодежи, в том числе в системе семейных ценностей [22]. А согласно исследованию Д. А. Черничкина, М. С. Топчиева и А. В. Рогова, практически четверть опрошенных из трех регионов России придерживаются мнения, что влияние религии на общественную жизнь в современной России в ближайшем будущем будет снижаться [15].

Особый интерес представляет тот факт, что именно по религиозной идентичности наблюдается наибольшее стандартное отклонение ($SD = 3,19$) среди всех модусов. Это указывает на выраженную неоднородность и индивидуализированность религиозных установок в выборке. Иными словами, студенты значительно более различаются в степени выраженности религиозной идентичности, чем в любом другом модусе: у одних она может быть ярко выражена, у других – минимальна. Такая вариативность отражает индивидуальные особенности мировоззрения, семейные традиции, региональный и культурный контекст, а также современную тенденцию к персонализации религиозных практик.

Важно отметить, что между модусами отсутствуют резкие разрывы в средних значениях: диапазон варьирует в пределах 2 баллов. Это позволяет говорить о внутренней согласованности структуры социальной идентичности студентов. Несмотря на различия в ранговых позициях, все модусы находятся примерно на одном уровне выраженности, что говорит о сбалансированности их вклада в социальное самоопределение личности. Такая согласованность может свидетельствовать о том, что студенты воспринимают свою принадлежность к различным социальным общностям комплексно, без выраженного перекоса в одну сторону.

Кроме того, средние значения модусов национальной ($M = 11,66$), культурной ($M = 11,4$) и региональной идентичности ($M = 11,35$) также достаточно высоки, что отражает устойчивость этнокультурного и территориального самоопределения. В совокупности эти данные позволяют предположить, что современные студенты опираются на разные основания социальной принадлежности: от гражданских и национальных ориентиров до идентичностей, связанных с территорией проживания и профессиональными устремлениями.

Сопоставление полученных данных с результатами исследования, проведенного в 2017 г. под руководством Л. А. Степновой [19, с. 44], позволяет уточнить возрастные за-

кономерности формирования социальной идентичности. В выборке 2017 г. гражданская идентичность не являлась наиболее выраженным модусом: по интегральному показателю она уступала этнической и региональной идентичности. Однако ключевым выводом исследования является выявленная устойчивая связь между возрастом и величиной интегрального показателя гражданской идентичности. Как отмечают авторы, по данным корреляционного анализа обнаружена тенденция, согласно которой чем моложе респондент, тем более выражена у него гражданская идентичность.

Таким образом, в структуре данных 2017 г. гражданская идентичность, не занимая ведущего положения в иерархии модусов идентичности, демонстрировала выраженную возрастную чувствительность и была более актуализирована в младших возрастных группах. Это позволяет рассматривать гражданскую идентичность как компонент социальной идентичности, значимость которого в тот период проявлялась преимущественно на ранних этапах социализации и не сопровождалась ее преобладанием в общей структуре самоопределения личности.

В выборке 2025 г. гражданская идентичность занимает первое место в иерархии модусов социальной идентичности студентов. Это может говорить об усилении роли гражданской идентичности в структуре социальной идентичности на этапе студенчества.

Таким образом, если в исследовании 2017 г. гражданская идентичность выступала как возрастно-чувствительный, но не ведущий модус, то в актуальных условиях она приобретает более устойчивый и структурно значимый характер. Это указывает на перераспределение акцентов в системе социального самоопределения современной студенческой молодежи и на возрастание значимости гражданской идентичности в условиях изменяющегося социального и образовательного контекста.

Обнаруженные изменения позволяют говорить о перераспределении акцентов в структуре идентичности: если в 2017 г. молодежь преимущественно опиралась на региональные и этнокультурные основания, то в 2025 г. более значимыми становятся гражданские, национальные и культурные компоненты. Такая динамика может быть обусловлена:

- социально-политическими изменениями последних лет, усилившими значимость гражданской позиции;
- активным развитием гражданского образования и добровольческих практик;
- воспитательной работой вузов, направленной на формирование гражданских и патриотических компетенций;
- медиасредой, где гражданская тематика стала одной из ключевых;
- тенденцией к секуляризации, снижающей значимость религиозной идентичности как интегративного основания;
- расширением культурной мобильности молодежи, приводящей к росту значимости культурной и национальной идентичности.

Полученные нами данные о высоком и при этом непрерывно растущем уровне выраженности гражданской идентичности в структуре социальной идентичности современных российских студентов и российской молодежи в целом прямо или косвенно подтверждаются результатами ряда других исследований, проведенных в последние годы. В частности, о повышении уровня гражданской идентичности свидетельствует высокий уровень патриотизма молодежи, который является одним из ее компонентов и показателей. Так, по результатам всероссийского телефонного опроса «ВЦИОМ-Спутник», проведенного 9 ноября 2024 г., в котором приняли участие 1600 россиян в возрасте от 18 лет, при ответе на вопрос «Как бы Вы сами себя охарактеризовали – как патриота своей страны или нет?» 99 % респондентов в возрасте от 18 до 24 лет и 92 % респондентов в возрасте от 25 до 34 лет ответили, что считают себя патриотами [23], при этом с 2016 г. этот показатель возрос в среднем на 18 % [24].

Безусловно, нельзя сделать однозначный вывод об абсолютном преобладании у современных российских студентов гражданской идентичности над другими модусами социальной идентичности. Так, в исследовании В. В. Брюно отмечается, что «большинство респондентов демонстрируют устойчивую самоидентификацию с гражданством и позитивное отношение к стране. Однако за этими цифрами скрываются разные уровни включенности, критической дистанции и иногда внутренняя амбивалентность. Идентичность остается скорее установкой, чем устойчивой практикой» [21, с. 26].

Проанализировав структуру социальной идентичности по выборке в целом, мы изучили, как именно выраженность различных модусов варьируется в зависимости от пола и возраста респондентов. Эти данные отражены в таблице 2 и позволяют выявить влияние особенностей социальной группы на общую конфигурацию идентичности. Сравнение половозрастных подгрупп демонстрирует как общие тенденции, характерные для всей выборки, так и специфические различия, определяемые возрастом и полом.

Таблица 2

Субъективная иерархия модусов социальной идентичности участников исследования, входящих в разные подгруппы по полу и возрасту

Ранг в иерархии	Модусы социальной идентичности (средний балл по 15-балльной шкале)			
	Женщины 17–20 лет	Мужчины 17–20 лет	Женщины 21–25 лет	Мужчины 21–25 лет
1	Гражданская идентичность (12,64)	Гражданская идентичность (11,78)	Гражданская идентичность (11,16)	Культурная идентичность (12,1)
2	Национальная идентичность (12,24)	Профессиональная идентичность (10,74)	Региональная идентичность (10,85)	Национальная идентичность (12,03)
3	Региональная идентичность (11,93)	Национальная идентичность (11,72)	Национальная идентичность (10,69)	Гражданская идентичность (11,77)
4	Культурная идентичность (11,57)	Культурная идентичность (11,66)	Культурная идентичность (10,56)	Региональная идентичность (11,03)
5	Религиозная идентичность (10,67)	Региональная идентичность (11,33)	Профессиональная идентичность (9,82)	Профессиональная идентичность (10,53)
6	Профессиональная идентичность (10,57)	Религиозная идентичность (9,97)	Религиозная идентичность (8,75)	Религиозная идентичность (9,5)

Прежде всего стоит отметить, что степень выраженности основных модусов идентичности во многом совпадает во всех подгруппах. Вне зависимости от пола и возраста религиозная идентичность занимает последние позиции, что подтверждает устойчивый тренд на снижение роли религиозной принадлежности в самоопределении современной молодежи.

Несмотря на общие тенденции структура идентичности в разных половозрастных группах имеет свои особенности. Так, у женщин 17–20 лет наблюдается наиболее высокая выраженность гражданской, национальной и региональной идентичностей, что может отражать активное включение младших студенток в социальные контексты, поиск групповой принадлежности и большую социальную чувствительность этого возраста. Исследования показывают, что девушки младшего студенческого возраста чаще демонстрируют ориентацию на социальное участие и взаимодействие, что усиливает гражданский и этнокультурный компоненты их идентичности. В исследовании Ю. А. Кочетовой и Е. А. Емельяновой было выявлено, что в возрасте 14–17 лет девушки демонстрируют более высокий уровень развития гражданской активности, чем юноши. Однако с увеличением возраста происходят изменения – юноши 18–21 года и 22–24 лет проявляют больший интерес к общественной и политической жизни общества, чем девушки [25].

Данные исследования Е. В. Селезневой и М. Х. Торабаевой [26] показывают, что девушки 17–19 лет ориентированы преимущественно на такие ценности, как удовольствие, любовь, семья, общение и помощь другим людям. Такой ценностный профиль указывает

на выраженную социальную чувствительность, стремление к межличностному взаимодействию и ориентацию на поддержание близких отношений. Эти результаты соотносятся с полученными данными, согласно которым девушки младшего студенческого возраста демонстрируют более высокую выраженность гражданской, национальной и региональной идентичностей, а также большую включенность в социальное окружение. Ориентация на значимые межличностные связи и готовность к социальной поддержке может способствовать усилению модусов идентичности, связанных с принадлежностью к различным социальным общностям, что и отражено в нашей выборке.

Профессиональная же идентичность в этом возрасте находится на стадии формирования, поэтому закономерно располагается в нижней части иерархии. С. М. Павлова отмечает, что юноши в меньшей степени, чем девушки, сталкиваются с трудностями при формировании профессиональной идентичности. Это может быть связано с тем, что мужская идентичность традиционно быстрее интегрирует профессиональную составляющую как значимый элемент взрослой социальной роли, тогда как для девушек профессиональная идентичность формируется в конкуренции с более широким спектром социальных и личностных ориентаций [27].

У мужчин 17–20 лет структура идентичности приобретает иной профиль: на второе место поднимается профессиональная идентичность. Это подтверждают данные исследований, согласно которым юноши раннего студенческого возраста чаще начинают задумываться о будущей профессии и социальной роли, чем их сверстницы. Согласно исследованиям С. М. Павловой, гендерные различия оказывают влияние на профессиональное самоопределение в подростковом возрасте: юноши, как правило, быстрее принимают решение относительно будущей профессиональной деятельности и нередко обладают более четким представлением о месте и социальных условиях реализации выбранной профессии. Их профессиональные намерения отличаются большей реалистичностью и устойчивостью, что дает им возможность раньше формировать структурированное профессиональное «Я» [27]. Девушки, напротив, в процессе выбора профессии чаще ориентируются на внешние социальные факторы, межличностные отношения и контекстные условия, что делает их выбор более длительным и многовариантным.

При этом гражданская идентичность у мужчин 17–20 лет остается ведущей, что свидетельствует об общей для всей возрастной группы тенденции высокой социальной включенности.

В старшей возрастной группе (21–25 лет) наблюдаются выраженные изменения. У женщин 21–25 лет гражданская идентичность остается наиболее значимой, но ее выраженность несколько снижается по сравнению с младшей группой. Это может быть связано с переходом к этапу профессионализации, когда внимание смещается с макросоциальных категорий на задачи индивидуального развития. При этом у женщин старшего возраста более высокие позиции занимает региональная идентичность, что можно рассматривать как стремление к устойчивым социальным «опорам» в период завершения обучения и выхода во взрослую жизнь.

У мужчин 21–25 лет лидирующей становится культурная идентичность. Это может отражать усиление этнокультурной самоидентификации на этапе формирования более устойчивых личностных структур и включения в профессиональную среду. Рост значимости культурного и национального модусов также согласуется с данными, полученными в исследовании 2017 г., проведенного под руководством Л. А. Степновой, где отмечается укрепление этнокультурных оснований идентичности по мере взросления [19, с. 35].

Таким образом, результаты анализа таблицы 2 позволяют заключить, что структура социальной идентичности является динамичной системой, чувствительной к возрастным изменениям, гендерным особенностям, образовательному контексту и будущим жизненным задачам. Общими для всех групп остаются низкая выраженность религиозной идентично-

сти и ведущая роль гражданской идентичности, тогда как вариативность в структуре второстепенных модусов отражает индивидуальные различия траекторий развития идентичности на разных этапах студенческого возраста.

Для выявления различий в выраженности модусов социальной идентичности между половозрастными группами был проведен сравнительный анализ с использованием критерия Манна – Уитни. Полученные результаты, представленные в таблице 3, демонстрируют, что возраст и пол оказывают значимое влияние на структуру социальной идентичности студентов.

Таблица 3

Различия в выраженности модусов социальной идентичности участников исследования

Модусы социальной идентичности	Средние значения в подгруппах, выделенных по полу и возрасту (средний балл по 15-балльной шкале)		p
	Женщины 17–20 лет	Женщины 21–25 лет	
Национальная идентичность	12,24	10,69	0,002
Религиозная идентичность	10,67	8,75	0,001
Региональная идентичность	11,93	10,85	0,008
Гражданская идентичность	12,64	11,16	0,003
Сравнение по полу			
Модусы социальной идентичности	Мужчины 21–25 лет	Женщины 21–25 лет	p
Национальная идентичность	12,03	10,69	0,029
Культурная идентичность	12,1	10,56	0,017

Прежде всего, выявлены устойчивые различия между женщинами младшего (17–20 лет) и старшего (21–25 лет) возрастных диапазонов. По всем четырем модусам, включенным в анализ: гражданскому, национальному, региональному и религиозному, – женщины 17–20 лет демонстрируют более высокие показатели, чем женщины 21–25 лет. Более выраженная гражданская (12,64 против 11,16; $p = 0,003$), национальная (12,24 против 10,69; $p = 0,002$) и региональная идентичности (11,93 против 10,85; $p = 0,008$) у младшей возрастной группы свидетельствуют о том, что на ранних этапах студенчества социальная включенность, поиск групповой принадлежности и внимание к макросоциальным категориям занимают более значимое место. Это согласуется с результатами современных исследований, фиксирующих, что девушки раннего студенческого возраста чаще демонстрируют выраженную социальную чувствительность, стремление к групповой интеграции и ориентацию на социально одобряемые модели идентичности.

Снижение показателей у женщин старшего возраста может отражать смену жизненных приоритетов, связанную с профессионализацией, переходом к формированию индивидуальных жизненных стратегий и уменьшением зависимости от коллективных форм социального самоопределения.

Отдельного внимания заслуживает различие в религиозной идентичности: женщины 17–20 лет имеют более высокие показатели (10,67 против 8,75; $p = 0,001$). Несмотря на то что религиозная идентичность остается самым низким модусом в общей структуре, выявленное различие подтверждает тенденцию, отмеченную в исследованиях религиозности молодежи: религиозная идентичность у ранней молодежи может быть несколько более выраженной, но с возрастом становится все более индивидуализированной и менее значимой в качестве основания групповой принадлежности.

Гендерные различия проявляются преимущественно в старшем возрастном диапазоне. У мужчин 21–25 лет выраженность национальной (12,03 против 10,69; $p = 0,029$) и культурной идентичности (12,10 против 10,56; $p = 0,017$) значимо выше, чем у женщин того же возраста. Это может быть связано с усилением этнокультурной самоидентификации у мужчин в период перехода к взрослым социальным ролям. Таким образом, мужчины стар-

ших курсов демонстрируют более выраженную ориентацию на этнокультурные основания самоопределения, тогда как женщины смещают фокус на задачи профессионального и личностного развития.

В целом результаты исследования показывают, что структура социальной идентичности существенно зависит от возраста, при этом ранний этап студенчества характеризуется более высокой выраженностью всех модусов. Гендерные различия проявляются преимущественно в старшей возрастной группе и касаются, прежде всего, этнокультурного компонента идентичности. Общей для всех подгрупп остается низкая выраженность религиозной идентичности.

Как видно из данных таблицы 4, уровни выраженности модусов социальной идентичности существенно различаются в зависимости от статусных групп, определенных по методике Л. Б. Шнейдер и В. В. Хрустальной. Наиболее высокие показатели по большинству модусов фиксируются у участников со статусом «псевдоидентичность», в то время как подгруппы со статусами «достигнутая идентичность» и «высокая достигнутая идентичность» демонстрируют более низкие значения.

Таблица 4

Различия в выраженности модусов социальной идентичности участников исследования с разным статусом социальной идентичности

Модусы социальной идентичности	Средние значения в подгруппах, выделенных по статусу социальной идентичности (средний балл по 15-балльной шкале)		p
	Достигнутая идентичность	Псевдоидентичность	
Культурная идентичность	10,21	11,99	0,006
Гражданская идентичность	10,52	12,51	0,0001
Профессиональная идентичность	9,31	11,1	0,001
Модусы социальной идентичности	Высокая достигнутая идентичность	Псевдоидентичность	
Гражданская идентичность	11,44	12,51	0,014
Профессиональная идентичность	9,63	11,1	0,005

Следует отметить, что у респондентов со статусом «псевдоидентичность» наблюдается наиболее высокая выраженность всех ключевых модусов социальной идентичности, включенных в анализ. Так, по сравнению с подгруппой со статусом «достигнутая идентичность» у респондентов со статусом «псевдоидентичность» значимо выше уровень национальной (11,94 против 11,28 балла), религиозной (10,02 против 9,69 балла) и региональной (11,58 против 11,00 балла) идентичности. Аналогичная картина наблюдается и при сравнении со статусом «высокая достигнутая идентичность», где респонденты со статусом «псевдоидентичность» также демонстрируют более высокие показатели национальной (11,94 против 11,51 балла), религиозной (10,02 против 9,54 балла), культурной (11,99 против 11,02 балла) и региональной (11,58 против 11,32 балла) идентичности.

Таким образом, подгруппа со статусом «псевдоидентичность» демонстрирует наиболее интенсивную выраженность социальной самоидентификации в различных сферах, что может быть связано с особенностями статуса псевдоидентичности как феномена. Согласно работам Дж. Марсии и последующим исследованиям, псевдоидентичность – это либо стабильное отрицание своей уникальности, либо, напротив, ее преувеличение, стереотипное предъявление своего Я [28]. В ряде случаев данный статус можно охарактеризовать как форму гиперидентичности: человек оказывается полностью поглощен выбранной ролью, социальным статусом или деятельностью, демонстрирует чрезмерно высокую самооценку и стремление реализовать поставленные цели любыми доступными средствами [29]. Таким образом, псевдоидентичность часто характеризуется стремлением к демонстратив-

ному самоопределению при отсутствии глубокой внутренней интеграции, что проявляется в повышенной декларативности и усиленном обозначении своей принадлежности к значимым социальным общностям. Такая формальная компенсация недостаточной внутренней устойчивости нередко приводит к «гипертрофированной» выраженности отдельных модусов.

Мы предположили, что более высокие показатели у респондентов со статусом «псевдоидентичность» могут отражать внешне акцентированное, но неустойчивое стремление к социальной включенности. Лица с достигнутой и высокой достигнутой идентичностью, напротив, обладают более сформированной, внутренне согласованной системой самоопределения, что может приводить к умеренному, сбалансированному уровню выраженности различных модусов. Иначе говоря, меньшая выраженность модусов у «достигнутых» и «высоких достигнутых» статусов может свидетельствовать не о снижении значимости идентичности, а о более реалистичной и интегрированной структуре самоотношений, в которой отсутствует необходимость в выраженной декларативности.

В то же время можно согласиться с выводами В. Р. Манукян и А. А. Трубициной, которые отмечают, что статус «псевдоидентичность» достаточно часто встречается у студентов и в их возрастной группе не обладает тем негативным значением, которое ему приписывается при оценке идентичности уже сформировавшихся профессионалов. Напротив, на этапе обучения он может отражать одно из функциональных и адаптивных состояний личностного и профессионального развития. Как отмечают авторы, для данного статуса характерна преимущественно внешняя мотивация профессионального выбора, что отличает его от достигнутой позитивной идентичности. Иными словами, студенты с такой идентичностью склонны активно присваивать и развивать профессиональную принадлежность, даже если первоначально она была выражена незначительно [11]. На наш взгляд, эти выводы справедливы не только для профессиональной идентичности, но и для других модусов социальной идентичности.

При сравнении подгрупп со статусами «достигнутая идентичность» и «высокая достигнутая идентичность» было выявлено, что выраженность модусов социальной идентичности не всегда демонстрирует линейный рост от первого статуса ко второму. Так, в подгруппе со статусом «высокая достигнутая идентичность» по сравнению с подгруппой со статусом «достигнутая идентичность» оказался выше уровень выраженности национальной (11,51 против 11,28 балла), региональной (11,32 против 11 баллов), гражданской (11,44 против 10,52 балла) и профессиональной (9,63 против 9,31 балла) идентичности, но ниже уровень религиозной (9,54 против 9,69 балла) и культурной (11,02 против 10,17 балла) идентичности.

Можно предположить, что различия между ними отражают избирательность и интегрированность структуры идентичности у носителей высокой достигнутой идентичности. У респондентов с этим статусом более выражены национальная, региональная, гражданская и профессиональная идентичности, что может свидетельствовать о том, что в процессе укрепления идентичности индивид опирается прежде всего на те модусы, которые становятся для него значимыми в личностном и социальном развитии. В то же время показатели религиозной и культурной идентичностей оказываются ниже, чем в подгруппе с достигнутой идентичностью, что может отражать селективное перераспределение акцентов: молодые люди с высокой достигнутой идентичностью усиливают те сферы, которые соответствуют их жизненным целям и социальным стратегиям, и в меньшей степени опираются на традиционные или менее релевантные в современной молодежной среде компоненты. Таким образом, высокая достигнутая идентичность характеризуется не общей интенсификацией всех модусов, а их функциональной дифференциацией, при которой усиливаются только ключевые основания социального самоопределения.

Проведенное исследование позволило уточнить представления о специфике социальной идентичности современных российских студентов и подтвердило целесообразность

ее рассмотрения как многомерной системы, включающей несколько взаимосвязанных модусов. Анализ интегральных показателей показал, что все шесть модусов социальной идентичности (гражданский, национальный, культурный, профессиональный, региональный и религиозный) в целом характеризуются достаточно высокой выраженностью, что свидетельствует о сформированности социальной идентичности студенческой молодежи и ее укорененности в различных уровнях социальных общностей. При этом выявлена выраженная иерархия модусов: ведущим основанием социального самоопределения выступает гражданская идентичность, тогда как религиозная идентичность занимает последние позиции и отличается наибольшей вариативностью, что согласуется с тенденцией секуляризации и индивидуализации религиозных установок среди молодежи.

Сопоставление полученных данных с результатами исследования 2017 г. позволяет уточнить особенности структуры социальной идентичности студентов. В выборке 2017 г. гражданская идентичность не занимала ведущего места в иерархии видов идентичности, однако для нее была зафиксирована выраженная возрастная чувствительность: более высокие значения данного модуса наблюдались у младших респондентов. В данных 2025 г. гражданская идентичность также характеризуется высокой выраженностью в молодежной среде, однако в отличие от результатов 2017 г. она занимает центральное положение в структуре социальной идентичности студентов. Это позволяет говорить об усилении роли гражданской идентичности как устойчивого основания социального самоопределения современной студенческой молодежи.

Наиболее заметные сдвиги касаются религиозной идентичности, которая и в 2017 г. занимала низкие позиции, а в настоящем исследовании остается наименее выраженным модусом и характеризуется наибольшей вариативностью. В целом полученные данные позволяют говорить о перераспределении акцентов: современная структура социальной идентичности становится более выровненной и интегрированной, с усилением гражданских, национальных и культурных компонентов и ослаблением религиозного.

Полученные результаты также показали, что структура социальной идентичности чувствительна к половозрастным особенностям. На раннем этапе студенчества (17–20 лет) у девушек фиксируются более высокие показатели гражданской, национальной и региональной идентичности, что отражает повышенную социальную чувствительность, ориентацию на групповую принадлежность и поиск опор в макросоциальных категориях. У юношей того же возраста на второе место выходит профессиональная идентичность, что свидетельствует о более ранней актуализации задач профессионального самоопределения. В старших возрастных группах (21–25 лет) наблюдается перераспределение приоритетов: у женщин снижается выраженность макросоциальных модусов при усилении ориентации на индивидуальные жизненные и профессиональные стратегии, тогда как у мужчин возрастает значимость культурной и национальной идентичности, что отражает укрепление этнокультурных оснований самоопределения.

Анализ взаимосвязей модусов социальной идентичности со статусами идентичности выявил, что наиболее высокие показатели по основным модусам наблюдаются у респондентов со статусом «псевдоидентичность». Такая «гипертрофированная» выраженность социальных идентичностей при псевдоидентичности может интерпретироваться как внешне акцентированное, декларативное самоопределение при недостаточной внутренней интегрированности идентификационных выборов. В то же время для групп с достигнутой и высокой достигнутой идентичностью более характерен умеренный, сбалансированный уровень выраженности модусов при их избирательном усилении (прежде всего, гражданского, национального, регионального и профессионального), что указывает на большую внутреннюю согласованность и функциональную дифференциацию структуры идентичности.

В целом результаты исследования подтверждают, что социальная идентичность современных российских студентов представляет собой динамичную, контекстуально обусловленную и многомерную систему, в которой пересекаются различные уровни социальной принадлежности и статусы ее сформированности. Полученные данные расширяют эмпирическую базу исследований социальной идентичности молодежи и подчеркивают необходимость учета как содержательных характеристик (модусов), так и структурных параметров (статусов идентичности) при анализе процессов социального самоопределения. Перспективы дальнейших исследований связаны с изучением взаимосвязей модусов социальной идентичности с ценностными ориентациями, жизненными смыслами, моральными основаниями личности, а также с анализом влияния цифровой среды и специфики образовательных практик на формирование целостной идентичности студенческой молодежи.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования полученных результатов в системе психологического сопровождения студентов, деятельности психологических служб образовательных организаций, а также при разработке и реализации программ гражданского, патриотического и профессионального воспитания молодежи. Полученные данные могут быть использованы при проектировании профилактических и развивающих программ, направленных на формирование устойчивой и внутренне интегрированной социальной идентичности студентов, а также в рамках программ поддержки профессионального самоопределения и социальной адаптации обучающихся. Материалы исследования представляют практический интерес для преподавателей высших учебных заведений, практических психологов, специалистов по воспитательной работе и исследователей, изучающих проблемы социальной идентичности и социализации молодежи.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Великая Н. М., Лисенкова А. А. Социально-культурная идентичность студенческой молодежи в условиях социальной неопределенности российского общества // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2023. Т. 16. Вып. 4. С. 374–390.
2. Сащенко Н. П. Множественная идентичность сквозь призму гражданственности российского студенчества (по итогам социологического исследования) // PolitBook. 2024. № 3. С. 149–171.
3. P rez-Torres V. Social media: a digital social mirror for identity development during adolescence // Current Psychology. 2025. Vol. 43. Pp. 22170–22180.
4. Ramdlani M. F., Khoiriyah H. A., Lawal U. S. Influence of Social Media on Self-Identity Formation and Development of Interpersonal Ability in University Students // Education and Sociedad Journal. 2024. Vol. 1 (2). Pp. 73–82.
5. Marcia J. Identity in adolescence // Handbook of adolescent psychology / J. Adelson. Wiley, 1980. Pp. 159–187.
6. Молчанова Л. Н., Королева С. И. Особенности социальной идентичности волонтеров, занимающихся профессионально-ориентированной добровольческой деятельностью и подверженных эмоциональному выгоранию // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2024. Т. 14, № 2. С. 144–157.
7. Минеев-Ли В. Е., Шаповалова Ю. Формирование гражданской идентичности студентов педагогического колледжа // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2022. № 6. С. 113–119.
8. Глазырина Е. Ю., Нежинская Т. А. Формирование гражданской идентичности российской молодежи в условиях открытого образовательного пространства // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2022. № 206. С. 49–57.
9. Гриценко В. В., Ефременкова М. Н., Муращенкова Н. В. Этническая, гражданская и глобальная идентичности русских старшеклассников: связь с ценностями // Психологическая наука и образование. 2024. № 29 (6). С. 99–113.
10. Ариас А., Карпова Е. А., Кукулите Т. Г. Динамика профессиональной идентичности студентов вуза (психологический анализ) // Знание. Понимание. Умение. 2016. № 3. С. 241–253.

11. Манукян В. Р., Трубицина А. А. Профессиональная идентичность и субъективное благополучие студентов старших курсов // Петербургский психологический журнал. 2019. № 26. С. 1–18.
12. Брызгалин Е. А., Александрова Ю. Ю., Пряжников Н. С. Теоретико-психологический анализ современных представлений о профессиональной идентичности: общие принципы. Часть 1 // Психологические исследования. 2023. 16, № 7 (92).
13. Пучков А. С. Религиозная идентичность молодежи: операционализация понятия // Наука. Инновации. Технологии. 2010. № 69. С. 24–30.
14. Пронина Т. С. Религиозная идентичность как психосоциальный феномен // Вестник РХГА. 2015. № 2. С. 154–166.
15. Черничкин Д. А., Топчиев М. С., Рогов А. В. Влияние уровня религиозной идентичности на конфессиональную безопасность студенческой молодежи российского Прикаспия // Южно-российский журнал социальных наук. 2021. Т. 22, № 1. С. 105–123.
16. Тучина О. Р., Аполлонов И. А. Исследование ценностных оснований идентичности с местом проживания: субъектный подход // Российский психологический журнал. 2024. № 21 (3). С. 92–111.
17. Микляева А. В., Румянцева П. В. Соотношение центральных и периферических компонентов в структуре социальной идентичности личности // Психологический журнал. 2011. Т. 32, № 5. С. 36–45.
18. Татарко А. Н., Чуйкина Н. В. Взаимосвязь множественных идентичностей и социального капитала на постсоветском пространстве: межпоколенный анализ // Культурно-историческая психология. 2021. Т. 17, № 4. С. 65–73.
19. Развитие общегражданской идентичности в поликультурном пространстве российского общества / Л. А. Степнова [и др.] ; под общ. ред. Л. А. Степновой. М., 2017. 128 с.
20. Шнейдер Л. Б., Хрусталева В. В. Ассоциативный тест как основа конструирования методики изучения социальной идентичности // Вестник РМАТ (Российской международной академии туризма). 2014. № 3. С. 83–96.
21. Брюно В. В. Гражданская идентичность студентов педагогических вузов: опыт, восприятие, риски // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2025. № 4. С. 18–28.
22. Сушко В. А., Васенина И. В. Религиозность современной российской молодежи как фактор формирования семейных ценностей // Социодинамика. 2019. № 1. С. 122–137.
23. Федоров В. Служение Родине: понимание и готовность. URL: https://wciom.ru/fileadmin/user_upload/sluzhenie_rodine_ponimanie_i_gotovnost.pdf (дата обращения: 14.11.2025).
24. Патриотизм в России: если завтра война, если завтра в поход. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/patriotizm-v-rossii-esli-zavtra-vojna-esli-zavtra-v-pokhod?ysclid=mhzz0noef657691207> (дата обращения: 14.11.2025).
25. Кочетова Ю. А., Емельянова Е. А. Психологические характеристики проявления гражданской позиции в ранней и поздней юности // Психолого-педагогические исследования. 2019. Т. 11, № 4. С. 147–156.
26. Селезнева Е. В., Торабаева М. Х. Взаимосвязь ценностных ориентаций студентов и их экзистенциальной идентичности в контексте жизненного выбора // Известия Российской академии образования. 2022. № 3. С. 84–99.
27. Павлова С. М. Особенности профессионального самоопределения и адаптации студентов-первокурсников // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 4.
28. Солодуха Ю. М. Статусы профессиональной идентичности психологов на разных стадиях ее становления // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки. 2021. № 21 (4). С. 350–358.
29. Шнейдер Л. Б. Личностная, гендерная и профессиональная идентичность: теория и методы диагностики. М., 2007. 128 с.

REFERENCES

1. Velikaya N.M., Lisenkova A.A. Socio-cultural identity of students in the conditions of uncertainty of Russian society. *Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta. Sotsiologiya = Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*, 2023, vol. 16, no. 4, pp. 374–390. (In Russ.).
2. Sashchenko N.P. The state of national-state identity through the lens of citizenship of Russian students. *PolitBook*, 2024, no. 3, pp. 149–171. (In Russ.).

3. P rez-Torres V. Social media: a digital social mirror for identity development during adolescence. *Current Psychology*, 2025, vol. 43, pp. 22, 170–22, 180.
4. Ramdlani M.F., Khoiriyah H.A., Lawal U.S. Influence of social media on self-identity formation and development of interpersonal ability in university students. *Education and Sociedad Journal*, 2024, vol. 1 (2), pp. 73–82.
5. Marcia J. Identity in adolescence. In: Adelson J. *Handbook of adolescent psychology*. Wiley, 1980. Pp. 159–187.
6. Molchanova L.N., Koroleva S.I. Features of social identity of volunteers engaged in professionally oriented volunteer activities and subject to emotional burnout. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogy*, 2024, vol. 14, no. 2, pp. 144–157. (In Russ.).
7. Mineev-Li V.E., Shapovalova YU. Formation of civic identity of pedagogical college students. *Vestnik Severo-Kavkazskogo federal'nogo universiteta = Newsletter of North-Caucasus Federal University*, 2022, no. 6, pp. 113–119. (In Russ.).
8. Glazyrina E.Yu., Nezhinskaya T.A. Formation of civil identity of russian youth in the conditions of open educational space. *Izvestiya RGPU im. A. I. Gertsena = Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, 2022, no. 206, pp. 49–57. (In Russ.).
9. Gritsenko V.V., Efremenkova M.N., Murashchenkova N.V. Ethnic, Civic and global identities of Russian high schoolers and their correlation with values. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*, 2024, no. 29 (6), pp. 99–113. (In Russ.).
10. Arias A., Karpova E.A., Kukulite T.G. Dynamics of professional identity in higher school students (psychological analysis). *Znanie. Ponimanie. Umenie = Knowledge. Understanding. Skill*, 2016, no. 3, pp. 241–253. (In Russ.).
11. Manukyan V.R., Trubitsina A.A. Professional identity and subjective well-being of senior students. *Peterburgskii psikhologicheskii zhurnal = St. Petersburg Psychological Journal*, 2019, no. 26, pp. 1–18. (In Russ.).
12. Bryzgalin E.A., Aleksandrova Yu.Yu., Pryazhnikov N.S. Theoretical and psychological analysis of modern ideas about professional identity: general principles. Part 1. *Psikhologicheskie issledovaniya = Psychological Research*, 2024, vol. 16 (92), no. 7. (In Russ.).
13. Puchkov A.S. Religious identity of youth: operationalization of the concept. *Nauka. Innovatsii. Tekhnologii = Science. Innovation. Technologies*, 2010, no. 69, pp. 24–30. (In Russ.).
14. Pronina T.S. Religious identity as a psychosocial phenomenon. *Vestnik RKHGA = Review of Russian Christian Academy for Humanities*, 2015, no. 2, pp. 154–166. (In Russ.).
15. Chernichkin D.A., Topchiev M.S., Rogov A.V. Religious identity and confessional security through the eyes of the student youth of the Russian Caspian region. *Yuzhno-rossiiskii zhurnal sotsial'nykh nauk = South-Russian Journal of Social Sciences*, 2021, vol. 22, no. 1, pp. 105–123. (In Russ.).
16. Tuchina O.R., Apollonov I.A. Study of the value bases of identity with a place of residence: a subjective approach. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal = Russian Psychological Journal*, 2024, no. 21 (3), pp. 92–111. (In Russ.).
17. Miklyaeva A.V., Rumyantseva P.V. The ratio of central and peripheral components in the structure of social identity of a personality. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological Journal*, 2011, vol. 32, no. 5, pp. 36–45. (In Russ.).
18. Tatarko A.N., Chuikina N.V. The relationship of multiple identities and social capital in the post-Soviet space: an intergenerational analysis. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural and Historical Psychology*, 2021, vol. 17, no. 4, pp. 65–73. (In Russ.).
19. Stepnova L.A. *Razvitie obshchegrazhdanskoi identichnosti v polikul'turnom prostranstve rossiiskogo obshchestva* [Development of civil identity in the multicultural space of Russian society]. Ed. by Stepnova L.A. Moscow, 2017. 128 p.
20. Schneider L.B., Khrustaleva V.V. The associative test as the basis for constructing a methodology for studying social identity. *Vestnik RMAT (Rossiiskoi mezhdunarodnoi akademii turizma) = Bulletin of the RMAT (Russian International Academy of Tourism)*, 2014, no. 3, pp. 83–96. (In Russ.).
21. Bryuno V.V. Civic identity of students of pedagogical universities: experience, perception, risks. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki = Humanities, Socio-Economic and Social Sciences*, 2025, no. 4, pp. 18–28. (In Russ.).
22. Sushko V.A., Vasenina I.V. Religiosity of modern Russian youth as a factor in the formation of family values. *Sotsiodinamika = Sociodynamics*, 2019, no. 1, pp. 122–137. (In Russ.).

23. Fedorov V. *Sluzhenie Rodine: ponimanie i gotovnost'* [Service to the Motherland: understanding and readiness]. Available at: https://wciom.ru/fileadmin/user_upload/sluzhenie_rodine_ponimanie_i_gotovnost.pdf (In Russ.). (Accessed November 14, 2025).
24. *Patriotizm v Rossii: esli zavtra vojna, esli zavtra v pokhod* [Patriotism in Russia: if there is a war tomorrow, if there is a campaign tomorrow]. Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/patriotizm-v-rossii-esli-zavtra-vojna-esli-zavtra-v-pokhod?ysclid=mhzz0noef657691207> (In Russ.). (Accessed November 14, 2025).
25. Kochetova Yu.A., Emel'yanova E.A. Psychological characteristics of the manifestation of a civic position in early and late adolescence. *Psikhologo-pedagogicheskie issledovaniya = Psychological and Pedagogical Research*, 2019, vol. 11, no. 4, pp. 147–156. (In Russ.).
26. Selezneva E.V., Torabaeva M.Kh. The relationship between students' value orientations and their existential identity in the context of life choices. *Izvestiya Rossiiskoi akademii obrazovaniya = News of Russian Academy of Education*, 2022, no. 3, pp. 84–99. (In Russ.).
27. Pavlova S.M. Features of professional self-determination and adaptation of first-year students. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya = Modern Problems of Science and Education*, 2015, no. 4. (In Russ.).
28. Solodukha Yu.M. The statuses of professional identity of psychologists at different stages of its formation. *Nauchnye trudy Respublikanskogo instituta vysshei shkoly. Istoricheskie i psikhologo-pedagogicheskie nauki = Scientific Works of the Republican Institute of Higher Education. Historical, Psychological and Pedagogical Sciences*, 2021, no. 21 (4), pp. 350–358. (In Russ.).
29. Schneider L.B. *Lichnostnaya, gendernaya i professional'naya identichnost': teoriya i metody diagnostiki* [Personal, gender and professional identity: theory and diagnostic methods]. Moscow, 2007. 128 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

ТАТЬЯНА АНДРЕЕВНА ГАЙЧЕНЯ – аспирант факультета оценки и развития управленческих кадров Института Высшей школы государственного управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия, help@tatianasz.n.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

TAT'YANA A. GAICHENYA – Postgraduate Student at the Faculty of Management Personnel Assessment and Development of the Institute of Higher School of Public Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia, help@tatianasz.n.ru

Статья поступила 15.12.2025

Научная статья

УДК 159.92:378.6

doi 10.46741/sgjournal.2026.20.1.008

Связи карьерных ориентаций и личностных качеств у машинистов и помощников машинистов

АНЖЕЛА АЛЕКСАНДРОВНА КОЖЕВНИКОВА

Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I, Санкт-Петербург, Россия, anzhela.kozhevnikova@bk.ru, <https://orcid.org/0009-0005-6533-0689>

ЕЛЕНА ФЕДОРОВНА ЯЩЕНКО

Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I, Санкт-Петербург, Россия, elfed58@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5172-9385>

Аннотация. В статье представлены результаты исследования связей карьерных ориентаций и личностных качеств у работников локомотивных бригад грузового движения разного должностного положения. Объект исследования интересен не только недостаточной изученностью, но и значимостью его психологических особенностей для обеспечения безопасности на транспорте. Цель исследования заключалась в определении связей карьерных ориентаций с личностными качествами у машинистов и помощников машинистов. Были выявлены как общие связи карьерных ориентаций с личностными качествами у машинистов и помощников машинистов, так и специфические, что позволило составить их психологические портреты. Полученные данные можно использовать в кадровой работе для карьерного развития персонала и эффективного управления.

Ключевые слова: карьера; смысложизненные ориентации; удовлетворенность трудом; лояльность; приверженность организации; субъективное благополучие; копинг-стратегии; корреляционный анализ Спирмена.

5.3.5. Социальная психология, политическая и экономическая психология.

Для цитирования: Кожевникова А. А., Ященко Е. Ф. Связи карьерных ориентаций и личностных качеств у машинистов и помощников машинистов // Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований. 2026. № 1 (20). С. 69–79. doi 10.46741/sgjournal.2026.20.1.008.

Original article

Correlation between Career Orientations and Personal Qualities of Machinists and Assistant Machinists

ANZHELA A. KOZHEVNIKOVA

Emperor Alexander I St. Petersburg State Transport University, Saint Petersburg, Russia, anzhela.kozhevnikova@bk.ru, <https://orcid.org/0009-0005-6533-0689>

ELENA F. YASHCHENKO

Emperor Alexander I St. Petersburg State Transport University, Saint Petersburg, Russia, elfed58@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5172-9385>

Abstract. The article presents results of the study of the connections of career orientations and personal qualities among employees of locomotive crews of freight traffic of different positions. The object of research is of interest due to its insufficient elaboration and significance of its psychological features for ensuring transport safety. The purpose of the study is to determine correlation between career orientations and personal qualities of machinists and assistant machinists. Both general and specific correlations of career orientation and personal qualities of machinists and machinist assistants are identified in order to compile their psychological portraits. The data obtained can be used in HR work for staff career development and effective management.

Key words: career; life-meaning orientations; job satisfaction; loyalty; commitment to the organization; subjective well-being; coping strategies; Spearman rank correlation.

5.3.5. Social psychology, political and economic psychology.

For citation: Kozhevnikova A.A., Yashchenko E.F. Correlation between career orientations and personal qualities of machinists and assistant machinists. *All-Russian Research and Practice Journal of Studies in Social Sciences and Humanities*, 2026, no. 1 (20), pp. 69–79. doi 10.46741/sgjournal.2026.20.1.008.

Успешность выполнения профессиональной деятельности во многом определяется соответствием карьерных ориентаций профессионально важным качествам специалиста. Современные исследования позволяют получить широкую картину предпочитаемых карьерных ориентаций работников разных сфер народного хозяйства, в том числе и в транспортной сфере. Исследование особенностей карьерных ориентаций работников локомотивных бригад железнодорожного транспорта является не только актуальной и малоизученной научной проблемой, выявляющей связи карьерных ориентаций с удовлетворенностью трудом, организационной приверженностью, смысложизненными ориентациями, копинг-стратегиями и субъективным благополучием у машинистов и помощников машинистов, но и серьезным фактором безопасности пассажиров на транспорте.

А. С. Кубатовой рассматриваются различные подходы к определению карьеры, которая может быть представлена не только как перечень трудовых должностей в течение жизни, но и как профессиональный рост и личностное развитие, при этом автор подчеркивает важность сохранения равновесия между профессиональной и личной жизнью [1, с. 74].

Ю. В. Бадалян и Л. З. Гостева определили ведущие карьерные ориентации у сотрудников вневедомственной охраны (это стабильность, обусловленная потребностью в устойчивости и безопасности собственной жизни) и полицейских (это менеджмент, стремление к управлению другими людьми и власти над ними). Все остальные карьерные ориентации, выделяемые методикой «Якоря карьеры» Э. Шейна, в процентном отношении значительно уступают этим предпочитаемым карьерным ориентациям [2, с. 39]. Авторами также было выявлено, что сотрудники вневедомственной охраны имеют более низкий уровень карьерной интуиции, чем полицейские, что не позволяет им эффективно использовать свои личностные ресурсы и продвигаться по службе [2, с. 41].

В исследовании М. В. Захарова и О. И. Дубровина (2023 г.) приняли участие 108 сотрудников российских предприятий со стажем работы не менее трех лет, занятых в различных сферах деятельности. Было выявлено, что у сотрудников с вертикальным типом карьеры удовлетворенность жизнью выше, а степень фрустрации, тревожности, невротизации ниже, чем у сотрудников с горизонтальным типом карьерного роста [3, с. 167].

А. П. Кожевина провела лонгитюдное исследование карьерных ориентаций студентов в процессе профессионального обучения (2017 г.) [4, с. 71]. Была выявлена положительная динамика уровня карьерных ориентаций, карьерной самооэффективности и мотивации к карьере от второго к четвертому курсу, а также на каждом курсе определены значимые изменения приоритетных карьерных ориентаций и выявлено повышение уровня карьерной самооэффективности и мотивации к карьере.

М. А. Лайпанов (2023 г.) описал основные виды, характеристики и признаки профессиональной карьеры, а также критерии успешности карьеры, опосредованные ценностями референтной группы, профессиональными и культурными стандартами [5, с. 389]. Было обнаружено, что у профессионально-мобильных лиц отсутствует ориентация на стабильность и гармоничную интеграцию стилей жизни, выражена потребность в самосовершенствовании и постоянном обновлении целей, определен приоритет компонентов «автономия» и «личностный рост» в структуре психологического благополучия [5, с. 389].

А. С. Мельничук (2024 г.) на выборке в 93 чел. исследовал взаимосвязи карьерных ориентаций и перфекционизма, что позволило утверждать о важности включения перфекционизма в число потенциально значимых факторов карьерных процессов [6, с. 101]. У специалистов выявлена связь перфекционизма с ориентацией на менеджмент, которая прямо коррелирует с перфекционизмом, ориентированным на других. У респондентов, уже занимающих управленческие позиции, ориентация на менеджмент прямо связана с требованием безупречности от самого себя, что говорит о том, что руководители видят предпосылку реализации своей карьеры именно в собственной «идеальности». Выявлена связь перфекционистской самопрезентации с карьерной ориентацией на интеграцию стилей жизни, что может отражать тот факт, что в современном мире важна демонстрация идеальности не только в профессионально-карьерной сфере, но и вне ее, а это побуждает человека стараться сбалансировать разные сферы своей жизни [6, с. 101].

Е. Ф. Яценко и Е. Г. Щелокова (2025 г.) исследовали субъективное благополучие начальников поездов и машинистов железной дороги [7]. В целом начальники поездов и машинисты показывают удовлетворительный уровень эмоционального комфорта, то есть работники не испытывают серьезных эмоциональных проблем. Начальники поездов, по сравнению с машинистами, в большей степени не удовлетворены своей повседневной деятельностью, машинисты низко оценивают свое здоровье и отмечают меньшую значимость и доступность социального окружения в качестве ресурса поддержки. Общим в структуре связей стало то, что у начальников поездов и машинистов выявлены значимые связи субъективного благополучия и самоактуализации: чем более выражены у сотрудников ценности самоактуализирующейся личности и представления о позитивной природе человека, тем лучше их субъективное благополучие.

Изучение копинг-стратегий у работников локомотивных бригад вызвано необходимостью определения их устойчивых способов реагирования на трудные ситуации, прежде всего производственные, возникающие во время маршрута, и личностных качеств с целью предвидения стиля профессионального поведения и возможности выполнения должностных обязанностей. Б. Г. Мещеряков пишет: «Совладание (англ. coping) – психические процессы и поведение, направленные на преодоление и переживание стрессовых (кризисных) ситуаций, особенно психосоциального характера» [8, с. 516], к чему в первую очередь относится выполнение рабочих вопросов. Существует значительное количество классификаций копинг-стратегий, среди которых первой является классификация Р. Лазаруса и С. Фолкман, представленная в 1984 г. в работе «Stress, Appraisal, and Coping» [9]. Копинг-стратегии предполагалось изучать как способ реагирования на конкретную проблему или ситуацию, а также снижения эмоционального напряжения. В науке признано существование нескольких подходов к изучению совладающего поведения. Так, Т. Л. Крюкова выделяет три подхода: ситуационный, диспозиционный и интегративный, которые соответственно

позволяют учитывать ситуацию для снятия тревоги, личностные черты, позволяющие быть максимально стрессоустойчивым, и комплексно опираться как на учет ситуации, так и на ее понимание [10]. В трудовой деятельности работников локомотивных бригад исследование копинг-стратегий машинистов и помощников машинистов является теоретически обоснованным и уместным, позволяющим составить представление о предпочитаемых способах поведения в трудных жизненных ситуациях и доминантных личностных качествах, связанных с копинг-стратегиями, карьерными ориентациями, лояльностью к организации и субъективным благополучием, обеспечивающих выполнение профессиональных задач.

Целью нашего исследования стало определение связей карьерных ориентаций с удовлетворенностью трудом, организационной приверженностью, смысложизненными ориентациями, копинг-стратегиями и субъективным благополучием у работников локомотивных бригад грузового движения с разным должностным положением.

Объектом исследования выступили работники локомотивных бригад грузового движения – машинисты и помощники машинистов, предметом – удовлетворенность трудом, организационная приверженность, карьерные и смысложизненные ориентации, копинг-стратегии и субъективное благополучие машинистов и помощников машинистов.

Перед началом исследования была сформулирована гипотеза: связи карьерных ориентаций с удовлетворенностью трудом, организационной приверженностью, смысложизненными ориентациями, копинг-стратегиями и субъективным благополучием у работников локомотивных бригад грузового движения с разным должностным положением различаются.

Полученные в результате исследования психологические портреты машинистов и помощников машинистов могут использоваться руководством РЖД для работы с персоналом, направленной на развитие их профессиональной карьеры, и эффективного управления кадрами.

Участниками исследования были работники локомотивных бригад грузового движения железной дороги в количестве 64 чел. (мужчины), из них 22 чел. работают в должности машиниста, 42 чел. – помощника машиниста. Возраст исследуемых – от 22 до 68 лет, средний возраст – 45 лет.

Методический инструментарий исследования составили следующие методики: «Карьерные ориентации» (КарО) Н. Н. Мельниковой, «Удовлетворенность трудом» (УТ) Н. Н. Мельниковой; «Шкала организационной приверженности» (ШОП) Дж. Мейера и Н. Алена в адаптации Н. Н. Мельниковой; «Смысложизненные ориентации» (СЖО) Д. А. Леонтьева; «Копинг-стратегии» Р. Лазаруса, С. Фолкмана в адаптации Т. Л. Крюковой, Е. В. Куфтык, М. С. Замышляевой; «Шкала субъективного благополучия» (ШСБ) А. Перуэ-Баду, Г. Мендельсона и Ж. Чиче в адаптации М. В. Соколовой. Результаты для интерпретации были получены посредством корреляционного анализа Спирмена (ρ -Спирмена) с использованием пакета статистических программ SPSS v. 22.0.

В ходе исследования были выявлены следующие связи шкал у работников локомотивных бригад грузового движения, занимающих должность машиниста (рис. 1).

Управление прямо связано с внешними условиями ($r = .435$; $p \leq 0,05$), трудовыми условиями ($r = .480$; $p \leq 0,05$), условиями труда ($r = .439$; $p \leq 0,05$), локусом контроля-Я ($r = .527$; $p \leq 0,05$), самоконтролем ($r = .564$; $p \leq 0,01$): чем активнее машинисты стремятся к руководящим позициям, тем важнее для них комфортные и благоприятные условия труда; тем сильнее уверенность в построении собственной жизни в соответствии с личными смыслами, важнее обладать умением контролировать, сдерживать свои эмоции, мысли и поведение.

Предпринимательство прямо связано с психиатрической симптоматикой ($r = .524$; $p \leq 0,05$) (шкала обратная): чем сильнее у машинистов интерес к предпринимательской деятельности, тем меньше вероятность развития невротических переживаний.

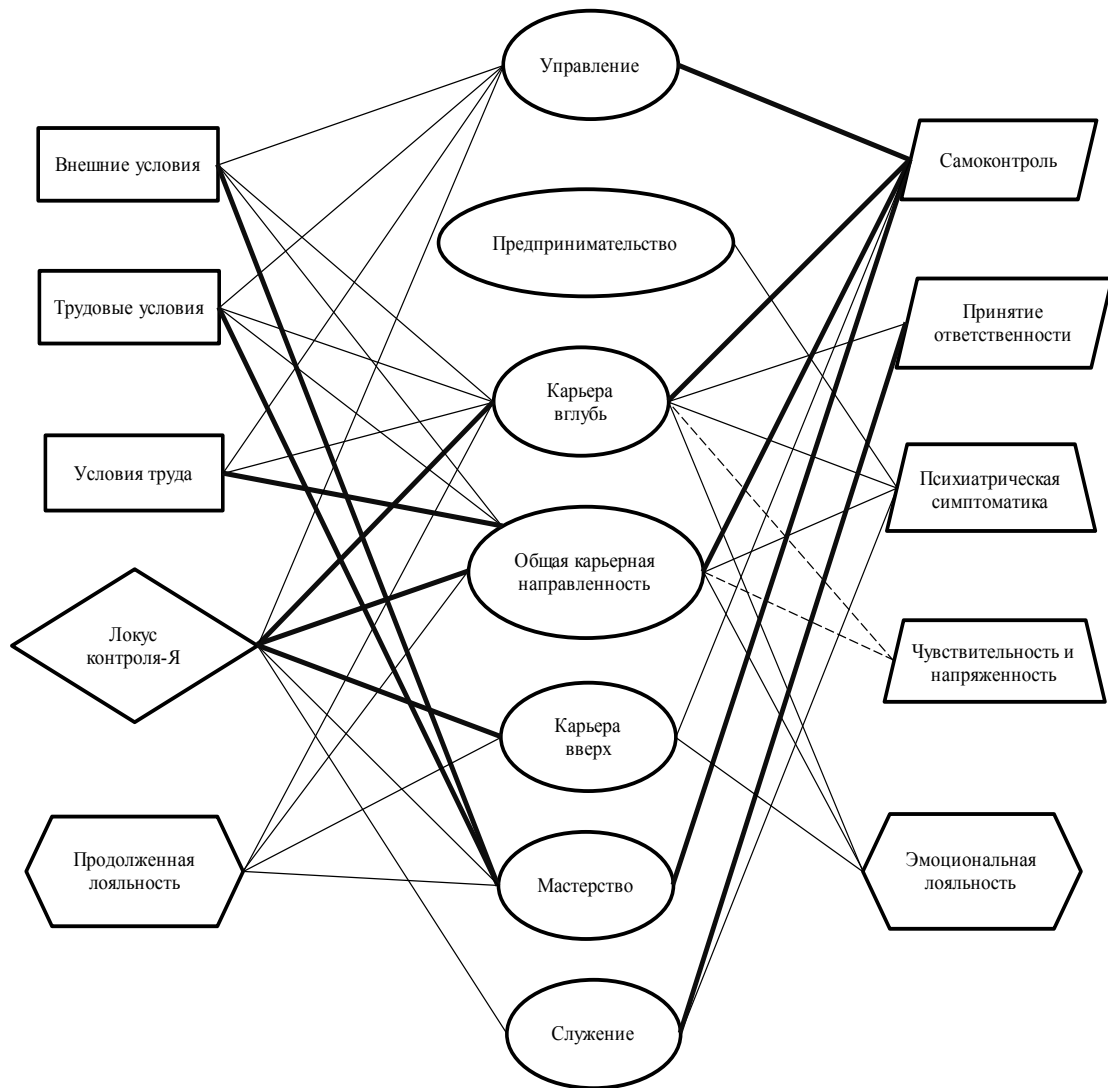


Рис. 1. Связи карьерных ориентаций с удовлетворенностью трудом, организационной приверженностью, смысложизненными ориентациями, копинг-стратегиями, субъективным благополучием у машинистов локомотивных бригад

Примечание. Прямоугольник – «УТ» Н. Н. Мельниковой, шестиугольник – «ШОП» Дж. Мейера и Н. Ален в адаптации Н. Н. Мельниковой, овал – «КарО» Н. Н. Мельниковой, ромб – «СЖО» Д. А. Леонтьева, параллелограмм – «Копинг-стратегии» Р. Лазаруса, С. Фолкман в адаптации Т. Л. Крюковой, Е. В. Кудряк, М. С. Замышляевой, трапеция – «Шкала субъективного благополучия» в адаптации М. В. Соколовой.

— — — — — прямая связь ($p \leq 0,01$);
 — — — — — прямая связь ($p \leq 0,05$);
 - - - - - обратная связь ($p \leq 0,05$).

Служение прямо связано с локусом контроля Я ($r = .513$; $p \leq 0,05$), психиатрической симптоматикой ($r = .482$; $p \leq 0,05$) (обратная шкала), принятием ответственности ($r = .562$; $p \leq 0,01$): чем важнее машинистам внести вклад в улучшение мира, тем сильнее уверенность в том, что они сами способны управлять своей судьбой; меньше вероятность возникновения тревоги и беспокойства, больше принятие на себя ответственности за решение проблем в трудных ситуациях.

Мастерство прямо связано с внешними условиями ($r = .562$; $p \leq 0,01$), трудовыми условиями ($r = .537$; $p \leq 0,01$), продолженной лояльностью ($r = .473$; $p \leq 0,05$), локусом контроля Я ($r = .507$; $p \leq 0,05$), самоконтролем ($r = .596$; $p \leq 0,01$): чем в большей мере машинисты ориентированы на совершенствование своего профессионального мастерства, тем сильнее

они заинтересованы в хороших трудовых условиях; машинисты, осознающие свой вклад в деятельность и успех организации, готовы заниматься любимым делом; чем лучше машинисты способны контролировать события своей жизни и обеспечивать собственное саморазвитие, чем сильнее у них развито самообладание, тем легче им удастся достигать высоких результатов в своей профессиональной сфере.

Карьера вверх прямо связана с эмоциональной лояльностью ($r = .424$; $p \leq 0,05$), продолженной лояльностью ($r = .430$; $p \leq 0,05$), локусом контроля Я ($r = .554$; $p \leq 0,01$), самоконтролем ($r = .526$; $p \leq 0,05$): машинисты, ориентированные на повышение должностного статуса, обладают эмоциональной лояльностью, осознают себя сильными личностями, способными к саморазвитию и самоконтролю.

Карьера вглубь прямо связана с внешними условиями ($r = .477$; $p \leq 0,05$), трудовыми условиями ($r = .458$; $p \leq 0,05$), условиями труда ($r = .532$; $p \leq 0,05$), эмоциональной лояльностью ($r = .424$; $p \leq 0,05$), продолженной лояльностью ($r = .495$; $p \leq 0,05$), локусом контроля-Я ($r = .608$; $p \leq 0,01$), психиатрической симптоматикой ($r = .451$; $p \leq 0,05$) (шкала обратная), самоконтролем ($r = .542$; $p \leq 0,01$), принятием ответственности ($r = .424$; $p \leq 0,05$), обратно связана с чувствительностью и напряженностью ($r = -.476$; $p \leq 0,05$) (шкала обратная): машинисты, предпочитающие приобретение мастерства в своей профессии должностному росту, внимательны к внешним условиям, а также к трудовым условиям, лояльны к организации, осознают себя сильными личностями, ответственны, чем серьезнее для них карьера вглубь, тем в меньшей мере может проявляться у них психиатрическая симптоматика.

Те же связи, что у карьеры вверх и карьеры вглубь, выявлены у общей карьерной направленности, при этом чем в большей степени у машинистов выражена общая карьерная направленность, тем они становятся менее чувствительными и напряженными, у них повышается субъективное благополучие.

Корреляционный анализ показал следующие связи шкал исследования у работников локомотивных бригад грузового движения, занимающих должность помощника машиниста (рис. 2).

Управление прямо связано с психиатрической симптоматикой ($r = .496$; $p \leq 0,01$) (шкала обратная), принятием ответственности ($r = .337$; $p \leq 0,05$): чем в большей мере помощники машиниста готовы принимать ответственность на себя в процессе управления другими людьми, тем в меньшей степени им присущи беспокойство и рассеянность.

Предпринимательство прямо связано с внешними условиями ($r = .396$; $p \leq 0,01$), условиями труда ($r = .395$; $p \leq 0,01$), продолженной лояльностью ($r = .431$; $p \leq 0,01$), нормативной лояльностью ($r = .456$; $p \leq 0,01$), субъективным благополучием ($r = .449$; $p \leq 0,01$) (шкала обратная), психиатрической симптоматикой ($r = .572$; $p \leq 0,01$) (шкала обратная), дистанцированием ($r = .375$; $p \leq 0,05$), поиском социальной поддержки ($r = .389$; $p \leq 0,05$), принятием ответственности ($r = .336$; $p \leq 0,05$): помощники машинистов, ориентированные на занятие предпринимательской деятельностью, в большей степени нуждаются в благоприятных трудовых условиях, они острее осознают все риски при уходе из организации и сильнее привержены к ней на основе чувства долга; чем сильнее ориентация на предпринимательство, тем более благополучными ощущают себя помощники машинистов, у них меньше склонность к тревоге и беспокойству; они готовы дистанцироваться, отстраняться от проблемы, а также решать сложные ситуации за счет привлечения внешних (социальных) ресурсов.

Служение прямо связано с внешними условиями ($r = .311$; $p \leq 0,05$), условиями труда ($r = .334$; $p \leq 0,05$), продолженной лояльностью ($r = .327$; $p \leq 0,05$), нормативной лояльностью ($r = .324$; $p \leq 0,05$), субъективным благополучием ($r = .403$; $p \leq 0,01$) (шкала обратная), психиатрической симптоматикой ($r = .641$; $p \leq 0,01$) (шкала обратная), дистанцированием ($r = .445$; $p \leq 0,01$), самоконтролем ($r = .344$; $p \leq 0,05$), поиском социальной поддержки ($r = .474$; $p \leq 0,01$), принятием ответственности ($r = .359$; $p \leq 0,05$): помощники машиниста,

выбирающие служение, в большей степени заинтересованы в достойных трудовых условиях; они с большей вероятностью продолжают оставаться работать в организации, осознают в этом необходимость и чувствуют моральный долг; ощущают себя благополучными и счастливыми, у них развит самоконтроль, ответственность, есть понимание того, что их работа по-настоящему важна и нужна, однако они могут дистанцироваться от ситуации, готовы искать поддержку у других людей.

Мастерство прямо связано с продолженной лояльностью ($r = .366$; $p \leq 0,05$), нормативной лояльностью ($r = .436$; $p \leq 0,01$), субъективным благополучием ($r = .337$; $p \leq 0,05$) (шкала обратная), психиатрической симптоматикой ($r = .538$; $p \leq 0,01$) (шкала обратная), поиском социальной поддержки ($r = .455$; $p \leq 0,01$), обратно связано с планированием решения проблемы ($r = -.346$; $p \leq 0,05$): чем в большей степени помощники машинистов выбирают мастерство, тем выше вероятность того, что они останутся работать в организации, тем выше у них уровень субъективного благополучия; они реже планируют решение проблемы, скорее всего, именно потому, что их мастерство позволяет им ситуативно и мгновенно принимать верные профессиональные решения; при этом они не отказываются от социальной поддержки.

Карьера вверх прямо связана с внешними условиями ($r = .378$; $p \leq 0,05$), условиями труда ($r = .353$; $p \leq 0,05$), продолженной лояльностью ($r = .388$; $p \leq 0,05$), нормативной лояльностью ($r = .421$; $p \leq 0,01$), субъективным благополучием ($r = .389$; $p \leq 0,05$) (шкала обратная), психиатрической симптоматикой ($r = .601$; $p \leq 0,01$) (шкала обратная), дистанцированием ($r = .360$; $p \leq 0,05$), поиском социальной поддержки ($r = .375$; $p \leq 0,05$), принятием ответственности ($r = .393$; $p \leq 0,05$): ориентированные на вертикальную карьеру помощники машинистов заинтересованы во внешних и трудовых условиях, они лояльны к организации, у них высокий уровень субъективного благополучия, однако в трудных жизненных ситуациях они используют не только конструктивные копинг-стратегии, такие как социальная поддержка и принятие ответственности, но и неконструктивную, такую как дистанцирование, чего нет у машинистов.

Карьера вглубь прямо связана с продолженной лояльностью ($r = .404$; $p \leq 0,01$), нормативной лояльностью ($r = .425$; $p \leq 0,01$), субъективным благополучием ($r = .400$; $p \leq 0,01$) (шкала обратная), психиатрической симптоматикой ($r = .651$; $p \leq 0,01$) (шкала обратная), дистанцированием ($r = .390$; $p \leq 0,05$), самоконтролем ($r = .321$; $p \leq 0,05$), поиском социальной поддержки ($r = .497$; $p \leq 0,01$), принятием ответственности ($r = .343$; $p \leq 0,05$): стремящиеся к приобретению профессиональных компетенций помощники машинистов лояльны к организации, у них достаточно высокий уровень субъективного благополучия, в трудных жизненных ситуациях они не отказываются от социальной поддержки, готовы принять ответственность и проявляют самоконтроль, однако используют и дистанцирование от проблем.

Общая карьерная направленность прямо связана с продолженной лояльностью ($r = .421$; $p \leq 0,01$), нормативной лояльностью ($r = .454$; $p \leq 0,01$), субъективным благополучием ($r = .436$; $p \leq 0,01$) (шкала обратная), психиатрической симптоматикой ($r = .662$; $p \leq 0,01$) (шкала обратная), дистанцированием ($r = .418$; $p \leq 0,01$), поиском социальной поддержки ($r = .464$; $p \leq 0,01$), принятием ответственности ($r = .383$; $p \leq 0,05$): стремящиеся сделать себе карьеру помощники машинистов лояльны к организации, испытывают субъективное благополучие, не отказываются от социальной поддержки, берут ответственность на себя, но могут и дистанцироваться от проблем.

Результаты исследования показали, что связи карьерных ориентаций с удовлетворенностью трудом, организационной приверженностью, смысложизненными ориентациями, копинг-стратегиями и субъективным благополучием у работников локомотивных бригад грузового движения с разным должностным положением различаются, при этом выявлены как общие для обеих групп исследуемых связи, так и специфические.

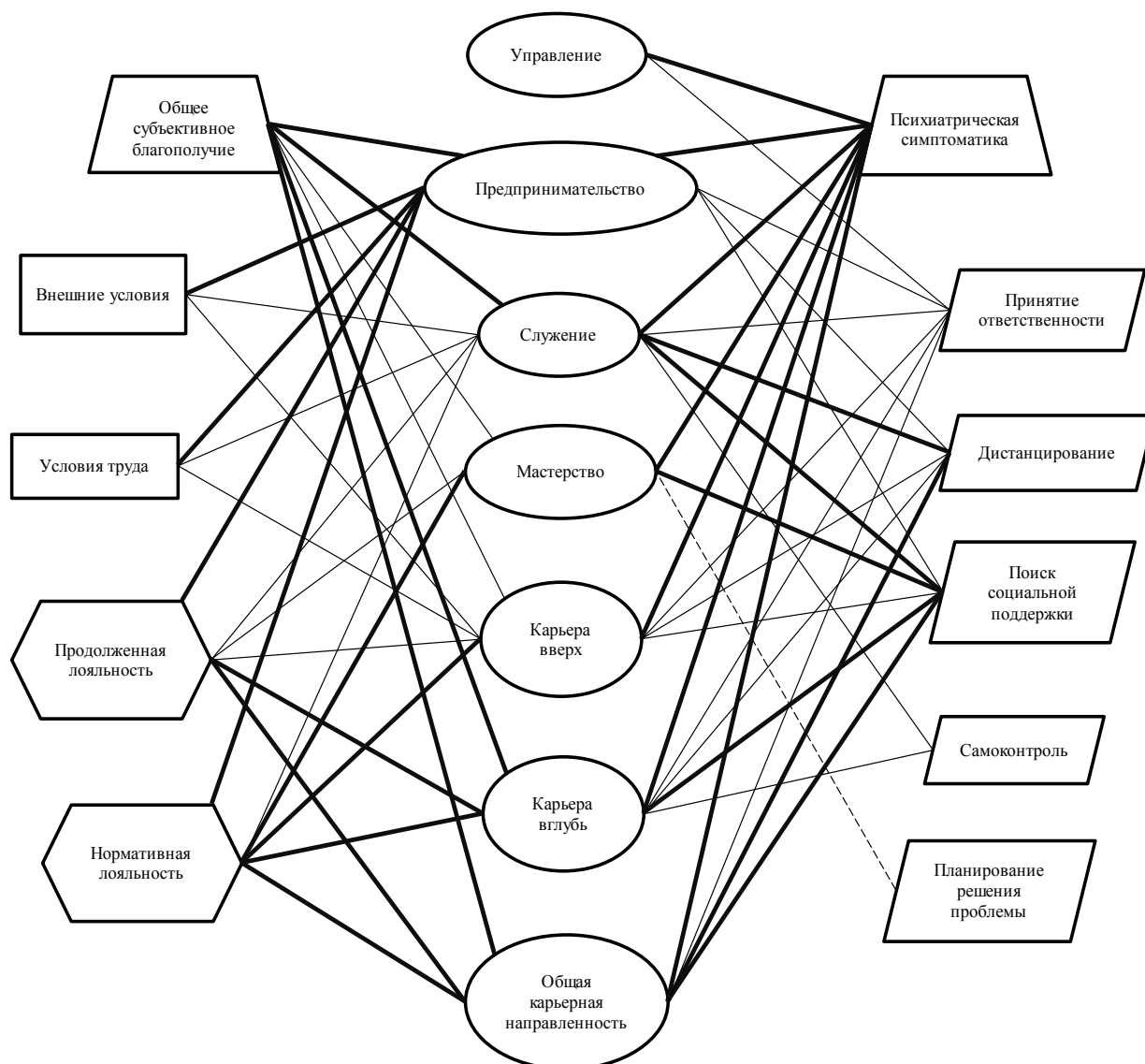


Рис. 2. Связи карьерных ориентаций с удовлетворенностью трудом, организационной приверженностью, копинг-стратегиями, субъективным благополучием у помощников машинистов локомотивных бригад

Примечание. Прямоугольник – «УТ» Н. Н. Мельниковой, шестиугольник – «ШОП» Дж. Мейера и Н. Алена в адаптации Н. Н. Мельниковой, овал – «КарО» Н. Н. Мельниковой, параллелограмм – «Копинг-стратегии» Р. Лазаруса, С. Фолкмана в адаптации Т. Л. Крюковой, Е. В. Куфтык, М. С. Замышляевой, трапеция – «Шкала субъективного благополучия» в адаптации М. В. Соколовой.

- прямая связь ($p \leq 0,01$);
- прямая связь ($p \leq 0,05$);
- - - - обратная связь ($p \leq 0,05$).

Для машинистов и помощников машинистов грузового движения важны все виды карьерных ориентаций. Они задумываются о карьерном росте, вертикальной карьере. Карьера вглубь, представленная в исследовании карьерными ориентациями «профессиональное мастерство» и «служение», также для них значима и интересна – им важно совершенствовать свои профессиональные компетенции. Высокий уровень ответственности и самоконтроль связаны с реализацией карьерных ориентаций вглубь, которые способствуют проявлению лояльности к своей организации. Ориентация на предпринимательскую деятельность и служение позволяют повысить субъективное благополучие.

Проведенное исследование позволило составить психологические портреты машинистов и помощников машинистов грузового движения с точки зрения их отношения к своей

карьере, организации в целом, наличия смысложизненных ориентаций, используемых копинг-стратегий в трудных профессиональных и жизненных ситуациях, субъективного благополучия.

Машинисты задумываются о вертикальной карьере, для них важны внешние и трудовые условия, они считают себя сильными личностями, способными к саморазвитию и самоконтролю, склонность к предпринимательству снижает развитие психиатрической симптоматики (нейротизма, тревоги), им важно служение, ответственность, свое профессиональное мастерство они связывают с лояльностью к РЖД, что, в свою очередь, связано с их субъективным благополучием; чем серьезнее для них карьера вглубь, тем в меньшей мере может проявляться у них психологическое неблагополучие; чем в большей степени у машинистов выражена общая карьерная направленность, тем они становятся менее чувствительными и напряженными. Основной комплекс их копинг-стратегий состоит из принятия ответственности и самоконтроля.

Помощники машинистов заинтересованы в условиях труда, которые способствуют развитию у них интереса к предпринимательству и служению, а предпринимательство (трудова находчивость) повышает уровень их субъективного благополучия. Помощники машинистов используют больше копинг-стратегий, чем машинисты, их комплекс совладающего поведения включает в себя как конструктивные копинг-стратегии, такие как принятие ответственности, самоконтроль, поиск социальной поддержки, планирование решения проблемы, так и неконструктивную – дистанцирование от проблем. Помощники машинистов, выбирающие служение, в большей степени заинтересованы в достойных трудовых условиях; они лояльны к организации, чувствуют свой моральный долг; а также ощущают себя благополучными и счастливыми, есть понимание того, что их работа по-настоящему важна и нужна.

Таким образом, было доказано, что связи карьерных ориентаций с удовлетворенностью трудом, организационной приверженностью, смысложизненными ориентациями, копинг-стратегиями и субъективным благополучием у работников локомотивных бригад грузового движения с разным должностным положением различаются, что определенным образом характеризует их психологические портреты.

Практическая значимость исследования заключается в возможном использовании составленных психологических портретов машинистов и помощников машинистов в управлении персоналом железной дороги и их карьерном развитии. Полученные результаты позволяют сделать следующие рекомендации.

Машинистам можно доверять сложные и многозадачные поручения как по содержанию работы, так и по управлению людьми, так как их копинг-стратегиями, связанными с изучаемыми личностными качествами, являются принятие ответственности и самоконтроль.

Помощникам машинистов надо приобретать компетентность в решении не только планируемых задач, но и спонтанных, ситуативных, которые могут встретиться на маршруте, а также не дистанцироваться от трудностей, а учиться их преодолевать.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кубатова А. С. Сущность понятия «карьера» // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2025. № 4. С. 74–83.
2. Бадалян Ю. В., Гостева Л. З. Особенности карьерных ориентаций сотрудников вневедомственной охраны // Глобус: психология и педагогика. 2021. № 3 (43). С. 38–42.
3. Захарова М. В., Дубровина О. И. Эмоционально-личностные особенности сотрудников с вертикальным типом карьеры / М. В. Захарова, // Организационная психология. 2023. Т. 13, № 4. С. 167–182.
4. Кожевина А. П. Динамика карьерных ориентаций студентов в процессе профессионального обучения // Психология в экономике и управлении. 2017. Т. 9, № 2. С. 63–73.

5. Лайпанов М. А. Основные виды и характеристики профессиональной карьеры как психологического феномена // Проблемы современного педагогического образования. 2023. № 80-2. С. 389–392.
6. Мельничук А. С. Карьерные ориентации и перфекционизм: особенности взаимосвязи // Личность: ресурсы и потенциал. 2024. № 4 (24). С. 94–106.
7. Яценко Е. Ф., Щелокова Е. Г. Субъективное благополучие, самоактуализационные характеристики и копинг-стратегии работников российской железной дороги с разным должностным положением // Вестник университета. 2025. № 4. С. 250–260.
8. Большой психологический словарь / Сост. и общ. ред. Б. Г. Мещеряков, В. П. Зинченко. СПб., 2003. 672 с.
9. Lazarus R. S. Folkman S. *Stress, Appraisal and Coping*. New York, 1984. 456 p.
10. Крюкова Т. Л. Психология совладающего поведения в разные периоды жизни : дис. ... д-ра психол. наук. Кострома, 2005. 473 с.

REFERENCES

1. Kubatova A.S. The essence of the concept "career". *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Ekonomika" = Herald of Omsk University. Series "Economics"*, 2025, no. 4, pp. 74–83. (In Russ.).
2. Badalyan Yu.V., Gosteva L.Z. Features of career orientations of non-departmental security personnel. *Globus: psikhologiya i pedagogika = Globus: Psychology and Pedagogy*, 2021, no. 3 (43), pp. 38–42. (In Russ.).
3. Zakharov M.V., Dubrovina O.I. Emotional and personal characteristics of employees with and without vertical career growth. *Organizatsionnaya psikhologiya = Organizational Psychology*, 2023, vol. 13, no. 4, pp. 167–182. (In Russ.).
4. Kozhevina A.P. Dynamics of career orientations of students in vocational education. *Psikhologiya v ekonomike i upravlenii = Psychology in Economics and Management*, 2017, vol. 9, no. 2, pp. 63–73. (In Russ.).
5. Laipanov M.A. The main types and characteristics of professional career as a psychological phenomenon. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya = Problems of Modern Pedagogical Education*, 2023, no. 80-2, pp. 389–392. (In Russ.).
6. Mel'nichuk A.S. Career orientations and perfectionism: features of interrelation. *Lichnost': resursy i potentsial = Personality: Resources and Potential*, 2024, no. 4 (24), pp. 94–106. (In Russ.).
7. Yashchenko E.F., Shchelokova E.G. Subjective well-being, self-actualization characteristics and coping strategies of Russian railway employees with different positions. *Vestnik universiteta = Bulletin of the University*, 2025, no. 4, pp. 250–260. (In Russ.).
8. *Bol'shoi psikhologicheskii slovar'* [Big psychological dictionary]. Comp. by Meshcheryakov B.G., Zinchenko V.P. Saint Petersburg, 2003. 672 p.
9. Lazarus R.S. Folkman S. *Stress, appraisal and coping*. New York, 1984. 456 p.
10. Kryukova T.L. *Psikhologiya sovladayushchego povedeniya v raznye periody zhizni: dis. ... d-ra psikhol. nauk* [Psychology of coping behavior in different periods of life: Doctor of Sciences (Psychology) dissertation]. Kostroma, 2005. 473 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АНЖЕЛА АЛЕКСАНДРОВНА КОЖЕВНИКОВА – инженер кафедры прикладной психологии Петербургского государственного университета путей сообщения Императора Александра I, Санкт-Петербург, Россия, anzhela.kozhevnikova@bk.ru, <https://orcid.org/0009-0005-6533-0689>

ЕЛЕНА ФЕДОРОВНА ЯЦЕНКО – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой прикладной психологии Петербургского государственного университета путей сообщения Императора Александра I, Санкт-Петербург, Россия, elfed58@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5172-9385>

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ANZHELA A. KOZHEVNIKOVA – Engineer at the Department of Applied Psychology of the Emperor Alexander I St. Petersburg State Transport University, Saint Petersburg, Russia, anzhela.kozhevnikova@bk.ru, <https://orcid.org/0009-0005-6533-0689>

ELENA F. YASHCHENKO – Doctor of Sciences (Psychology), Professor, Head of the Department of Applied Psychology of the Emperor Alexander I St. Petersburg State Transport University, Saint Petersburg, Russia, elfed58@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5172-9385>

Статья поступила 13.01.2026

Научная статья

УДК 316.6

doi 10.46741/sgjournal.2026.20.1.009

Проблема формирования имиджа государственных гражданских служащих

ОКСАНА НИКОЛАЕВНА РАКИТСКАЯ

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, rakitskayaoxana@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4938-6683>

АНАСТАСИЯ АНАТОЛЬЕВНА РОСТИСЛАВОВА

Управление Федеральной антимонопольной службы по Вологодской области, Вологда, Россия, anastasiarostislavova@gmail.com

А н н о т а ц и я . Постановка и решение проблемы имиджа государственных гражданских служащих позиционируются в качестве условия, обеспечивающего не только успешность взаимодействия с людьми, к ним обращающимися, но и формирование управленческой культуры и отношения физических и юридических лиц к государству в целом. Предназначение профессионального (служебного) имиджа заключается в создании образа госслужащего как работника, обладающего определенными деловыми и профессиональными компетенциями, вызывающими доверие людей, а также соответствующего законодательным требованиям. В статье анализируются результаты исследования представлений некоторых категорий населения об имидже госслужащих. Обосновывается необходимость его формирования посредством просветительской деятельности о госслужбе, ее представителях и результатах их работы.

К л ю ч е в ы е с л о в а : имидж; госслужба; государственные гражданские служащие; образ госслужащего; характеристики имиджа.

5.3.5. Социальная психология, политическая и экономическая психология.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Ракитская О. Н., Ростиславова А. А. Проблема формирования имиджа государственных гражданских служащих // Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований. 2026. № 1 (20). С. 80–92. doi 10.46741/sgjournal.2026.20.1.009.

Original article

Problem of Forming an Image of Public Civil Servants

OKSANA N. RAKITSKAYA

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, rakitskayaoxana@yandex.ru, Vologda, Russia, <https://orcid.org/0000-0002-4938-6683>

ANASTASIYA A. ROSTISLAVOVA

Directorate of the Federal Antimonopoly Service in the Vologda Oblast,
Vologda, Russia, anastasiarostislavova@gmail.com

Abstract. The formulation and solution of the image problem of public civil servants are positioned as a condition that ensures not only successful interaction with the people who contact them, but also as a factor in the formation of managerial culture and the attitude of individuals and legal entities towards the state as a whole. The purpose of a professional (official) image is to create an image of a civil servant as an employee with certain business and professional competencies that inspire people's trust, as well as complying with legislative requirements. The article analyzes results of the study of perceptions of some categories of the population about the image of civil servants. The necessity of its formation through educational activities about public service, its representatives and results of their work is substantiated.

Key words: image; public service; government civil servants; image of a civil servant; image characteristics.

5.3.5. Social psychology, political and economic psychology.

For citation: Rakitskaya O.N., Rostislavova A.A. Problem of forming an image of public civil servants. *All-Russian Research and Practice Journal of Studies in Social Sciences and Humanities*, 2026, no. 1 (20), pp. 80–92. doi 10.46741/sjournal.2026.20.1.009.

Феномен имиджа сравнительно недавно вошел в практику прикладных исследований. Активно данное понятие стало применяться американскими журналистами в 1960-х гг., прежде всего, в контексте сосредоточения интереса к внешнему виду популярных исполнителей, а в дальнейшем – при акцентировании внимания на образах политических и общественных деятелей. Примерно в то же время понятие «имидж» в деловую сферу ввел американский экономист К. Боулдинг как необходимый элемент делового преуспевания. В связи с этим феномен имиджа становится предметом исследования не только психологии, но и других социально-гуманитарных наук, обеспечивающих разные виды деятельности и общественной практики.

В России понятие «имидж» активно стало употребляться в конце XX в. в связи с изменением культурно-исторической ситуации, в том числе бурным развитием PR-подразделений в появлявшихся коммерческих организациях. Вопросы формирования имиджа актуализировались среди политиков, актеров и общественных деятелей. Имидж как социальный феномен исследовался Т. Р. Гаришиной, В. А. Зубовой, А. Ю. Панасюком, Г. Г. Почепцовым, И. А. Федоровым, В. М. Шепелем, Ю. П. Яблонских и др. [1].

Проблема исследования состоит в устойчивой силе имиджа как созданного субъектом для другого образа, способного осуществлять воздействие в отсутствие породившего его лица (носителя имиджа). Другими словами, сформированные образы способны производить на окружающих определенное впечатление, влиять на их психику и поведение.

Нами было проведено эмпирическое исследование прикладного характера с целью выяснения представлений населения о характеристиках государственных служащих, составляющих содержание их имиджа.

Теоретический обзор определений феномена имидж в научной литературе позволяет сделать вывод о том, что роль имиджа заключается в создании позитивного отношения к чему-то (например, товару) или кому-то (например, публичному лицу). Сформированное положительное отношение способствует укреплению доверия, повышению лояльности и статуса, что в свою очередь приводит к росту авторитета и влияния. При этом вычленяют два основных типа имиджей: индивидуальный и групповой, или «корпоративный». Об индивидуальном имидже говорят, когда речь идет об имидже конкретного человека, руко-

водителя, политика, бизнесмена, служащего, в то время как корпоративный имидж – это установившийся в обществе образ организации (юридического лица), основанный на уникальных качествах и отличающий ее от других схожих лиц. Отличительные признаки, качества и способы создания индивидуального и корпоративного имиджей разнятся, однако и тот, и другой являются коммуникативной единицей [2].

Актуальность исследования заключается в том, что, находясь в служебном (профессиональном) взаимодействии, государственные служащие выступают и воспринимаются обществом как представители соответствующего государственного органа и государства в целом. В связи с этим к профессиональному уровню госслужащих и претендентов на замещение должностей государственной гражданской службы предъявляются повышенные требования, что обусловлено необходимостью надлежащего исполнения должностных обязанностей в области профессиональной служебной деятельности, под которой понимается совокупность задач, полномочий и функций органов государственной власти [3].

Предназначение профессионального имиджа заключается в создании образа лица как работника (в нашем случае – госслужащего), обладающего определенными деловыми и профессиональными компетенциями. Имидж лица как профессионала основывается на идеальном образе определенной профессиональной деятельности, имеющемся в обществе. Следовательно, фундаментом создания профессионального имиджа госслужащего является позитивный образ специалиста, сочетающий лучшие личностные и деловые черты, вызывающие доверие и притягивающие людей к нему.

Социально-психологические проблемы взаимодействия общества и органов власти изучались Е. Ю. Акимовой, Н. С. Егоровой, Ю. К. Лебединовой, А. И. Морозовой, М. Н. Прокöpfeвой и др. В настоящее время существует мнение, что престиж государственной службы невысок [4]. С одной стороны, государственные служащие все больше ассоциируют себя как обычные наемные работники. С другой стороны, усиливаются негативные тренды восприятия в обществе работы чиновников. Эти факторы снижают эффективность работы государственного аппарата и доверие людей к государству. Следовательно, назревает проблема формирования позитивного имиджа государственных гражданских служащих, уточнению которой посвящена данная работа.

Предполагая наличие у граждан амбивалентного отношения к государственным гражданским служащим (ГГС), мы конкретизировали общую гипотезу о наличии позитивных и негативных характеристик, составляющих имидж ГГС, в частных:

– у людей с разным социальным статусом и опытом взаимодействия с институтом государственной гражданской службы имидж ГГС связывается с такими негативными характеристиками, как формализм или равнодушное отношение к людям, наряду со склонностью использовать служебное положение в личных интересах, имеющих стойкую коннотацию с обликом чиновника-функционера;

– информирование о специфике деятельности ГГС и ее результатах способствует увеличению положительных характеристик в представлениях об их имидже.

Эмпирическое исследование имиджа ГГС проводилось в несколько этапов. На первом – констатирующем – этапе работы нас интересовало содержание представлений некоторых категорий населения об имидже ГГС и необходимость его формирования. На втором – был организован и проведен эксперимент с целью изменения представлений об имидже ГГС в положительную сторону.

При разработке методик опроса мы выделили в структуре имиджа ГГС личностный компонент, обладающий чертами персонального имиджа, а также организационный компонент, отражающий черты имиджа госслужащих как группы людей со специальным социально-правовым статусом. Нами была разработана авторская анкета «Восприятие и формирование имиджа государственного гражданского служащего», вопросы которой

предъявлялись респондентам, в разной степени имеющим отношение к деятельности госслужбы.

На втором этапе исследования с целью выяснения возможности положительной динамики представлений об имидже ГГС был реализован линейный формирующий эксперимент. В качестве стимульного воздействия проводилось информирование участников эксперимента о государственной гражданской службе в форме интерактивной лекции (2 академических часа), для которой был разработан комплекс материалов (текст лекции, презентация, видеоролик).

На разных этапах исследования испытуемыми выступили порядка 152 чел. Так, сбор и сравнительный анализ представлений об имидже госслужащих осуществлялось в группах, в разной степени имеющих отношение к деятельности в госслужбе.

В экспериментальную группу № 1 (ЭГ 1) вошли люди из университетской среды, имеющие минимальное отношение к госслужбе. Эту группу составили 53 студента и преподавателя Вологодского государственного университета. Никто из респондентов данной группы не являлся государственным служащим, однако 37,7 % хотели бы поступить на государственную службу.

В экспериментальную группу № 2 (ЭГ 2) вошел 21 сотрудник и волонтер Вологодского регионального отделения Российского Красного Креста, при этом 52,4 % респондентов не являлись государственными служащими. В силу присутствия в данной группе 7 госслужащих у лиц, ее составляющих, уже есть возможность составить представление о людях, имеющих отношение к госслужбе, на основе опыта актуального взаимодействия. Что касается экспериментальной группы № 3 (ЭГ 3), то в нее вошли 47 государственных служащих территориальных управлений Федеральной антимонопольной службы.

Одним из компонентов образа ГГС выступает мотивационная составляющая, приписываемая личности лиц, поступающих на госслужбу (табл. 1). В части некоторых представлений о мотивах ГГС расчет критерия Фишера позволил обнаружить значимые различия (уровень значимости F-критерия: ** – при $p \leq 0,01$ и * – при $p \leq 0,05$).

Таблица 1

Распределение выборов мотивов, присущих госслужащим,
по мнению респондентов экспериментальных групп (%)

№	Мотивы	ЭГ 1	ЭГ 2	ЭГ 3
1	Возможность самореализации	13,2	33,3	31,9
2	Желание служить обществу (людям)	24,5	28,6	29,8
3	Стабильность	43,4	28,6	68,1
4	Возможность карьерного роста	20,8	23,5	14,9
5	Заработная плата	37,7	9,5	4,3
6	Желание работать в государственном секторе	32,1	14,3	23,4
7	Престижность профессии	32,1	19	19,1
8	Наличие властных полномочий	1,9	0	0
9	Возможность решать личные вопросы	3,8	4,8	2,1
10	Безопасность	5,7	9,5	6,4

Среди лидирующих мотивов к поступлению на госслужбу находится стабильность социального положения человека, занимающегося данным видом деятельности. Респонденты всех групп признают мотив, связанный со стабильностью государства как организационной системы, однако сами госслужащие данный мотив выбирают гораздо чаще по сравнению с другими мотивами (табл. 2).

Таблица 2

Сравнительный анализ представлений о мотивах госслужащих у респондентов
экспериментальных групп

№	Мотивы	ЭГ 1/ЭГ 3	ЭГ 2/ЭГ 3	ЭГ 1/ЭГ 2
1	Возможность самореализации	2,3*	–	1,9*
2	Желание служить обществу (людям)	–	–	–
3	Стабильность	2,5**	3,1**	–
4	Возможность карьерного роста	–	–	–
5	Заработная плата	4,5**	–	2,7**
6	Желание работать в государственном секторе	–	–	1,7*
7	Престижность профессии	–	–	–
8	Наличие властных полномочий	–	–	–
9	Возможность решать личные вопросы	–	–	–
10	Безопасность	–	–	–

При этом госслужащие, участвующие в опросе, признают у себя наряду со стабильностью (68 %) и мотив самореализации на рабочем месте (32 %) заметно чаще, чем испытуемые, практически не связанные с этим видом деятельности (13 %).

Госслужащие считают важным служить обществу (30 %), и их мнение разделяют и респонденты других групп (25–29 %). Надо признать, что выполнение функций госслужащего обеспечивают действия, так или иначе связанные с оказанием помощи населению.

Все испытуемые признают, что перспектива карьерного роста может мотивировать к поступлению на госслужбу.

Интересно, что желание работать в госсекторе меньше всего представлено в группе со «смешанным» с точки зрения принадлежности к госслужбе составом (14 %). Видимо, возможность взаимодействия с представителями разных профессий увеличивает интерес к другим сферам деятельности. При этом испытуемые не слишком высоко оценивают престижность профессии госслужащих в качестве мотивирующего фактора.

Для уточнения мотивации деятельности госслужащего респондентам был задан вопрос о причинах увольнения с госслужбы (табл. 3). Вопрос позволяет выяснить своего рода риски данного вида деятельности, которым, как думают респонденты, могут подвергаться госслужащие.

Таблица 3

Распределение выборов причин увольнения, присущих госслужащим,
по мнению респондентов экспериментальных групп (%)

№	Мотивы	ЭГ 1	ЭГ 2	ЭГ 3
1	Жесткая иерархия	9,4	4,8	6,4
2	Отсутствие карьерного роста	20,8	0	34,0
3	Коррупционные риски	30,2	9,5	8,5
4	Консерватизм	9,4	4,8	2,1
5	Зарплата	22,6	28,6	48,9
6	Ненормированный рабочий день	17,0	23,8	25,5
7	Отсутствие престижа госслужбы	7,5	9,5	6,4
8	Неэффективность организации работы	18,9	14,3	10,6
9	Отсутствие видимого результата	11,3	14,3	8,5
10	Стрессовый характер работы	28,3	61,9	29,8
11	Отсутствие обратной связи	15,1	4,8	2,1
12	Жалобы и недоверие людей	17,0	33,3	10,6
13	Рутинная неинтересная работа	18,9	23,8	19,1

Причины, по которым люди не хотят работать, отражают некоторые характеристики деятельности и организации, в которой работают сотрудники госслужбы. Данный вопрос выявил довольно большой диапазон причин, по которым, по мнению респондентов, госслужащие увольняются. Разброс данных в результате затруднил обнаружение «ведущих» причин увольнения (табл. 4).

При этом у наименее осведомленных испытуемых ЭГ 1 самый распространенный вариант (30 %) оказался связан с коррупционными рисками, что говорит о том, что этот негативный феномен связывается с образом деятельности в структурах государственной службы.

В то же время коррупционные риски не рассматриваются как причины увольнения у испытуемых, в большей степени имеющих представление об этой деятельности и даже ее выполняющих.

Таблица 4

Сравнительный анализ представлений о причинах увольнения (%), присущих госслужащим, у респондентов экспериментальных групп

№	Мотивы	ЭГ1/ЭГ3	ЭГ2/ЭГ3	ЭГ1/ЭГ2
1	Жесткая иерархия	–	–	–
2	Отсутствие карьерного роста	5,4**	–	–
3	Коррупционные риски	2,9**	–	2*
4	Консерватизм	–	–	–
5	Зарплата	2,7**	–	–
6	Ненормированный рабочий день	–	–	–
7	Отсутствие престижа госслужбы	–	–	–
8	Неэффективность организации работы	–	–	–
9	Отсутствие видимого результата	–	–	–
10	Стрессовый характер работы	–	2,5**	2,7**
11	Отсутствие обратной связи	2,5**	–	–
12	Жалобы и недоверие людей	–	2,1*	–
13	Рутинная неинтересная работа	–	–	–

Предположение респондентов ЭГ 1 о том, что госслужащим «не хватает» зарплаты (23 %) и карьерного роста (21 %), с избытком подтвердилось мнениями самих госслужащих, которые выделяют эти причины в качестве повода для увольнения (49 % и 34 % соответственно).

Стрессовый характер работы признают и определяют как фактор риска (основание для увольнения) респонденты ЭГ 2, имеющие опыт интересующей нас деятельности и обратившиеся к волонтерству как варианту деятельности поддерживающего характера (62 % выборов). Вероятно, это связано не столько с отсутствием обратной связи (как это предполагают некоторые испытуемые ЭГ 1 – 15 %), сколько с ее негативным выражением в виде жалоб и проявлений недоверия к госслужащим (33 %).

Оценки престижности деятельности сотрудников государственной службы наряду с выражением отношения к институту госслужбы оказались схожими у респондентов разных групп в плане отсутствия однозначного признания ее таковой (табл. 5, 6).

Никто из респондентов не только не выбрал оценку «престижная», но и в двух группах испытуемых, совсем не имеющих отношения к госслужбе и занимающихся госслужбой, около 40 % респондентов считают, что она «совсем не престижная». При этом категоричность низкой оценки степени престижности сочетается с выраженным положительным отношением к госслужбе у испытуемых данных групп.

Наиболее лояльно относятся к госслужбе испытуемые, занятые волонтерством, которым отчасти знакомы «тяготы» службы и служения тем, кто нуждается в помощи. При этом отношение к госслужбе они преимущественно определяют как нейтральное.

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос о степени престижности госслужбы
у респондентов экспериментальных групп (%)

№	Ответы	ЭГ 1	ЭГ 2	ЭГ 3
1	Совсем не престижная	37,7	–	40,4
2	Скорее не престижная, чем престижная	–	–	12,8
3	Нейтральная	20,8	23,8	19,1
4	Скорее престижная, чем не престижная	28,3	47,6	25,5
5	Престижная	–	–	–

Таблица 6

Распределение оценок собственного отношения к институту госслужбы
у респондентов экспериментальных групп (%)

№	Ответы	ЭГ 1	ЭГ 2	ЭГ 3
1	Отрицательное	–	–	–
2	Скорее отрицательное	–	–	–
3	Нейтральное	28,3	61,9	14,9
4	Скорее положительное	15,1	23,8	40,4
5	Положительное	54,7	–	44,7

Респондентам было предложено выбрать качества, предпочтительные для создания положительного имиджа современного государственного служащего, определяя характеристики для его профессионального общения и взаимодействия с людьми, а также качества его ориентации в профессиональных вопросах и нормативности поведения (табл. 7).

Интересно, что, помимо общей образованности и профессионализма, респонденты считают необходимым для госслужащего наличие навыков публичного выступления и грамотной, четкой речи. Вероятно, испытываемым важны коммуникативные качества ГГС, с помощью которых они могут производить положительное впечатление на граждан.

С целью выяснения факторов, снижающих оценку имиджа госслужащих, был задан вопрос о причинах формирования отрицательного имиджа государственных служащих (табл. 8).

Таблица 7

Распределение выборов личностных качеств, предпочтительных для создания имиджа
современного государственного служащего, по мнению респондентов экспериментальных групп (%)

№	Характеристики имиджа	ЭГ 1	ЭГ 2	ЭГ 3
«Внешние» качества (особенности поведения при взаимодействии)				
1	Наличие грамотной и четкой речи	66	57,1	59,6
2	Навыки публичного выступления	62,3	71,4	68,1
3	Хорошие манеры	32,1	38,1	25,5
4	Способность вызывать доверие, симпатию	28,3	28,6	31,9
5	Личное обаяние, харизма	–	28,6	–
6	Внешняя привлекательность	26,4	–	23,4
Деловые качества				
7	Общая образованность	69,8	66,7	57,4
8	Знание законов и полномочий госорганов	47,2	38,1	38,3
9	Профессионализм	45,3	52,4	72,3
10	Высокий интеллект и добросовестность	35,8	–	–

11	Желание приносить пользу обществу и государству	28,3	42,9	34
12	Доброжелательность	–	33,3	–
13	Добросовестность	–	28,6	31,9
14	Ориентированность на результат	–	23,8	25,5
Этические качества				
15	Ответственность	58,5	61,9	85,1
16	Честность, неподкупность	56,6	52,4	46,8
17	Справедливость	41,5	28,6	21,3
18	Бескорыстность, порядочность	37,7	61,9	34
19	Вежливость и корректность	32,1	28,6	29,8
20	Гибкость и дипломатичность	–	38,1	–

Отрицательный имидж ГГС связывается у респондентов преимущественно с некомпетентностью и равнодушием к проблемам людей наряду с коррупционными скандалами.

Сравнительный анализ выявленных факторов отрицательного имиджа позволил получить только одну причину, значимо различающую позиции испытуемых – «равнодушие к проблемам людей». Об этом факторе заявляют гораздо чаще респонденты, в меньшей степени имеющие отношение к деятельности госслужбы (60–76 %). Сами госслужащие явно «недооценивают» (44 %) эту причину в сравнении с людьми, составляющими о них свое мнение.

Таблица 8

Распределение выборов факторов формирования отрицательного имиджа госслужащих, по мнению респондентов экспериментальных групп (%)

№	Факторы отрицательного имиджа	ЭГ 1	ЭГ 2	ЭГ 3
1	Некомпетентность	58,2	61,9	68,1
2	Недобросовестность	32,8	42,9	23,4
3	Коррупционные скандалы	56,7	57,1	70,2
4	Неэффективная работа	44,8	19,0	36,2
5	Равнодушие к проблемам людей	61,2	76,2	44,7
6	Возможность отдыха на дорогих курортах	1,5	0	0
7	Дорогие дома, квартиры, автомобили	9,0	9,5	4,3
8	Возможность решать личные проблемы	4,5	0	6,4
9	Вседозволенность	25,4	33,3	21,3
10	Непотизм (предоставление привилегий родственникам или друзьям)	1,5	0	0

Конечно, среди факторов отрицательного имиджа испытуемые называют и коррупционные скандалы, и некомпетентность. Однако если сами госслужащие склонны в основном ими объяснять снижение оценки их имиджа, то остальные респонденты делают акцент именно на отношении к людям, которое обозначают как «равнодушное».

Следовательно, в мероприятия по созданию положительного имиджа нужно включать проявления «неравнодушного отношения». В связи с этим необходимо конкретизировать у представителей потенциальной аудитории (партнеров госслужащих по общению), какие проявления в поведении они оценивают как равнодушные, а какие как неравнодушные.

В формирующем эксперименте приняли участие обучающиеся 5 курса факультета психологии и пробации ВИПЭ ФСИН России, имеющие весьма ограниченный опыт взаимодействия с гражданской госслужбой (n = 31), в возрасте от 21 до 24 лет, из которых 74,19 % – девушки, 25,81 % – юноши.

Среди испытуемых лишь трое не сталкивались с деятельностью государственных служащих на личном опыте. При этом 38,71 % опрошенных признают, что их представления о госслужащих связаны с мнением других людей, а не формируются на основе личных воз-

зрений. Следовательно, необходимо организовывать подобное влияние, снижая стихийность его воздействия.

Анализ динамики представлений участников эксперимента осуществлялся по 36 критериям, изменения по 12 из которых попали в зону значимости при расчете Т-критерия Вилкоксона (при $p \leq 0,01^{**}$ и $p \leq 0,05^*$):

Таблица 9

Динамика отношения к госслужбе и характеристикам, присущим госслужащим, в результате формирующего воздействия

№	Параметр оценки	Средняя оценка до воздействия	Средняя оценка после воздействия	Уровень значимости Т-критерия
1	Осведомленность о деятельности госслужащих	5,58	6,90	**
2	Возможность самореализации	4,06	5,71	**
3	Желание служить людям	4,71	5,39	**
4	Забота о сотрудниках	4,26	5,00	**
5	Честность, неподкупность	5,06	5,71	**
6	Бескорыстность, порядочность	5,23	6,03	**
7	Высокая оплата труда	3,58	4,45	*
8	Нормативность действий	7,29	7,80	*
9	Высокий интеллект и добросовестность	5,90	6,35	*
10	Желание приносить пользу обществу и государству	4,97	5,55	*
11	Вежливость и корректность	5,58	6,23	*
12	Гибкость и дипломатичность	5,74	6,35	*

Таким образом, у участников формирующего воздействия в форме лекции-беседы интерактивного характера увеличилась осведомленность о ГГС. При этом нам удалось увеличить позитивную оценку в представлениях испытуемых о мотивации ГГС, связанную с социальным мотивом – «желание служить людям» и личным мотивом – «возможность самореализации».

Участники интерактивной лекции по ее завершении более высоко оценили характеристики, присущие госслужбе, по параметрам «забота о сотрудниках» и «высокая оплата труда», а также признали высокую «нормативность действий» при осуществлении профессиональных функций.

Остальные изменения отражают динамику представлений испытуемых о личностных качествах ГГС. Так, увеличилась средняя оценка этических качеств честности и неподкупности, бескорыстности и порядочности, приписываемых представителям госслужбы. Среди деловых качеств изменения связаны с более высокой оценкой «желания приносить пользу обществу и государству», добросовестности ГГС, работа которых требует высоких интеллектуальных возможностей, гибкости и дипломатичности. В «повторных» представлениях о ГГС слушатели лекции оценили их как более вежливых и корректных во взаимодействии с населением.

Из 31 опрошенного на вопрос о том, полезны ли занятия, информирующие население о деятельности госслужащих и государственных органов, только один участник ответил отрицательно, а 80,65 % выбрали ответы «да» (45,16 %) и «вероятно, да» (35,49 %).

Таким образом, можно утверждать, что просветительская деятельность, посвященная госслужбе и ее представителям, позволила увеличить выраженность позитивных оценок о личностном компоненте имиджа ГГС (мотивационных и коммуникативных характеристиках), а также усилить позитивную оценку организации и ее деятельности, увеличив ее с низких показателей до средних значений.

Участникам формирующего эксперимента было предложено ответить на вопрос: «Когда упоминают госслужащих, какие впечатления (ассоциации) у вас возникают?». Варианты ответа – «положительные», «нейтральные», «отрицательные» – необходимо было оценить по шкале от 1 до 10. Оценки от 1 до 3 баллов рассматривались как «низкие», от 8 баллов и выше – «высокие», от 4 до 7 баллов – «средние оценки» (табл. 10).

Таблица 10

Динамика отношения к госслужащим в результате формирующего воздействия

Параметр оценки	Количество оценок ≤ 3 баллов	Количество оценок от 4 до 7 баллов	Количество оценок ≥ 8 баллов	Примечание
положительные	5	20	6	до воздействия
	3	15	13	после воздействия
нейтральные	1	23	7	до воздействия
	1	26	4	после воздействия
отрицательные	18	11	2	до воздействия
	18	10	3	после воздействия

До формирующего воздействия на данный вопрос средняя положительная оценка составила 6,1, средняя нейтральная – 5,9, средняя отрицательная – 3,6. После формирующего воздействия средняя положительная оценка респондентов составила 6,7, средняя нейтральная – 5,7, средняя отрицательная – 3,7.

Хотя мы не получили значимого сдвига в значениях положительных, отрицательных и нейтральных оценок имиджа ГГС, заметно, что после проведенного интерактивного занятия у слушателей ЭГ наметилась тенденция изменения отношения к ГГС в положительную сторону.

Авторская анкета исследования представлений о госслужбе и государственных служащих включает 36 критериев оценки по шкале от 1 до 10 баллов. Для анализа и интерпретации полученных результатов нами были подсчитаны средние значения по каждому критерию. Самые низкие и самые высокие средние оценки организационного компонента имиджа ГГС представлены в табл. 11.

Госслужба представляется нашим испытуемым организацией, которая не слишком заботится о своих сотрудниках, в том числе низко оплачивая их труд. Респонденты признают жесткую структуру и регламентированность действий. Тенденция отмечать выраженную нормативность действий (положительная оценка) сопровождается столь же заметной оценкой их формализма (негативная оценка). А показатель социальной ответственности (положительная оценка) противоречиво сочетается с коррупционными рисками (негативная оценка), приписываемыми данной организации и ее сотрудникам.

Таблица 11

Самые низкие и самые высокие оценки организационного компонента имиджа госслужащих

№	Параметр оценки	Среднее значение до воздействия	Среднее значение после воздействия
Самые низкие средние значения			
1	Высокая оплата труда	3,58	4,45
2	Забота о сотрудниках	4,26	5,00
3	Самые высокие средние значения		
4	Иерархия и регламентация	7,97	7,77
5	Социальная ответственность	7,16	7,16
6	Коррупционные риски	7,42	7,45
7	Нормативность действий	7,29	7,80
8	Формализм действий	7,23	7,19

Самые низкие и самые высокие средние оценки личностного компонента имиджа ГГС представлены в табл. 12.

Таблица 12

Самые низкие и самые высокие средние оценки личностного компонента имиджа госслужащих

№	Параметр оценки	Среднее значение до воздействия	Среднее значение после воздействия
Самые низкие средние значения			
1	Возможность самореализации	4,06	5,71
2	Желание служить людям	4,71	5,39
3	Желание приносить пользу обществу и государству	4,97	5,55
Самые высокие средние значения			
5	Стабильность работы	7,40	7,61
6	Знание законов, полномочий госорганов	7,00	7,16
7	Осведомленность в своем деле	7,13	7,16

Таким образом, к организационным недостаткам государственной службы респонденты относят уровень оплаты труда и заботы о сотрудниках. Участники формирующего эксперимента подчеркнули низкую возможность самореализации человека, поступившего на госслужбу, а также недостаточную мотивацию госслужащих служить людям и приносить пользу обществу и государству.

Таким образом, в ходе нашего исследования мы подтвердили наличие амбивалентного отношения у части населения к государственным гражданским служащим, выраженного в наличии не только позитивных, но и негативных характеристик, содержащихся в их представлениях об образе ГГС.

Выяснилось, что мотивационные характеристики государственных служащих имеют положительную личностную, а также социальную направленность, по мнению более 1/4 опрошенных.

Выбирая качества, предпочтительные для создания положительного имиджа современного госслужащего, респонденты преимущественно обратили внимание на такие особенности поведения при взаимодействии, как наличие грамотной речи и навыки публичного выступления наряду с хорошими манерами. В деловых качествах сотруднику госслужбы, по мнению респондентов, следует при общей образованности повышать знание законов и полномочий госорганов, наряду с профессионализмом демонстрировать высокий интеллект и добросовестность, в том числе проявляя желание приносить пользу обществу и государству. Среди этических качеств испытуемые выбирают ответственность, честность и неподкупность, а также бескорыстность и порядочность, как необходимые для положительного имиджа государственных служащих.

Негативно сказываются на имидже госслужащих не только некомпетентность и коррупционные скандалы, но особенно – равнодушие к проблемам людей. Интересно, что данный «фактор риска» для имиджа ГГС заметно выделяют респонденты экспериментальных групп, не занимающиеся госслужбой. Вероятно, даже тщательное исполнение государственными служащими функций без проявления «желания помогать людям» будет воспринято пользователями как «черствое исполнение» и оценено как недостаточное.

Следовательно, в мероприятия по созданию положительного имиджа нужно включать проявления «неравнодушного отношения». В связи с этим следует конкретизировать у представителей потенциальной аудитории (партнеров госслужащих по общению), какие проявления в поведении они оценивают как равнодушные, а какие – как неравнодушные.

В ходе подготовленного нами формирующего воздействия наметилась тенденция динамики отношения участников эксперимента в положительную сторону. Другими словами,

просветительская деятельность о госслужбе и ее представителях позволила увеличить выраженность позитивных оценок о личностном компоненте имиджа ГГС (мотивационных и коммуникативных характеристиках), а также усилить позитивную оценку организации и ее деятельности, увеличив ее с низких показателей до средних.

Итак, можно утверждать, что имидж ГГС представляет собой динамичную совокупность представлений разных категорий населения, включающую позитивные и негативные характеристики, соотношение которых можно изменить посредством мероприятий просветительского характера, информирующих граждан о результатах деятельности ГГС, связанных с защитой населения и оказанием юридико-социальной помощи.

Имидж госслужащего связан с личными особенностями (внешность, образование, лидерство, профессионализм и т. п.) сотрудников. Следовательно, предназначение профессионального (служебного) имиджа заключается в создании образа госслужащего как работника, обладающего определенными деловыми и профессиональными компетенциями, вызывающими доверие людей, а также соответствующего законодательным требованиям.

Условия создания имиджа госслужащего определяют совокупность факторов формирования управленческой культуры и отношения физических и юридических лиц к государству в целом, а сам процесс установления позитивного имиджа госслужащих представляет собой мультифакторную систему, требующую дополнительного исследования и анализа. Разработка профессионального (служебного) имиджа позволила бы существенно улучшить коммуницирование общества и государства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Яблонских Ю. П. Имидж как общественный феномен // Проблемы современного педагогического образования. 2018. С. 312–315. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/imidzh-kak-obschestvennyy-fenomen> (дата обращения: 07.10.2025).
2. Блинова Н. М. Научные подходы к пониманию имиджа // Психология, социология и педагогика. 2014. № 3. URL: <https://psychology.snauka.ru/2014/03/2887> (дата обращения: 07.10.2025).
3. О государственной гражданской службе Российской Федерации : федер. закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 31. Ст. 3215.
4. Толстов М. Р. Проблема низкого престижа государственной службы в Российской Федерации // Ученые записки Тамбовского отделения РoSMY. Социологические науки. 2020. С. 251–256. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-nizkogo-prestizha-gosudarstvennoy-sluzhby-v-rossiyskoy-federatsii/viewer> (дата обращения: 07.10.2025).

REFERENCES

1. Yablonskikh Yu.P. Image as a social phenomenon. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya = Problems of Modern Pedagogical Education*, 2018, pp. 312–315. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/imidzh-kak-obschestvennyy-fenomen> (In Russ.). (Accessed October 7, 2025).
2. Blinova N.M. Scientific approaches to understanding of image. *Psikhologiya, sotsiologiya i pedagogika = Psychology, Sociology and Pedagogy*, 2014, no. 3. Available at: <https://psychology.snauka.ru/2014/03/2887> (In Russ.). (Accessed October 7, 2025).
3. About the State Civil Service of the Russian Federation: federal law No. 79-FZ of July 27, 2004. In: *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collection of legislation of the Russian Federation]. 2004. No. 31. P. 3215. (In Russ.).
4. Tolstov M.R. The problem of low prestige of public service in the Russian Federation. *Uchenye zapiski Tambovskogo otdeleniya ROSMU. Sotsiologicheskie nauki = Scientific Notes of the Tambov Branch of RoSMU. Sociological Sciences*, 2020, pp. 251–256. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-nizkogo-prestizha-gosudarstvennoy-sluzhby-v-rossiyskoy-federatsii/viewer> (In Russ.). (Accessed October 7, 2025).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

ОКСАНА НИКОЛАЕВНА РАКИТСКАЯ – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры социальной психологии, социальной работы и пробации факультета психологии и пробации Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, rakitskayaohana@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4938-6683>)

АНАСТАСИЯ АНАТОЛЬЕВНА РОСТИСЛАВОВА – заместитель руководителя Управления Федеральной антимонопольной службы по Вологодской области, Вологда, Россия, anastasiarostislavova@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

OKSANA N. RAKITSKAYA – Candidate of Sciences (Psychology), Associate Professor, associate professor at the Department of Social Psychology, Social Work and Probation of the Faculty of Psychology and Probation of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, rakitskayaohana@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4938-6683>

ANASTASIYA A. ROSTISLAVOVA – Deputy Head of the Directorate of the Federal Antimonopoly Service in the Vologda Oblast, Vologda, Russia, anastasiarostislavova@gmail.com

Статья поступила 26.11.2025

Научная статья

УДК 159.9.072

doi 10.46741/sjournal.2026.20.1.010

Стратегии преодоления стрессовых ситуаций у молодых специалистов в области правоохранительной деятельности

ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА КОЗЛОВСКАЯ

Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия,
kozlovskajtn@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1984-7282>

ЛЯЙЛЯ РАХМАТУЛЛОВНА АПТИКИЕВА

Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия,
aptikieva@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5616-298X>

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА ТРОНЬ

Академия ФСИН России, Рязань, Россия, persik.83@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6268-3853>

Аннотация. Изучение социально-психологических характеристик копинг-стратегий для адаптации молодых специалистов в области правоохранительной деятельности актуально и важно из-за необходимости помощи молодым специалистам быстро и успешно влиться в рабочую среду, минимизируя количество стресса. В статье анализируются российские и зарубежные исследования в области копинг-стратегий и совладающего поведения в период адаптации к профессиональной деятельности. Выявлены ведущие стратегии преодолевающего поведения у молодых специалистов. Установлено, что индекс конструктивности стратегий преодолевающего поведения по всей выборке находится в диапазоне высокой конструктивности. У 62 % респондентов выявлен высокий интегральный показатель адаптации, у 30 % – средний, у 8% – низкий. Для выявления взаимосвязи адаптивности и стратегий совладающего поведения использовался коэффициент ранговой корреляции Спирмена. Определено, что преобладающими типами совладающего поведения в процессе адаптации у молодых специалистов в органах внутренних дел выступают ассертивные действия, вступление в социальный контакт, поиск социальной поддержки. В качестве причин затруднения в процессе адаптации были выявлены импульсивные действия, непрямые действия, асоциальные действия, агрессивные действия.

Ключевые слова: стресс; совладающее поведение; копинг-стратегии; адаптация; корреляционный анализ; правоохранительная деятельность.

5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности.

Для цитирования: Козловская Т. Н., Аптикеева Л. Р., Тронь О. С. Стратегии преодоления стрессовых ситуаций у молодых специалистов в области правоохранительной деятельности // Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований. 2026. № 1 (20). С. 93–104. doi 10.46741/sjournal.2026.20.1.010.

Original article

Young Law Enforcers' Strategies for Coping with Stressful Situations

TAT'YANA N. KOZLOVSKAYA

Orenburg State University, Orenburg, Russia, kozlovskajatn@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-1984-7282>

LYAILYA R. APTIKIEVA

Orenburg State University, Orenburg, Russia, aptikieva@inbox.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-5616-298X>

OL'GA S. TRON'

Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russia,
persik.83@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6268-3853>

Abstract. The relevance of the article lies in the fact that young specialists face significant problems at the stage of professional self-determination and during the period of employment. They are forced to adapt to new conditions of their professional environment. This requires them to apply stress coping strategies, that is, certain cognitive, emotional, and behavioral mechanisms. Studying socio-psychological characteristics of coping strategies for the adaptation of young professionals in the field of law enforcement is relevant and important because of the need to help young professionals quickly and successfully integrate into the work environment, minimizing the amount of stress. The purpose of the study is to consider strategies for coping with stressful situations during adaptation among young law enforcement professionals. The study covered 87 respondents (43 women and 44 men) aged 19–23 years. The following techniques were used as diagnostic material: Strategic Approach to Coping Scale by S. Hobfoll as adapted by N.E. Vodopyanova and E. S. Starchenkova; Scale of Socio-Psychological Adaptation by C. Rogers, R. Dymond as adapted by T. V. Snegireva, edited by A.M. Prikhozhan; the mathematical data processing method used in the study: Spearman's rank correlation coefficient. The article analyzes Russian and foreign research in the field of coping strategies and coping behavior during the period of adaptation to professional activity. The leading strategies of overcoming behavior among young professionals are identified. The index of constructiveness of coping behavior strategies for the entire sample is in the range of high constructiveness. 62% of the respondents have a high integral adaptation index, 30% – an average one, 8% – a low one. Spearman's rank correlation coefficient was used to identify the relationship between adaptivity and coping strategies. The predominant types of coping behavior of among young law enforcers in the adaptation process are assertive actions, entering into social contact, and seeking social support. The causes of the complicated adaptation process are impulsive actions, indirect actions, antisocial and aggressive actions.

Keywords: stress; coping behavior; coping strategies; adaptation; correlation analysis; law enforcement.

5.3.9. Legal psychology and accident psychology.

For citation: Kozlovskaya T.N., Aptikieva L.R., Tron' O.S. Young law enforcers' strategies for coping with stressful situations. *All-Russian Research and Practice Journal of Studies in Social Sciences and Humanities*, 2026, no. 1 (20), pp. 93–104. doi 10.46741/sjjournal.2026.20.1.010.

Исследование совладающего поведения представляет собой значимую область научной деятельности, привлекающую внимание как западных, так и отечественных ученых. Исследования Г. Селье, Р. Лазаруса, С. Фолкмана, Л. Мерфи, А. Биллингса, С. Хобфолла, Дж. Роттера, Н. Хаанга, Ф. Кохена, Р. Плутчика, Р. Мосса, Д. Амирхана [1–6] описывают особенности восприятия и реакции на стресс, общий адаптационный синдром, транзактную модель стресса как результат взаимодействия человека со средой через когнитивные, поведенческие и эмоциональные усилия, расширяют понимание копинга, особенно в контексте здоровья и благополучия.

В отечественной науке значительный вклад в изучение совладающего поведения внесли Л. И. Анцыферова, Е. Р. Исаева, И. С. Бусыгина, Т. Л. Крюкова [7; 8], Е. В. Распопин, В. А. Бодров, С. К. Нартова-Бочавер, К. Муздыбаев, Н. Е. Водопьянова и Е. С. Старченкова [4; 9–12]. Их работы способствуют углублению понимания механизмов совладания с жизненными трудностями и стрессовыми ситуациями.

Успешное вхождение молодых сотрудников в организационную структуру и эффективное выполнение ими профессиональных обязанностей никак нельзя рассматривать без процесса адаптации. Адаптация способствует быстрому освоению новых задач и формированию дружелюбной атмосферы в коллективе, что, в свою очередь, повышает уровень работы организации и удовлетворенность сотрудников [2; 13].

Адаптация включает несколько видов, которые играют важную роль в успешном вхождении сотрудника в новый коллектив: профессиональную, социальную и психологическую адаптацию.

По мнению В. А. Слостенина, профессиональная адаптация – это процесс вхождения человека в профессию и установление гармоничных взаимодействий его с профессиональной средой [14]. Данный вид адаптации включает обучение новым навыкам, знакомство с рабочими процессами и стандартами компании, в ходе чего новый сотрудник осваивает свои профессиональные обязанности и требования, связанные с его должностью.

По мнению Ф. Б. Березина, психологическая адаптация – это установление оптимального соответствия личности и окружающей среды в ходе жизнедеятельности человека. Психологическая адаптация включает работу с эмоциональным состоянием человека и создание условий для его психологического комфорта [13]. К этапам психологической адаптации относятся: оценка психологического состояния; создание благоприятной атмосферы; поддержка и консультирование (поддержка со стороны окружения или помощь психолога); регулярный мониторинг психологического состояния сотрудника и предоставление обратной связи.

Профессиональная адаптация является важным этапом успешного начала работы нового сотрудника. Она помогает ему быстро освоиться и начать эффективно выполнять свои трудовые обязанности, внося существенный вклад в работу компании.

А. М. Розенберг, изучая социальную адаптацию, определял ее как сложный и внутренне противоречивый процесс приспособления личности к социальной среде предприятия, к различным структурным элементам производственной среды для выполнения определенных социальных функций в данном производственном коллективе [15].

Г. М. Андреева рассматривает социально-психологическую адаптацию как взаимодействие личности и социальной среды, которое приводит к адекватным соотношениям целей и ценностей личности и группы. Адаптация, по ее мнению, происходит тогда, когда социальная среда способствует реализации потребностей и стремлений личности, служит раскрытию ее индивидуальности [13].

В отечественной психологической науке адаптация рассматривается как процесс разрешения внутренних конфликтов через активную деятельность индивида. А зарубежная психология акцентирует внимание на взаимодействии личности и социальной среды.

Адаптация сотрудников УИС представляет собой сложный и многогранный процесс, включающий психофизиологическую, социально-психологическую и профессиональную составляющие. Каждая из этих форм адаптации может сопровождаться различными трудностями и проблемами, которые требуют индивидуального подхода и разработки соответствующих стратегий.

Проблематика адаптации специалистов к службе в правоохранительных органах разрабатывалась с точки зрения личностных, социально-психологических и профессионально-организационных аспектов. Определенное внимание уделено изучению особенностей, способствующих или затрудняющих процесс адаптации молодых специалистов. Необходимо отметить работы Т. А. Басиной, А. М. Киселева, О. Д. Бочкаревой, Е. С. Лобановой, Д. П. Фукалова, Н. Р. Битяновой, М. Г. Дебольского, А. И. Папкина, В. М. Позднякова, А. И. Ушатикова, О. Н. Степановой, В. Н. Казанцева, Н. А. Тюгаевой, Т. Ю. Базарова, А. В. Пищелко, М. И. Кузнецова, С. А. Лузгина, А. В. Кокурина, А. В. Чечковой, Е. Е. Гавриной, Г. В. Протасовой, Ю. Н. Кравцовой, Р. Н. Киселевой, Н. Г. Соболева и др. [16–21].

Например, в работе О. Н. Степановой рассмотрена специфика адаптации молодых сотрудников. Выделяются факторы, способствующие и препятствующие процессу адаптации. Рассматриваются основные субъективные факторы наиболее значимые для профессиональной адаптации к службе в УИС [22].

Анализ исследований, проведенных среди сотрудников правоохранительных органов и УИС, показывает, что личностные качества, такие как уровень стресса, эмоциональная устойчивость и склонность к переживанию стресса, наличие социальной поддержки со стороны коллег и семьи, способствуют выбору более адаптивных копинг-стратегий [18; 20; 21]. Уровень профессионального опыта и предшествующий опыт в решении конфликтных ситуаций, воздействие стрессоров, с которыми сталкиваются сотрудники (например, взаимодействие с осужденными), влияют на выбор стратегий совладания. Данные факторы в совокупности формируют систему выбора копинг-стратегий, обеспечивая адаптацию сотрудников УИС к сложным профессиональным условиям. Главную роль в процессе адаптации сотрудников УИС играют правильно примененные копинг-стратегии, которые представляют собой совокупность поведенческих, когнитивных и эмоциональных механизмов, направленных на преодоление стрессовых ситуаций и достижение успешного приспособления к новым условиям. Данные стратегии совладающего поведения позволяют сотрудникам справляться с психоэмоциональным напряжением, адаптироваться к специфике профессиональной деятельности и поддерживать высокий уровень профессионализма. Однако специфика копинг-стратегий, используемых при адаптации сотрудников, принятых на службу в органы внутренних дел, остается недостаточно изученной.

В нашем исследовании основными методами являются опросный и диагностический методы: «Стратегии преодоления стрессовых ситуаций» (S. Hobfoll et al.; Strategic Approach to Coping Scale, SACS) в адаптации Н. Е. Водопьяновой и Е. С. Старченковой; «Шкала социально-психологической адаптированности» (C. Rogers, R. Dymond; СПА) в адаптации Т. В. Снегиревой, редакции А. М. Прихожан.

Данное исследование проведено на репрезентативной выборке из 87 респондентов в возрастном диапазоне от 19 до 23 лет. Среди респондентов было 43 женщины и 44 мужчины.

Среди испытуемых выборки, составляющих группу молодых специалистов в области правоохранительной деятельности, были выявлены следующие показатели стратегии преодоления стрессовых ситуаций (табл. 1).

Значение общего индекса конструктивности стратегий преодолевающего поведения по всей группе находится в диапазоне высокой конструктивности – 68 % (59 чел.), что говорит о предпочтении большинства «здорового» преодоления стресса – активного и про-

социального, которое повышает стрессоустойчивость; средние показатели конструктивности имеются у 23 % (20 чел.), низкие показатели индекса конструктивности выявлены у 9 % группы опрошенных, что составляет 8 чел. из 87. Низкая конструктивность означает, что для преодоления трудностей группой чаще используются неконструктивные стратегии: избегание, асоциальные или агрессивные действия.

Таблица 1

Распределение количества респондентов по уровням выраженности шкал опросника «SACS» (%)

Шкала	Высокие значения	Средние значения	Низкие значения
Ассертивные действия	26	55	19
Вступление в социальный контакт	17	51	32
Поиск социальной поддержки	42	36	22
Осторожные действия	40	57	3
Импульсивные действия	30	43	27
Избегание	45	36	19
Непрямые действия	21	66	13
Асоциальные действия	45	30	25
Агрессивные действия	55	24	21
Индекс конструктивности	68	23	9

Высокие результаты по шкале «Поиск социальной поддержки» подтверждают важность социальных ресурсов в управлении стрессом. Это говорит о том, что респонденты осознают необходимость обращения за помощью и взаимодействия с окружающими для преодоления трудностей.

Общее благоприятное положение по использованию конструктивных стратегий указывает на положительный климат в рабочей среде, что является хорошим показателем психологической устойчивости группы.

Таким образом, результаты исследования показывают, что респонденты в целом предпочитают активные и конструктивные стратегии преодоления стресса, однако внимание к неконструктивным механизмам требует дальнейшего изучения и, возможно, внедрения коррекционных мероприятий.

На втором этапе мы проанализировали данные анкетирования и результаты, полученные по опроснику социально-психологической адаптации (СПА) Даймонда – Роджерса, в адаптации Т. В. Снегиревой, А. М. Прихожан.

На основе полученных результатов нами было выделено три уровня адаптации: высокий (адаптированный), средний (среднеадаптированный) и низкий (неадаптированный). Группа респондентов, занимающих большую долю (62 %), состоит из 54 чел., где 25 мужчин и 29 женщин. Высокий интегральный показатель адаптации свидетельствует о том, что респонденты демонстрируют высокую степень приспособленности к социальным условиям, эффективно справляются с требованиями социальной среды и успешно интегрируются в систему межличностных взаимодействий.

Средний интегральный показатель адаптации (30 %, 26 чел. – 12 мужчин, 14 женщин) указывает на нормальный ход процесса адаптации, однако может свидетельствовать о наличии некоторых сложностей или необходимости дополнительной поддержки для достижения полной социальной интеграции.

Группа респондентов, занимающих меньшую долю (8 %, 7 чел. – 4 мужчины и 3 женщины), характеризуется низким интегральным показателем адаптации и может служить индикатором значительных трудностей в процессе социальной адаптации, проявляющихся в проблемах с коммуникацией, принятием социальных норм и ценностей, что, в свою очередь, может приводить к возникновению конфликтных ситуаций и повышению уровня стресса.

Мы соотнесли показатели копинг-стратегий и показатели адаптации (высокий, средний, низкий). Респонденты прибегают чаще к ассертивным действиям (55 %), вступают в социальный контакт (51 %), находятся в поиске социальной поддержки (42 %), прибегают к осторожным действиям (57 %), импульсивным действиям (43 %), избеганию (45 %), непрямым действиям, то есть к манипулированию положением (66 %), асоциальным действиям (45 %), агрессивным действиям (55 %).

Исходя из результатов, можно сказать, что большая часть респондентов (62 %) умеет строить отношения в желаемом направлении, настойчивы, активны и уверены в себе; решают проблемные, трудные ситуации совместно с другими людьми, имеют потребность в межличностных отношениях; склонны к перестраховке, продолжительному анализу вариантов решения и возможных последствий; респондентам также свойственно оказывать скрытое воздействие на других для получения желаемого результата; могут нарушать права других тем, что пытаются доминировать, унижать или оскорблять.

На третьем этапе исследования мы провели корреляционный анализ с помощью критерия Спирмена (табл. 2, 3).

Таблица 2

Значимые коэффициенты корреляции Спирмена по данным методик по всем респондентам
(положительные корреляционные связи)

		Адаптивность	Принятие себя	Внутренний контроль
Ассертивные действия	R	,215*		
	p	0,045		
	N	87		
Вступление в социальный контакт	R		,238*	
	p		0,026	
	N		87	
Поиск социальной поддержки	R	,388**	,299**	,246*
	p	0,000	0,005	0,022
	N	87	87	87
Индекс конструктивности	R	,504**		
	p	0,000		
	N	87		

«Ассертивные действия» и «Адаптивность» показали умеренную связь ($r = ,215^*$), так как способность гибко проявлять себя во взаимодействии, отстаивая свою позицию, напрямую зависит от гибкости и способности проявлять ассертивность. Шкалы «Вступление в социальный контакт» и «Принятие себя» также выявили умеренную корреляционную связь ($r = ,238^*$). Принятие себя напрямую зависит от самооценки человека, его самодостаточности и уверенности в себе. Все это способствует успешным социальным контактам.

Связь адаптивности и поиска социальной поддержки ($r = ,388$) можно объяснить тем, что социальная поддержка помогает человеку справиться с трудностями, снизить стресс и успешно адаптироваться к новым условиям. Социальная поддержка предоставляет ресурсы (уверенность, помощь), которые способствуют эффективному преодолению проблем, что напрямую связано с процессом социальной адаптации. Данная корреляция подчеркивает важность наличия поддержки для успешного преодоления стрессовых ситуаций.

Еще одна корреляционная связь, полученная в результате исследования – это «Поиск социальной поддержки» и «Принятие себя» ($r = ,299$). Социальная поддержка помогает справиться со стрессом, что облегчает процесс самопринятия, а принятие себя повышает самооценку и уверенность, делая человека более способным искать и принимать эту поддержку. Данная корреляция указывает на то, что поддержка окружения способствует позитивной самооценке.

Связь между индексом конструктивности и адаптивностью ($r = ,504$) заключается в том, что высокий ИК чаще всего ассоциируется с более высокой адаптивностью, поскольку конструктивные стратегии (например, сотрудничество и компромисс) позволяют гибко реагировать на стресс и конфликты, в то время как неконструктивные стратегии (такие как избегание или соперничество) могут быть неадаптивными в долгосрочной перспективе. Индекс конструктивности измеряет эффективность копинг-стратегий, а адаптивность – способность личности приспосабливаться к меняющимся условиям, что является результатом успешного применения конструктивных стратегий. Конструктивные стратегии поведения улучшают способность человека адаптироваться.

Таблица 3

Значимые коэффициенты корреляции Спирмена по данным методик по всем респондентам
(отрицательные корреляционные связи)

		Адаптив- ность	Неприня- тие себя	Неприня- тие других	Внутренний контроль	Домини- рование	Ведо- мость
Поиск социальной поддержки	R		-,272*				
	p		0,011				
	N		87				
Импульсивные действия	R	-,248*		-,250*		-,240*	
	p	0,021		0,019		0,025	
	N	87		87		87	
Непрямые дей- ствия	R	-,313**					
	p	0,003					
	N	87					
Асоциальные дей- ствия	R	-,296**					
	p	0,005					
	N	87					
Агрессивные дей- ствия	R	-,396**			-,356**		
	p	0,000			0,001		
	N	87			87		
Индекс конструк- тивности	R		-,248*				-,236*
	p		0,021				0,028
	N		87				87

Наиболее сильную отрицательную связь получили по шкале «адаптация» со шкалами «импульсивные действия» ($r = -,248$), «непрямые действия» ($r = -,313$), асоциальные действия» ($r = -,296$), «агрессивные действия» ($r = -,396$). Импульсивные действия – это необдуманные, внезапные поступки, которые совершаются под влиянием эмоций или внешних обстоятельств, без оценки последствий. На принятие решений, в свою очередь, влияет способность человека к самоконтролю и обдумыванию, поэтому импульсивность напрямую связана с принятием решений. В этом процессе импульсивные действия возникают вместо осознанного принятия решений. Импульсивные действия и непринятие других ($r = -,250$) тесно связаны: импульсивность часто проявляется как неспособность контролировать сильные эмоции, что приводит к необдуманным поступкам, которые могут причинить вред окружающим или спровоцировать конфликты. Непринятие других может быть как причиной, так и следствием импульсивности; например, негативная реакция на других людей может вызывать стресс, который, в свою очередь, усиливает импульсивность. Корреляция указывает на стремление к принятию менее продуманных решений.

Импульсивные действия и доминирование ($r = -,240$) могут быть связаны через эмоциональную неустойчивость и потребность контролировать ситуацию, что проявляется в агрессии, рискованном поведении и неспособности контролировать эмоции. Импульсивность часто приводит к необдуманным поступкам, а потребность в доминировании может

подталкивать к агрессивному поведению или нежеланию считаться с мнением других, что затрудняет социальную адаптацию и отношения.

Непрямые действия и адаптивность ($r = -,313$) тесно связаны: адаптивность является основой для успешного применения непрямых действий, так как требует способности быстро перестраивать стратегию и тактику в ответ на меняющуюся обстановку и действия противника. Способность к адаптации позволяет непрямым действиям быть гибкими и неожиданными, повышая их эффективность.

Адаптивность и асоциальное поведение ($r = -,296$) могут быть связаны: асоциальное поведение может быть формой неуспешной адаптации или способом приспособления к среде, но выгодным только самому человеку и вредным для общества. С одной стороны, высокая адаптивность может привести к асоциальности, если человек адаптируется к своей асоциальной среде и находит в ней выгоду, например к криминальной группировке. С другой стороны, низкая адаптивность может стать причиной асоциального поведения из-за неспособности справляться с трудностями и стрессом.

Агрессивные действия и адаптивность ($r = -,396$) тесно связаны: агрессия может быть как препятствием для адаптации (особенно деструктивная, разрушающая отношения), так и адаптивной реакцией в определенных условиях (например, защита своих границ). Способность адаптироваться часто предполагает умение использовать агрессивность в умеренных количествах, без чрезмерной эскалации, чтобы эффективно решать проблемы и защищать себя, а не наоборот.

Отрицательная связь между шкалами «Поиск социальной поддержки» и «Непринятие себя» ($r = -,272$) подтверждает значимость поддержки для формирования положительной самооценки.

Внутренний контроль и агрессивные действия в данной выборке имеют сильную отрицательную корреляционную связь ($r = -,356$). Это объясняется тем, что внутренний контроль – это способность индивида управлять своим поведением, эмоциями и импульсами, и чем он сильнее, тем ниже вероятность проявления агрессивных действий. Нарушения внутреннего контроля, вызванные, например, стрессом, психическими расстройствами или злоупотреблением психоактивными веществами, могут приводить к вспышкам агрессии. Таким образом, существует прямая связь: чем лучше развит внутренний контроль, тем меньше вероятность агрессии.

Связь между индексом конструктивности стратегий преодолевающего поведения и принятием себя ($r = -,248$) заключается в том, что низкий уровень индекса конструктивности коррелирует с принятием себя, а высокий – с принятием. Это означает, что люди с низким индексом конструктивности используют неэффективные способы совладания со стрессом и, как следствие, демонстрируют более выраженное принятие себя.

Индекс конструктивности стратегий преодолевающего поведения – это показатель, отражающий степень эффективности и адаптивности стратегий, которые человек использует для совладания со стрессом. Ведомость в данном контексте, скорее всего, является частью методики или теста, позволяющего рассчитать этот индекс, а также зафиксировать результаты его оценки. Таким образом, индекс конструктивности показывает, насколько конструктивно (то есть с какой долей позитивности и эффективности) человек справляется с трудностями, а ведомость – это инструмент для его расчета и фиксации. Взаимосвязь между данными шкалами ($r = -,236$).

В заключение можно сделать ряд выводов.

1. Изучение копинг-стратегий молодых специалистов правоохранительной деятельности необходимо для эффективной адаптации к стрессовым условиям службы, предотвращения выгорания и сохранения психического здоровья.

2. Значение общего индекса конструктивности стратегий преодолевающего поведения по всей выборке находится в диапазоне высокой конструктивности, то есть группа респон-

дентов использует адаптивные стратегии для преодоления стресса (например, поиск решения проблемы).

3. Высокий интегральный показатель адаптации выявлен у 68 % респондентов. Респонденты обладают хорошими психологическими и физиологическими механизмами приспособления.

4. Для выявления взаимосвязи адаптивности и стратегий совладающего поведения использовался коэффициент ранговой корреляции Спирмена. Выявлено, что преобладающими типами совладающего поведения в процессе адаптации у молодых специалистов в органах внутренних дел выступают ассертивные действия, вступление в социальный контакт, поиск социальной поддержки.

5. Были выявлены причины затруднения в процессе адаптации: импульсивные действия, непрямые действия, асоциальные действия, агрессивные действия.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Аскарова Г., Усманова Э. З. Основные подходы к изучению копинг-стратегий в трудных жизненных ситуациях // Scientific progress. 2021. № 5. С. 308–316. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-podhody-k-izucheniyu-koping-strategiy-v-trudnyh-zhiznennyh-situatsiyah> (дата обращения: 20.11.2025).
2. Волох В. А., Суворова В. А. Теоретические основы изучения проблем адаптации и интеграции мигрантов в Российский социум // Вестник университета. 2013. № 20. С. 202–208. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-osnovy-izucheniya-problem-adaptatsii-i-integratsii-migrantov-v-rossiyskiy-sotsium> (дата обращения: 13.10.2025).
3. Горбунова Я. Г. Развитие теории копинга // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2013. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-teorii-kopinga> (дата обращения: 20.11.2025).
4. Меркурьев Д. В. Совладающее поведение личности: обзор исследований // Вестник Челябинского государственного университета. Образование и здравоохранение. 2023. № 1 (21). С. 48–57. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovladayuschee-povedenie-lichnosti-obzor-issledovaniy> (дата обращения: 20.11.2025).
5. Сакнаева М. С. Копинг-стратегии: понятие, подходы к изучению, классификация // Актуальные исследования. 2024. № 25 (207). Ч. II. С. 89–92. URL: <https://apni.ru/article/9634-koping-strategii-ponyatie-podhody-k-izucheniyu-klassifikaciya> (дата обращения: 20.11.2025).
6. Човдырова Г. С., Пяткина О. А. Копинг-стратегии личности при адаптации к стрессу // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2021. № 1 (84). С. 41–47. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/koping-strategii-lichnosti-pri-adaptatsii-k-stressu> (дата обращения: 20.11.2025).
7. Крюкова Т. Л. Человек как субъект совладающего поведения / под ред. А. Л. Журавлева, Т. Л. Крюковой, Е. А. Сергиенко. М., 2008. С. 55–65.
8. Крюкова Т. Л. Психология совладающего поведения в разные периоды жизни : автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Кострома, 2005. 473 с.
9. Малиновская Е. Л. Совладающее поведение как предмет исследования психологии личности // Вестник Университета Российской академии образования. 2016. № 2. С. 134–138. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovladayuschee-povedenie-kak-predmet-issledovaniya-psihologii-lichnosti> (дата обращения: 13.10.2025).
10. Нартова-Бочавер С. К. «Coping behavior» в системе понятий психологии личности // Психологический журнал. 1997. Т. 18, № 5. С. 20–30.
11. Рассказова Е. И., Гордеева Т. О. Копинг-стратегии в психологии стресса: подходы, методы и перспективы // Психологические исследования: электронный научный журнал. 2011. № 3 (17). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 20.11.2025).
12. Рассказова Е. И., Гордеева Т. О., Осин Е. Н. Копинг-стратегии в структуре деятельности и саморегуляции: психометрические характеристики и возможности применения методики COPE // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. № 1. С. 82–118.
13. Адаптация личности в современном мире : межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2011. Вып. 3. 110 с.

14. Психология и педагогика : учеб. для вузов / под общ. ред. В. А. Сластенина, В. П. Каширина. М., 2025. 520 с.
15. Константинов В. В. К вопросу о понятии «адаптация» // Проблемы социальной психологии личности. https://psyjournals.ru/nonserialpublications/sgu_socialpsy/contents/30306 (дата обращения: 20.11.2025).
16. Басина Т. А. Особенности совладания со стрессом сотрудников уголовно-исполнительной системы с учетом уровня их жизнестойкости // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки. 2024. № 1. С. 121–130. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-sovladaniya-so-stressom-sotrudnikov-ugolovno-ispolnitelnoy-sistemy-s-uchyotom-urovnya-ih-zhiznestoykosti> (дата обращения: 20.11.2025).
17. Киселев А. М., Бочкарева О. Д. К вопросу адаптации личного состава при действиях в условиях повышенного риска // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2025. № 2-1 (101). С. 152–155. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-adaptatsii-lichnogo-sostava-pri-deystviyah-v-usloviyah-povyshennogo-riska> (дата обращения: 20.11.2025).
18. Лобанова Е. С., Фукалов Д. П. О возможностях рационально-эмотивно-поведенческой терапии в коррекции стратегий совладающего поведения сотрудников уголовно-исполнительной системы // Проблемы современного педагогического образования. 2018. № 60-3. С. 436–439. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-vozmozhnostyah-ratsionalno-emotivno-povedencheskoy-terapii-v-korreksii-strategiy-sovladayuschego-povedeniya-sotrudnikov-ugolovno> (дата обращения: 23.10.2025).
19. Рерке В. И., Портная Я. А. Изучение защитно-совладающего поведения у сотрудников правоохранительной системы // Вестник Омского университета. Серия: Психология. 2019. № 2. С. 42–48. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izuchenie-zaschitno-sovladayuschego-povedeniya-u-sotrudnikov-pravoohranitelnoy-sistemy> (дата обращения: 20.11.2025).
20. Рогач В. Г., Фетищева Л. М. Характеристика стрессоустойчивости сотрудников уголовно-исполнительной системы, осуществляющих профессиональную деятельность в условиях постоянного взаимодействия с осужденными // Мир науки. Педагогика и психология. 2020. Т. 8, № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/harakteristika-stressoustoychivosti-sotrudnikov-ugolovno-ispolnitelnoy-sistemy-osuschestvlyayuschih-professionalnuyu-deyatelnost-v-viewer> (дата обращения: 23.10.2025).
21. Якимова З. В. Профессиональный стресс в правоохранительной деятельности: зарубежный и отечественный опыт исследования // Психолог. 2023. № 1. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39851 (дата обращения: 23.10.2025).
22. Степанова О. Н. Особенности профессиональной адаптации молодых сотрудников к службе в УИС // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. 2010. № 11-1. С. 226–231. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-professionalnoy-adaptatsii-molodyh-sotrudnikov-k-sluzhbe-v-uis> (дата обращения: 20.11.2025).

REFERENCES

1. Askarova G., Usmanova E.Z. Basic approaches to the study of coping strategies in difficult life situations. *Scientific Progress*, 2021, no. 5, pp. 308–316. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-podhody-k-izuchenyu-koping-strategiy-v-trudnyh-zhiznennyh-situatsiyah> (In Russ.). (Accessed November 20, 2025).
2. Volokh V.A., Suvorova V.A. Theoretical foundations of studying the problems of adaptation and integration of migrants into Russian society. *Vestnik universiteta = University Bulletin*, 2013, no. 20, pp. 202–208. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-osnovy-izucheniya-problem-adaptatsii-i-integratsii-migrantov-v-rossiyskiy-sotsium> (In Russ.). (Accessed October 13, 2025).
3. Gorbunova Ya.G. Development of the theory of coping. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk = Actual Problems of the Humanities and Natural Sciences*, 2013, no. 3. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-teorii-kopinga> (In Russ.). (Accessed November 20, 2025).
4. Merkur'ev D.V. The personal coping behavior: research review. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Obrazovanie i zdravookhraneniye = Bulletin of the Chelyabinsk State University. Education and Healthcare*, 2023, no. 1 (21), pp. 48–57. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovladayuschee-povedenie-lichnosti-obzor-issledovaniy> (In Russ.). (Accessed November 20, 2025).

5. Saknaeva M.S. Coping strategies: concept, approaches to study, classification. *Aktual'nye issledovaniya = Current Research*, 2024, no. 25 (207), pp. 89–92. Available at: <https://apni.ru/article/9634-koping-strategii-ponyatie-podhody-k-izucheniyu-klassifikaciya> (In Russ.). (Accessed November 20, 2025).
6. Chovdyrova G.S., Pyatkina O.A. Coping strategies of an individual when adapting to stress. *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh = Psychopedagogy in Law Enforcement*, 2021, no. 1 (84), pp. 41–47. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/koping-strategii-lichnosti-pri-adaptatsii-k-stressu> (In Russ.). (Accessed November 20, 2025).
7. Kryukova T.L. *Chelovek kak sub"ekt sovladayushchego povedeniya* [Person as a subject of coping behavior]. Ed. by Zhuravlev A.L., Kryukova T.L., Sergienko E.A. Moscow, 2008. Pp. 55–65.
8. Kryukova T.L. *Psikhologiya sovladayushchego povedeniya v raznye periody zhizni: avtoref. dis. ... d-ra psikhol. nauk* [Psychology of coping behaviors in different periods of life: Doctor of Sciences (Psychology) dissertation abstract]. Kostroma, 2005. 473 p.
9. Malinovskaya E.L. Coping behavior as a subject of personality psychology research. *Vestnik Universiteta Rossiiskoi akademii obrazovaniya = Bulletin of the University of the Russian Academy of Education*, 2016, no. 2, pp. 134–138. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovladayuschee-povedenie-kak-predmet-issledovaniya-psihologii-lichnosti> (In Russ.). (Accessed October 13, 2025).
10. Nartova-Bochaver S.K. "Coping behavior" in the system of concepts of personality psychology. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological Journal*, 1997, vol. 18, no. 5, pp. 20–30. (In Russ.).
11. Rasskazova E.I., Gordeeva T.O. Coping strategies in stress psychology: approaches, methods and perspectives. *Psikhologicheskie issledovaniya: ehlektronnyi nauchnyi zhurnal = Psychological Research: Electronic Scientific Journal*, 2011, no. 3 (17). Available at: <http://psystudy.ru> (In Russ.). (Accessed November 20, 2025).
12. Rasskazova E.I., Gordeeva T.O., Osin E.N. Coping strategies in the structure of activity and self-regulation: psychometric characteristics and possibilities of using the SORE methodology. *Psikhologiya. Zhurnal Vyshei shkoly ehkonomiki = Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 2013, no. 1, pp. 82–118. (In Russ.).
13. *Adaptatsiya lichnosti v sovremennom mire: mezhvuz. sb. nauch. tr.* [Adaptation of personality in the modern world: interuniversity collection of scientific papers]. Saratov, 2011. No. 3. 110 p.
14. *Psikhologiya i pedagogika: ucheb. dlya vuzov* [Psychology and pedagogy: textbook for universities]. Ed. by Slastenin V.A., Kashirin V.P. Moscow, 2025. 520 p.
15. Konstantinov V.V. On the issue of the concept of "adaptation". *Problemy sotsial'noi psikhologii lichnosti = Problems of Social Psychology of Personality*. Available at: https://psyjournals.ru/nonserialpublications/sgu_socialpsy/contents/30306 (In Russ.). (Accessed November 20, 2025).
16. Basina T.A. Peculiarities of coping with stress of employees of the penal and correctional system taking into account their level of resilience. *Vestnik Gosudarstvennogo universiteta prosveshcheniya. Seriya: Psikhologicheskie nauki = Bulletin of the State University of Education. Series: Psychological Sciences*, 2024, no. 1, pp. 121–130. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-sovladaniya-so-stressom-sotrudnikov-ugolovno-ispolnitelnoy-sistemy-s-uchyotom-urovnya-ih-zhiznestoykosti> (In Russ.). (Accessed November 20, 2025).
17. Kiselev A.M., Bochkareva O.D. On the issue of personnel adaptation when acting in high-risk environments. *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk = International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 2025, no. 2-1 (101), pp. 152–155. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-adaptatsii-lichnogo-sostava-pri-deystviyah-v-usloviyah-povyshennogo-riska> (In Russ.). (Accessed November 20, 2025).
18. Lobanova E.S., Fukalov D.P. On the possibilities of rational-emotive-behavioral therapy in correcting strategies of coping behavior of employees of the penitentiary system. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya = Problems of Modern Pedagogical Education*, 2018, no. 60-3, pp. 436–439. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-vozmozhnostyah-ratsionalno-emotivno-povedencheskoy-terapii-v-korreksii-strategiy-sovladayushchego-povedeniya-sotrudnikov-ugolovno> (In Russ.). (Accessed October 23, 2025).
19. Rerke V.I., Portnaya Ya.A. Studying of protective-behavior among law enforcement officers. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Psikhologiya = Bulletin of Omsk University. Series: Psychology*, 2019, no. 2, pp. 42–48. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/izuchenie-zaschitno-sovladayushchego-povedeniya-u-sotrudnikov-pravookhranitelnoy-sistemy> (In Russ.). (Accessed November 20, 2025).

20. Rogach V.G., Fetishcheva L.M. Characteristics of the stress tolerance of employees of the penal system who carry out professional activities in conditions of constant interaction with convicts. *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya = World of Science. Pedagogy and Psychology*, 2020, vol. 8, no. 6. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/harakteristika-stressoustoychivosti-sotrudnikov-ugolovno-ispolnitelnoy-sistemy-osuschestvlyayuschih-professionalnuyu-deyatelnost-v/viewer> (In Russ.). (Accessed October 23, 2025).

21. Yakimova Z.V. Professional stress in law enforcement: foreign and domestic research experience. *Psikholog = Psychologist*, 2023, no. 1. Available at: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39851 (In Russ.). (Accessed October 23, 2025).

22. Stepanova O.N. Features of professional adaptation of young employees to service in the penal correction system. *Psikhologiya i pedagogika: metodika i problemy prakticheskogo primeneniya = Psychology and Pedagogy: Methodology and Problems of Practical Applications*, 2010, no. 11-1, pp. 226–231. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-professionalnoy-adaptatsii-molodyh-sotrudnikov-k-sluzhbe-v-uis> (In Russ.). (Accessed November 20, 2025).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА КОЗЛОВСКАЯ – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры общей психологии и психологии личности Оренбургского государственного университета, Оренбург, Россия, kozlovskajatn@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1984-7282>

ЛЯЙЛЯ РАХМАТУЛЛОВНА АПТИКИЕВА – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры общей психологии и психологии личности Оренбургского государственного университета, Оренбург, Россия, aptikieva@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5616-298X>

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА ТРОНЬ – кандидат педагогических наук, доцент кафедры социальной психологии, социальной работы и probation Академии ФСИН России, Рязань, Россия, persik.83@list.ru, <https://orcid.org/000-0001-6268-3853>

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

TAT'YANA N. KOZLOVSKAYA – Candidate of Sciences (Pedagogy), Associate Professor, associate professor at the Department of General Psychology and Personality Psychology of the Orenburg State University, Orenburg, Russia, kozlovskajatn@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1984-7282>

LYAILYA R. APTIKIEVA – Candidate of Sciences (Pedagogy), Associate Professor, associate professor at the Department of General Psychology and Personality Psychology of the Orenburg State University, Orenburg, Russia, aptikieva@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5616-298X>

OL'GA S. TRON' – Candidate of Sciences (Pedagogy), associate professor at the Department of Social Psychology, Social Work and Probation of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russia, persik.83@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6268-3853>

Статья поступила 24.11.2025

Научная статья

УДК 159.9

doi 10.46741/sgjournal.2026.20.1.011

Особенности психоэмоциональных состояний ВИЧ-инфицированных осужденных

ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ ОРЛОВ

Рязанский филиал Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, Рязань, Россия, pallidum@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2972-5457>

АЛЕНА ДМИТРИЕВНА УСТИНОВА

ГУФСИН России по Свердловской области, Екатеринбург, Россия, ustinova.aleona2016@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются психоэмоциональные особенности ВИЧ-инфицированных осужденных, содержащихся в исправительных учреждениях. Объектом исследования выступили психоэмоциональные состояния ВИЧ-инфицированных осужденных. Данные результаты получены при помощи анализа методик САН (самочувствие, активность, настроение) и «Опросник Шмишека», а также опросника для выявления уровня агрессии Басса – Дарки. Анализ полученных результатов позволил выявить особенности психоэмоциональных состояний ВИЧ-инфицированных осужденных и разработать на основе полученных данных психокоррекционную программу.

Ключевые слова: психоэмоциональное состояние; агрессивность; эмоциональная неустойчивость; ВИЧ-инфицированные осужденные; исправительные учреждения.

5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности.

Для цитирования: Орлов В. В., Устинова А. Д. Особенности психоэмоциональных состояний ВИЧ-инфицированных осужденных // Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований. 2026. № 1 (20). С. 105–119. doi 10.46741/sgjournal.2026.20.1.011.

Original article

Characterizing Psychoemotional State of HIV-Infected Convicts

VLADIMIR V. ORLOV

Ryazan Branch of the Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ryazan, Russia, pallidum@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2972-5457>

ALENA D. USTINOVA

Main Directorate of the Federal Penitentiary Service of Russia in the Sverdlovsk Oblast, Yekaterinburg, Russia, ustinova.aleona2016@yandex.ru

Abstract. The article considers psychoemotional characteristics of HIV-infected convicts held in correctional institutions. Psychoemotional state of HIV-infected convicts is an object of the study. Methods of SAN (well-being, activity, mood) and the Schmieschek Questionnaire, as well as the Buss-Durkey Inventory for detecting an aggression level, are used. The analysis of the results obtained makes it possible to determine the specifics of psychoemotional states of HIV-infected convicts and to develop a psychocorrection program.

Key words: psychoemotional state; aggressiveness; emotional instability; HIV-infected convicts; correctional institutions.

5.3.9. Legal psychology and accident psychology.

For citation: Orlov V.V., Ustinova A.D. Characterizing psychoemotional state of HIV-infected convicts. *All-Russian Research and Practice Journal of Studies in Social Sciences and Humanities*, 2026, no. 1 (20), pp. 105–119. doi: 10.46741/sgjournal.2026.20.1.011.

По состоянию на дату написания данной работы в Российской Федерации официально поставлено на учет свыше 1,13 млн носителей вируса иммунодефицита человека (ВИЧ) [1]. Благодаря успехам современной антиретровирусной терапии, носительство ВИЧ перешло из категории смертельных заболеваний в категорию неизлечимых заболеваний с длительным течением. Если еще двадцать лет назад период от ВИЧ-инфицирования до момента смерти составлял 3–5 лет, то теперь при условии адекватного лечения только латентная стадия (фаза заболевания от момента заражения до появления первых клинических симптомов) может длиться 10 лет и более.

Однако это имеет и негативное последствие в виде постоянно растущего числа носителей ВИЧ-инфекции, которое вкупе с *de novo* инфицированными дает тенденцию к постоянному увеличению количества заболевших.

Являясь утрированной моделью общества, места лишения свободы (МЛС) сталкиваются с теми же проблемами, что и общество в целом, но в более выраженных формах [2; 3]. Появление значительного числа ВИЧ-инфицированных осужденных в пенитенциарных учреждениях обусловило возникновение новых проблемных аспектов, требующих глубокого осмысления и специфических подходов к решению возникших задач [4]. Ежегодное увеличение численности ВИЧ-инфицированных в местах лишения свободы способствует повышению психологического напряжения и провоцирует возникновение конфликтных ситуаций [5].

Содержание заключенных в пенитенциарном учреждении является прерогативой государства и не должно быть связано с рисками для здоровья других лиц – осужденных и сотрудников Федеральной службы исполнения наказаний, что крайне трудно реализуемо в МЛС как из-за их специфики, так и из-за ограниченных возможностей организации здоровой среды обитания в учреждениях пенитенциарной системы. Вместе с тем только здоровьесохраняющая среда способна обеспечить личную безопасность ВИЧ-инфицированных осужденных и минимизировать криминогенные аспекты в отношении совершения преступлений против них именно из-за факта ВИЧ-носительства, что в дальнейшем может стать основой комплексного соблюдения прав инфицированных лиц, находящихся в изоляции.

Основным отягчающим фактором пребывания ВИЧ-инфицированных осужденных в МЛС являются их взаимоотношения со здоровыми заключенными. Последние далеко не всегда толерантно относятся к соседству с ВИЧ-инфицированными, что вызывает острое беспокойство и пренебрежение, которые приводят к росту количества преступлений в отношении инфицированных заключенных [6]. В пенитенциарных учреждениях по-прежнему имеют место насилие и дискриминация в отношении ВИЧ-инфицированных осужденных,

что ведет к возникновению конфликтных ситуаций и нарушению личной и общественной безопасности, повышает риски для здоровья и жизни заключенных – носителей ВИЧ [7]. Ситуацию усугубляет широкое распространение в МЛС криминальной субкультуры, постулаты которой декларируют пренебрежительное отношение к такой категории заключенных. По данным Д. А. Никитина и М. Н. Богданова, каждый третий ВИЧ-инфицированный осужденный сталкивался с травлей со стороны здоровых осужденных. Причем в 72 % случаев причиной такой травли являлось иррациональное негативное отношение к личности инфицированного осужденного в связи с фактом наличия у него ВИЧ-инфекции [8].

Свою роль в возникновении конфликтных ситуаций между осужденными играет их длительное совместное нахождение в замкнутом пространстве. Этот факт сам по себе негативно влияет на психику, тем более если лицо, с которым приходится разделять ограниченную территорию, рассматривается как вольная или невольная угроза инфицирования [9].

В условиях пенитенциарного учреждения осужденные не имеют возможности занять себя чем-либо. Отсутствие физической активности, скучное и монотонно-однообразное времяпрепровождение влияют на усугубление ситуации и создают напряженность и неблагоприятную атмосферу. Подобные условия способствуют повышению небезопасных (а зачастую откровенно аутоагрессивных) действий: в целях избавления от скуки осужденные начинают употреблять суррогатные наркотические средства, наносить татуировки, вовлекаются в сексуальные девиантного характера отношения. Причем все перечисленные действия сопряжены с ухудшением эпидемиологической обстановки в отношении ВИЧ-инфекции [10].

Контакт с кровью ВИЧ-инфицированных осужденных возможен в результате насильственных действий в пенитенциарном учреждении через открытую рану. Конфликтные ситуации могут возникать на фоне оскорблений, избиений, краж или порчи личного имущества или продуктов питания, нарушения финансовых отношений. Зачастую ВИЧ-инфицированные осужденные попадают в низшие страты неформальной тюремной иерархии, что фиксирует их в стагнирующей виктимогенной ситуации [11; 12].

Отдельно стоит отметить отсутствие практики привлечения к уголовной ответственности за организацию обструкции инфицированных осужденных, что можно объяснить различными факторами [13].

Заражение болезнью в процессе отбывания наказания в местах лишения свободы не входит в число наказаний, которые предусмотрены судебным приговором. Поэтому необходимо констатировать, что условия исправительного учреждения не могут гарантировать охрану здоровья как ВИЧ-инфицированных, так и здоровых осужденных [14].

Сегодня возникла необходимость в разработке и принятии изменений уголовного и уголовно-исполнительного законодательства в отношении особенностей содержания лиц, страдающих социально значимыми заболеваниями, среди которых особое место занимает ВИЧ-инфекция, а деятельность исправительного учреждения должна быть направлена на процесс обеспечения инфекционной безопасности [15].

Концепцией развития уголовно-исполнительной системы до 2030 г., утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 29.04.2021 № 1138-р, предусмотрено создание мер по повышению эффективности противодействия распространению социально значимых заболеваний и заболеваний, представляющих опасность для окружающих. Кроме того, Концепция ставит цель в виде совершенствования воспитательной, психологической и социальной работы с осужденными, направленного на формирование уважительного отношения к обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития.

Таким образом, основополагающий документ Федеральной службы исполнения наказаний констатирует наличие потребности в поиске специфических ресурсов, которые

станут основой для исправительной психокоррекции. Выявление особенностей личности, психоэмоционального состояния ВИЧ-инфицированных осужденных способствует своевременному улучшению качества жизни и предотвращает такие формы поведения, которые могут вести к распространению ВИЧ, то есть имеет и противоэпидемическое значение.

Несмотря на отсутствие трудов, комплексно охватывающих означенную тематику, разрозненные исследования в области пенитенциарной психологии были проведены в разные годы В. Ф. Пирожковым, А. С. Михлиным, А. Н. Суховым, В. Г. Деевым, В. В. Яковлевым. Работы междисциплинарного характера, охватывающие не только психологические, но и медицинские аспекты и исследующие нарушения сфер жизни у больных ВИЧ-инфекцией и неизлечимыми заболеваниями, опубликованы В. В. Покровским, Р. Н. Киселевой и М. А. Мадоян. Анализом психологических особенностей смысловой сферы занимались независимо друг от друга Г. К. Корнеева и П. Н. Казберов. Изучение эпидемиологической характеристики ВИЧ-инфекции в пенитенциарной системе региона с высоким уровнем пораженности ВИЧ было проведено С. Е. Кондратовой. Вопросы контраггессивного поведения ВИЧ-инфицированных осужденных и проблемы их постпенитенциарной ресоциализации рассматривал В. В. Орлов.

Наличие у ВИЧ-инфицированных осужденных изменений личности является аксиомой, не требующей доказательств. Они являются следствием как персистенции вируса в нервной ткани инфицированного (ВИЧ-обусловленная деменция) [16], так и осознания своего состояния (экзистенциальный слом) [17].

Последний фактор может быть отягощен внешним неблагоприятным воздействием. На данный момент практикуется совместное содержание ВИЧ-положительных осужденных с остальным спецконтингентом, поэтому бывают случаи отторжения больного некоторыми осужденными, не имеющими понимания способов распространения заболевания. Деформируется и смысловая сфера ВИЧ-инфицированного – появляется угроза реализации жизненных планов, изменение целей, привычного образа жизни или даже потеря ее смысла.

Цель исследования – выявление специфических особенностей личности ВИЧ-инфицированных осужденных с последующей разработкой практических рекомендаций по психологическому сопровождению лиц данной категории.

Основная масса отбывающих наказание исходно имеет искаженное восприятие реальности, повышенную агрессивность, импульсивность, которая сопровождается конфликтностью [18]. Контингент ВИЧ-инфицированных осужденных является особой группой, которая сталкивается с изменениями планов на жизнь в связи с заболеванием и попаданием в места изоляции (ситуация двойного стресса). Большинство лиц, имеющих заболевание, ощущают состояние фрустрации, отсутствие удовлетворенности от жизни. Для таких осужденных свойственны повышенная уязвимость, ранимость и высокая чувствительность в межличностных отношениях, однако отсутствует эмпатия по отношению к окружающим. Поставлены задачи выявить особенности психоэмоционального состояния осужденных, имеющих ВИЧ-инфекцию, и на основе полученных данных организовать психологическое сопровождение, направленное на коррекцию эмоционально-волевой сферы личности.

Исследование было разделено на несколько этапов.

1. На первом этапе был проведен анализ отечественных и зарубежных научных материалов по озвученной проблеме, и на его основе определены объект, предмет, цель и задачи исследования.

2. На втором этапе был подобран и обоснован комплекс методов и методик для эмпирического исследования психоэмоциональных состояний ВИЧ-инфицированных осужденных.

3. На третьем этапе была проведена диагностика осужденных, отбывающих наказание в местах лишения свободы, с целью изучения их психологических особенностей.

4. Четвертый этап был посвящен обработке и анализу полученных данных.

5. На пятом этапе была разработана психокоррекционная программа, направленная на снижение агрессивности и эмоциональной неустойчивости ВИЧ-инфицированных осужденных.

Пятый этап в настоящий момент находится в стадии реализации, и результаты применения психокоррекционной программы планируется изложить в отдельной статье. Однако, поскольку материал, накопленный перед созданием программы, имеет самостоятельный научный интерес, авторы приняли решение представить его в настоящей работе.

В исследовании приняли участие 50 осужденных ФКУ ИК-10 ГУФСИН России по Свердловской области. В выборку вошли осужденные, имеющие ВИЧ-инфекцию на протяжении более трех лет с момента постановки диагноза (25 чел.), и осужденные, не имеющие ВИЧ-инфекции (25 чел.). Группа из неинфицированных осужденных была введена в эксперимент в качестве контрольной, а также для сохранения конфиденциальности данных о наличии заболевания у лиц, составляющих первую группу.

С помощью метода анкетирования были выделены социально-демографические особенности осужденных, участвующих в исследовании. Анкета была разработана авторами и предоставлялась вместе с остальными опросниками выбранного психодиагностического инструментария.

В ходе анкетирования 100 % ВИЧ-инфицированных признались, что являются носителями ВИЧ-инфекции.

На вопрос «Принимаете ли вы соответствующее лечение?» положительно ответили 80 % респондентов из числа вирусоносителей. 20 % ВИЧ-инфицированных осужденных отказываются от терапии, что, по мнению лечащего врача, обусловлено стабильно подавленным настроением и отсутствием планов на дальнейшую жизнь.

Все участники исследования являются лицами мужского пола. 54 % из них имеют возраст от 25 до 35 лет, 27 % – от 35 до 45 лет, 19 % – более 45 лет. Все осужденные отбывали наказание в первый раз.

Осужденные, участвующие в исследовании, в основном ранее не работали. 5 % респондентов имеют высшее образование; 47 % – среднее специальное (колледж, техникумы); 7 % – законченное среднее; 30 % – незаконченное среднее; 11 % – начальное образование (не более 4 классов обучения).

Со слов участников исследования, 28 % из них состоят в гражданском браке; 26 % разведены; 6 % состоят в официальном браке; 40 % в браке не состоят.

67 % осужденных отметили, что имели опыт употребления наркотиков, используя внутривенную инъекцию, что могло стать причиной передачи ВИЧ-инфекции.

На вопрос анкеты «Сопровождается ли для вас пребывание в местах лишения свободы сильными эмоциональными переживаниями?» большинство респондентов указали такие чувства, как тревога, депрессия, враждебность, агрессия и злость. 80 % анкетированных отметили соматические проявления, в частности плохой сон и повышенную раздражительность. Двое анкетированных признались, что тревожные мысли в связи с заболеванием носят у них характер патологической навязчивости.

Однако, отвечая на вопрос о необходимости помощи от сотрудников психологической лаборатории исправительного учреждения, большинство осужденных отрицало желание получения психологической помощи.

В ходе исследования были применены следующие методики:

– методика оценки психоэмоционального состояния (Самочувствие, активность, настроение (САН) В. А. Доскин, М. П. Мирошников и др.);

– опросник враждебности Басса – Дарки (Buss – Durkey Inventory (BDHI); А. Басс, А. Дарки);

– опросник Шмишека (Schmieschek Fragebogen, H. Schmieschek, адаптация Ю. В. Кортнева).

Для объективизации данных, полученных в ходе анкетирования, была применена методика оценки психоэмоционального состояния САН, которая позволила не только оценить актуальное психоэмоциональное состояние респондентов, но и посмотреть его корреляцию с результатами анкетирования, то есть фактически было проанализировано соответствие реального психологического статуса и самоощущения испытуемых. Результаты применения методики САН представлены на рис. 1.

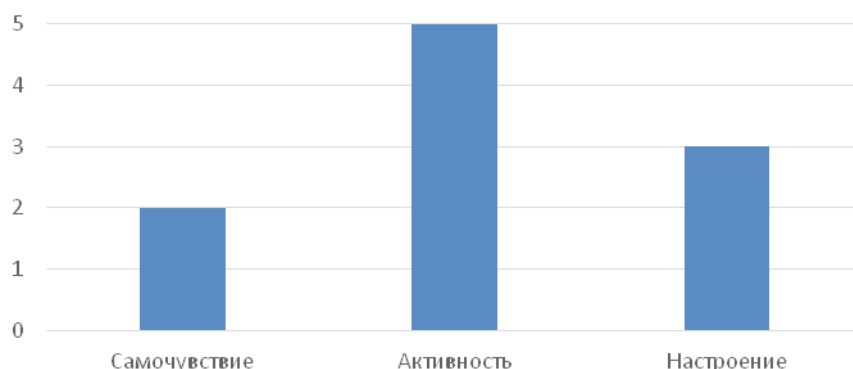


Рис 1. Усредненные результаты по методике САН (самочувствие, активность, настроение)

Результаты показали, что респонденты отмечают пониженное самочувствие и настроение. При этом шкалы самочувствия и настроения имеют почти одинаковый балл, что говорит об общей подавленности, неудовлетворенности, фрустрации осужденных.

При анализе по подгруппам ВИЧ-инфицированные осужденные / здоровые осужденные результаты распределились следующим образом (рис. 2).

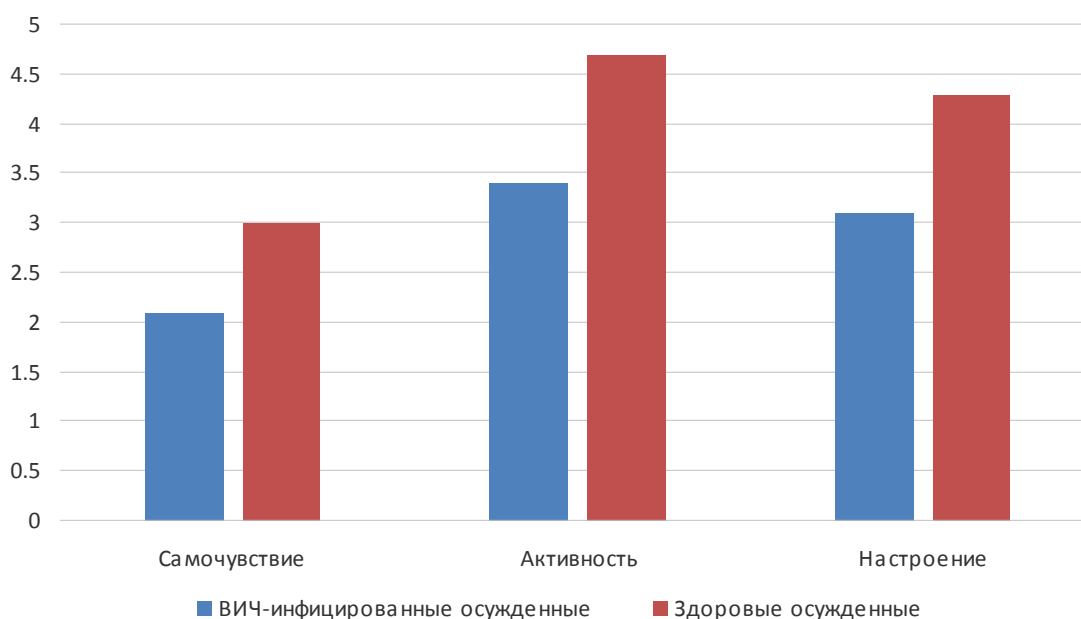


Рис 2. Результаты по методике САН (самочувствие, активность, настроение)

Сравнительный анализ по методике САН демонстрирует закономерные различия в результатах в выборках ВИЧ-инфицированных и здоровых осужденных. Так, например, самочувствие отмечается в худшую сторону у лиц, имеющих инфекцию. Это обусловлено протеканием болезни, ухудшением психоэмоционального состояния, связанным с внутренними переживаниями. У ВИЧ-инфицированного осужденного отмечается пониженная активность. Такие осужденные не стремятся к деятельности, предпочитают размеренность и спокойствие. По шкале «настроение» результаты ВИЧ-инфицированных осужденных также

ниже, чем у здоровых. В процессе беседы некоторые имеющие заболевание транслируют пессимистическое настроение, пассивность, апатию, нежелание строить планы на дальнейшую жизнь.

Таким образом, методика САН дает понимание о пониженных показателях и общем неудовлетворительном психоэмоциональном состоянии ВИЧ-инфицированного осужденного в сравнении со здоровым. Осужденный с ВИЧ-инфекцией характеризуется пассивным образом жизни, отсутствием инициативности, безразличием, апатичностью. Наблюдается подавленный психоэмоциональный фон и частые перемены настроения. Общая тенденция у лиц, имеющих ВИЧ-инфекцию, проявляется в преобладании негативных эмоций и мыслей.

Основными факторами, негативно влияющими на психоэмоциональное состояние, по мнению исследуемых ВИЧ-инфицированных, являются существующие в обществе предубеждения к людям, имеющим ВИЧ-инфекцию; присутствие постоянного беспокойства о своем здоровье, что характерно для любого человека, столкнувшегося с хроническим заболеванием. Кроме этого, большинством были отмечены повышенное напряжение из-за необходимости скрывать от общества свою болезнь, опасения дискриминационных действий.

Даже прием антиретровирусной терапии способен дать парадоксальную реакцию и вызвать ухудшение эмоционального фона. Исследуемые объяснили это ощущением «зависимости» от принятия препаратов, необходимостью «пожизненного» их применения, а также беспокойство о том, найдутся ли средства на продолжение терапии после освобождения из МЛС.

Уровень агрессии определялся по методике «Опросник Баса – Дарки». Под агрессивностью понимается свойство личности, характеризующееся наличием деструктивных тенденций в основном в области субъектно-объектных отношений. Враждебность понимается как реакция, развивающая негативные чувства и негативные оценки людей и событий, что важно учитывать в условиях уголовно-исполнительной системы. Повышенная враждебность требует внимания со стороны сотрудников психологических лабораторий исправительного учреждения, так как влияет на состояние оперативной обстановки, возникновение конфликтных ситуаций, суицидальных актов и актов членовредительства.

Методика на выявление уровня агрессии была выбрана после проведения индивидуальных бесед с осужденными. Лицам с ВИЧ-инфекцией в процессе общения было свойственно проявлять импульсивность, резкость, повышенную гневливость по отношению к

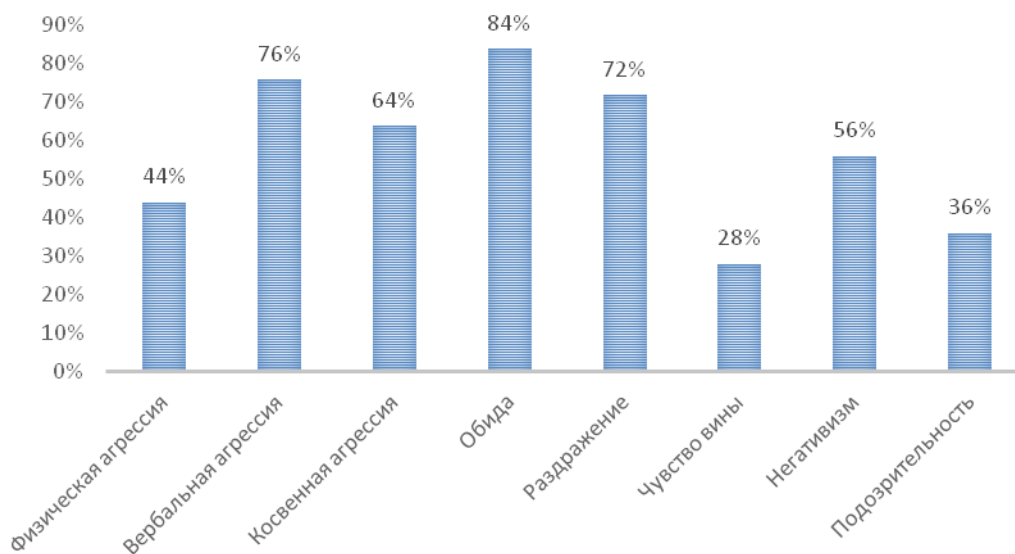


Рис 3. Результаты диагностики агрессии ВИЧ-инфицированных осужденных по методике Басса – Дарки

сотрудникам исправительного учреждения и при взаимодействии со спецконтингентом. Такие проявления могут как свидетельствовать об изменениях эмоционально-волевой сферы поведенческого (то есть обратимого) характера, так и являться симптомами поражения нейронов головного мозга (ВИЧ-обусловленная деменция с распадом тормозных межнейронных связей). Результаты, полученные в ходе тестирования, представлены на рис. 3 (анализировались только анкеты ВИЧ-инфицированных осужденных).

На графике указано количество лиц (в процентах), имеющих завышенные показатели по шкалам.

Домирирующим (84 %) показателем у осужденных, имеющих ВИЧ-инфекцию, является «обида». Такие осужденные могут быть обижены на обстоятельства, приведшие к заболеванию, на саму болезнь как фактор ухудшения физического состояния и на то, что инфекция поразила именно их. Нельзя недооценивать данное состояние, поскольку пенитенциарной практике известны случаи, когда осужденные намеренно заражали других лиц ВИЧ-инфекцией или предпринимали такие попытки.

76 % осужденных, являющиеся ВИЧ-инфицированными, отмечают, что способны к резким словесным высказываниям, нецензурной брани и готовы ответить резко при малейшей грубости, направленной в их сторону. Повышенная агрессивность может быть результатом заболевания, поскольку болезнь воспринимается как индивидуальная уязвимость, нарушающая процесс адаптации к стрессовым факторам, возникающими в условиях изоляции от общества. Мы трактуем такое поведение как единственную доступную форму разрядки постоянного эмоционального напряжения и компенсации ощущения собственной неполноценности в силу особенностей здоровья. Однако нельзя исключать и формирование демонстрационного элемента поведения по типу «не тронь меня!».

72 % респондентов отмечают раздражительность. Это может быть обусловлено снижением приспособления к стресс-факторам, возникающим в условиях отбывания наказания, и реактивной реакцией на раздражители. Осужденный имеет сниженные эмоциональные ресурсы для применения саморегуляции. Обучение навыкам саморегуляции ВИЧ-инфицированных осужденных является неотъемлемой частью работы сотрудников психологических лабораторий исправительного учреждения.

У 64 % респондентов, участвующих в исследовании, выявлена повышенная косвенная агрессия, которая характеризует осужденного склонного к перенаправлению злости на другое лицо. Например, если осужденный недоволен своим недугом, то агрессия может быть переключена (зачастую под надуманным предлогом) на иного осужденного из отряда. При этом 44 % респондентов склонны к применению физического насилия в случае несогласия с высказываниями или действиями администрации или спецконтингента.

56 % респондентов отметили повышенный негативизм. Они воспринимают окружающий мир с недовольством, демонстрируют ожидание наихудшего сценария развития событий. Осужденный видит неспособность реализовать свои прежние планы на жизнь, ощущает безнадежность.

36 % респондентов отметили повышенную подозрительность. Данный фактор обусловлен ожиданием предательства («подлянок») со стороны других осужденных. Кроме этого, некоторые осужденные боятся конфликтов, возникающих на фоне неосведомленности других осужденных о способах передачи ВИЧ-инфекции. ВИЧ-инфицированный осужденный имеет страх стать аутсайдером в отряде, остаться без поддержки и общения. Подозрительность может быть вызвана ощущением возможного «наказания» от окружающих за заболевание. Такие осужденные ощущают себя «дефектными», стараются скрыть факт болезни, постоянно находятся в дискомфортном состоянии.

Наконец, последний диагностируемый фактор – чувство вины – оказался повышен у 28 % респондентов. Вина, как правило, увязывается с семейно-родственными отношениями и носит комплексный характер, то есть осужденный раскаивается и за совершенное

преступление, из-за которого находится сейчас в МЛС, и за заражение ВИЧ-инфекцией. Однако некоторые респонденты в процессе беседы старались вызвать чувство вины у окружающих, желая получить сочувствие и внимание.

Таким образом, анализируя результаты выявления уровня агрессии, основная масса ВИЧ-инфицированных осужденных склонны к проявлению вербальной агрессии, заключающейся в желании ругаться и высказываться нецензурно. Они переживают чувство обиды из-за несправедливости окружающего мира, имеют повышенную раздражительность из-за отсутствия ресурсов для реакции на стресс-факторы. Категория осужденных, имеющих ВИЧ-инфекцию, является более уязвимой, чем здоровые осужденные.

Сравнительный анализ с осужденными, не имеющими ВИЧ-инфекции, дал следующие результаты (рис. 4).

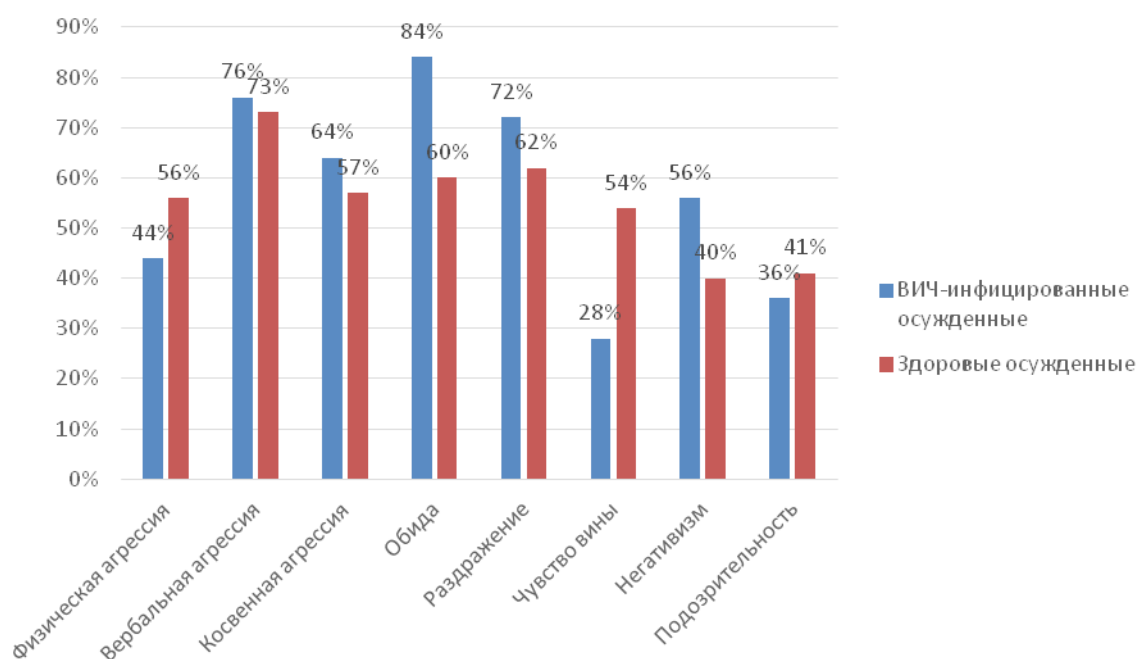


Рис 4. Сравнительный анализ по методике диагностики агрессии Басса – Дарки

Наименьший (5 % и менее) разброс продемонстрировали шкалы «вербальная агрессия» и «подозрительность». Можно предположить, что данные факторы не имеют взаимосвязи с заболеванием.

Наибольшее расхождение в пользу здоровых осужденных (26 %) дал показатель «чувство вины». Связано это с тем, что тенденция к прогнозированию благоприятного будущего у здоровых осужденных развита лучше, чем у ВИЧ-инфицированных. При этом успех в будущем увязывается именно с неповторением правонарушающего поведения, а воспоминания об уже совершенном правонарушении вызывают чувство стыда. Косвенно это подтверждают результаты, полученные по шкале «негативизм»: здоровые осужденные по сравнению с ВИЧ-инфицированными склонны к принятию окружающей реальности с большей адекватностью.

Второй по уровню разброса (24 %) является шкала «обида». Здоровые осужденные имеют меньшую тенденцию к переживанию чувства обиды, чем осужденные, имеющие ВИЧ-инфекцию. Скорее всего, это обусловлено переживанием субъективной несправедливости приобретения заболевания. Раздражение у здоровых осужденных выражено в меньшей степени, чем у осужденных, имеющих заболевание. Это крайне негативно влияет на резерв личностных ресурсов для преодоления стресса, вызванного угрозой здоровью.

Таким образом, есть выраженные отличия между показателями агрессии ВИЧ-инфицированных осужденных и осужденных с отсутствием заболевания.

Углубленный анализ психологических особенностей ВИЧ-инфицированных осужденных был проведен с использованием методики «Опросник Шмишека», направленной на выявление акцентуаций характера. Под акцентуацией подразумевается избыточность проявления некоторых черт характера или их сочетаний. Акцентуация не считается патологией, это крайняя степень нормы, за которой следует психопатия – необратимая патология характера, приводящая к нарушению адаптации и взаимодействия человека с окружающей средой. Наиболее ярко акцентуации характера выражаются в подростковом возрасте, в период становления характера. Под влиянием жизненного опыта акцентуации могут смягчаться и превращаться в «скрытые акцентуации». Обобщенные данные по итогам проведения методики Шмишек среди ВИЧ-инфицированных осужденных приведены на рис. 5.

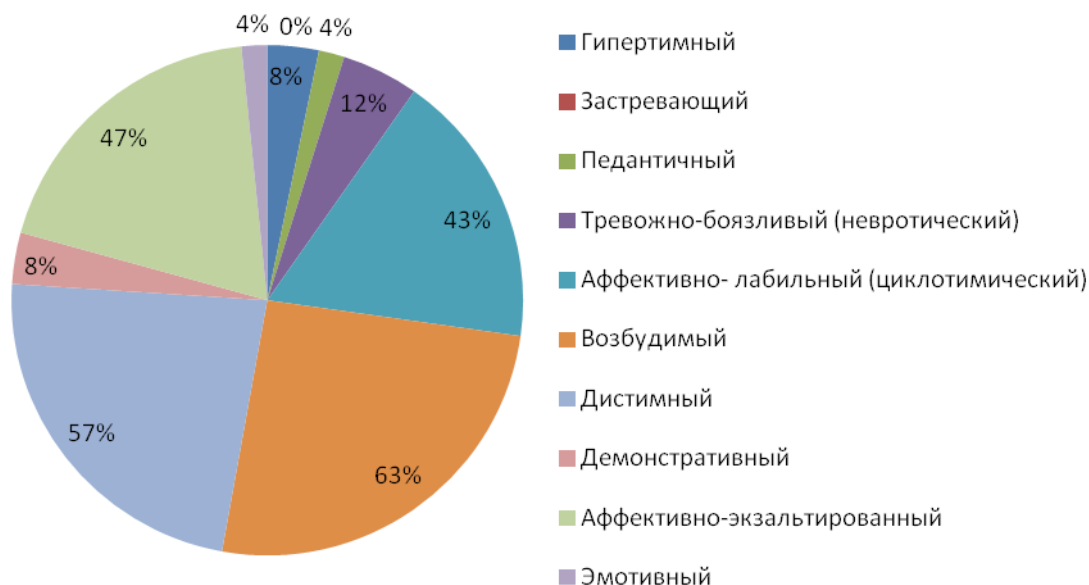


Рис 5. Сравнение показателей типов акцентуации по результатам всех шкал по опроснику Шмишека ВИЧ-инфицированных осужденных

Как видно из диаграммы, преобладающими типами акцентуации являются возбудимый, дистимный, аффективно-экзальтированный, аффективно-лабильный. Наименее распространенными являются эмотивный и педантичный типы. Застревающий тип не был выявлен ни у кого из осужденных, имеющих ВИЧ-инфекцию.

Для основной массы респондентов (63 %) характерен возбудимый тип. Они отличаются недовольством, агрессивностью, низкой контактностью, конфликтностью, склонностью обвинять в своих проблемах всех, кроме себя. Такие осужденные не могут принять ответственность за свою жизнь ввиду снижения волевого контроля.

Дистимный тип акцентуации выявлен у 57 % респондентов. Для них характерны пониженное настроение и заторможенность психической деятельности; превалируют пессимистические мысли, робость, замедленные реакции. Осужденные, имеющие этот тип, будут хуже других адаптироваться как к местам лишения свободы, так и к заболеванию, так как они не способны выдерживать эмоциональные нагрузки.

Аффективно-экзальтированный тип личности выявлен у 47 % респондентов. Им присущи изменчивость психоэмоционального состояния, перепады настроения. Они могут интенсивно отреагировать на незначительные события. У таких осужденных отмечается склонность к самообвинению, присутствуют тенденция к избеганию, низкая нервно-психическая устойчивость, трудности самоконтроля.

Аффективно-лабильный (циклотимный) тип акцентуаций наблюдается у 43 % респондентов. Такие личности могут иметь периоды подъема настроения, когда они приветливы и общительны, и спада, когда мир воспринимается через призму негативизма. Им прису-

щи замкнутость, отсутствие последовательности в принятии решений, возможны вспышки раздражительности, обидчивость, повышенные требования и ожидания.

Тревожно-боязливый (невротический) тип акцентуации выявлен у 12 % осужденных, имеющих ВИЧ-инфекцию. У осужденных, имеющих данный тип, наблюдаются повышенное ощущение одиночества, тревожности, нерешительности; склонность к заниженной самооценке, ранимость, постоянные сомнения в себе; типичны эмоциональная неустойчивость и низкая продуктивность в деятельности.

У 8 % осужденных выявлена демонстративная акцентуация личности. Такие личности остро нуждаются во внешнем одобрении, которое при злокачественном течении может принять характер аддиктивного пристрастия. Они обладают артистизмом, обаянием и яркостью в выражении чувств. Часто переоценивают свои возможности, так как отсутствует адекватное восприятие реальности. Эта группа наиболее склонна ко лжи и манипулированию.

Также у 8 % осужденных выявлен гипертимный тип. Такие осужденные характеризуются повышенной активностью, склонностью к риску, оптимизмом. Однако присутствуют и дезадаптивные черты, такие как импульсивность, слабое терпение, неспособность к концентрации, необдуманность высказываний.

По 4 % набрали педантичный и эмотивный типы. Первый проявляется в склонности к самообвинению, четкому следованию нормам, аккуратности и надежности. Для второго характерны склонность к депрессии и болезненная обидчивость, что в условиях исправительного учреждения может привести к актам членовредительства и суицидальным попыткам.

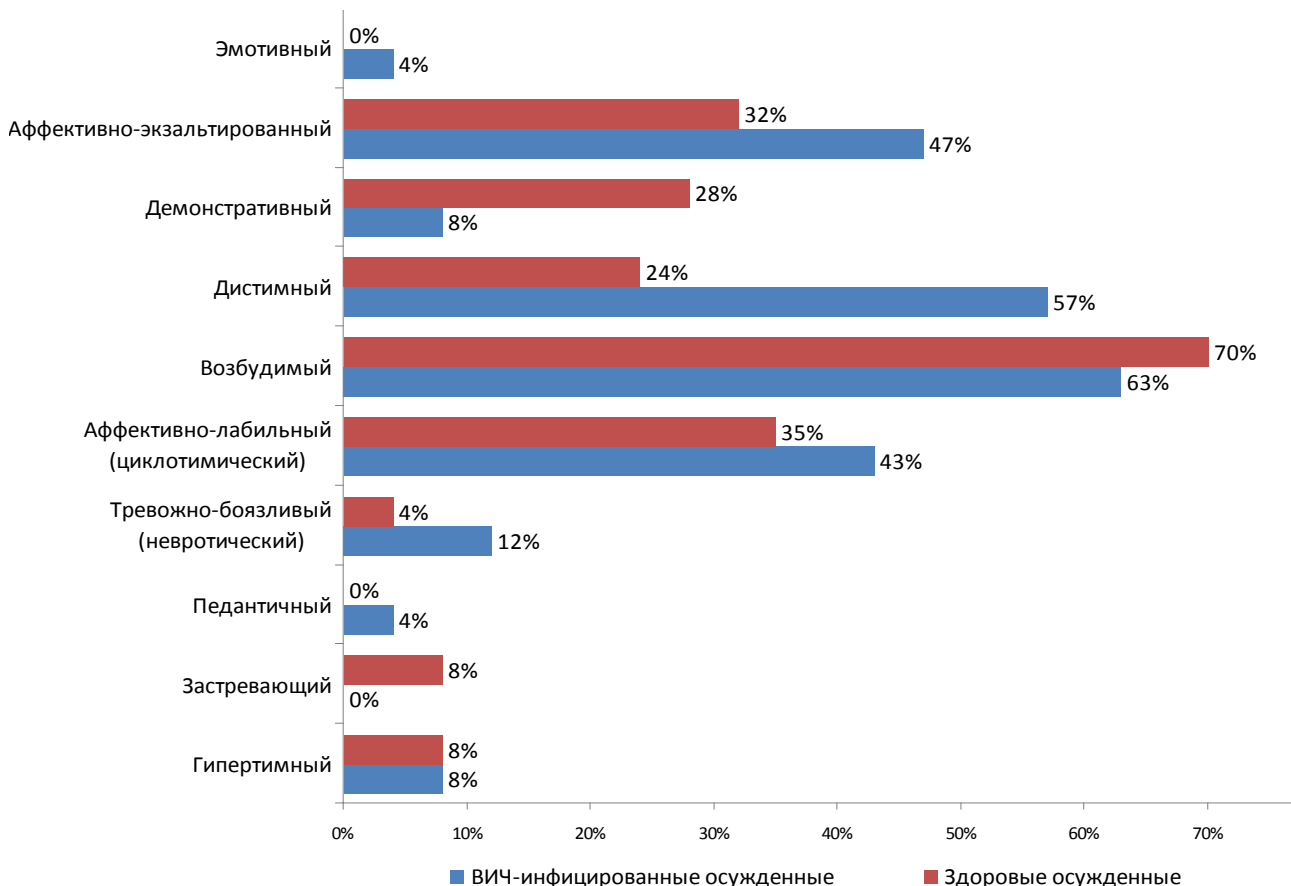


Рис 6. Сравнение показателей типов акцентуации по результатам всех шкал по опроснику Шмишека ВИЧ-инфицированных осужденных и здоровых осужденных

Исходя из преобладающих типов акцентуаций, среднестатистического ВИЧ-инфицированного осужденного можно охарактеризовать как человека обидчивого, ранимого, уязвимого, имеющего пессимистичные взгляды на жизнь, имеющего трудности во взаимодействии с окружающими ввиду наличия проблем с саморегуляцией. Ему свойственны повышенная раздражимость, агрессивность и импульсивность; могут присутствовать резкие перепады настроения, тревожность, нерешительность. Также отмечаются замкнутость, погруженность в мир собственных фантазий и иллюзий, реакции избегания.

Сопоставление результатов исследования ВИЧ-инфицированных осужденных и здоровых осужденных приведено на рис. 6.

На сравнительной диаграмме мы видим различие типов акцентуаций у ВИЧ-инфицированных осужденных и здоровых осужденных. Гипертимный тип акцентуации был выявлен в одинаковом соотношении. Застревающий тип был выявлен среди здоровых осужденных при отсутствии эмотивного типа. Значимые различия отмечены по показателям дистимного и демонстративного типа. Например, меньшее количество осужденных с пассивностью и пессимизмом среди здоровых осужденных, так же меньшее количество лиц, испытывающих тревожные состояния. Сравнительный анализ позволяет предположить, что типы акцентуаций здорового осужденного и ВИЧ-инфицированного различны, что говорит о различиях преобладающих личностных черт, на основе этих данных должно базироваться психологическое сопровождение.

Корреляционный анализ результатов методики Баса – Дарки и методики Шмишек приведен в таблице:

Коэффициенты корреляции	
Обида	
Аффективно-лабильный (циклотимный) тип	0,581**
Эмотивный тип	0,369*
Вербальная агрессия	
Возбудимый тип	0,372*
Раздражение	
Гипертимный тип	0,523**

Примечание: * – коэффициент корреляции значим при $p < 0,05$

** – коэффициент корреляции значим при $p < 0,01$

Достоверная корреляция просматривается у наиболее выраженных акцентуаций, которыми являются аффективно-лабильный и эмотивный типы, связанные со шкалой обиды. Иными словами, чем выше будут показатели акцентуации характера, тем больше будут выражены у осужденного такие черты характера, как обидчивость, частые смены настроения, вспышки раздражительности, неустойчивая самооценка.

Возбудимый тип связан с проявлением вербальной агрессии, что может говорить о том, что чем выраженнее акцентуация по возбудимому типу, тем сильнее будут выражены такие индивидуальные способности, как желание использовать ненормативную лексику, провоцировать конфликтные ситуации, оскорблять и обесценивать окружающих. Чем менее выражена акцентуация возбудимого типа, тем больше осужденный будет склонен проявлять такие особенности, как уравновешенность, саморегуляция, спокойствие.

Гипертимный тип связан со шкалой раздражения. Чем сильнее раздражимость у осужденных, тем сильнее будут проявляться такие качества, как импульсивность, отсутствие терпения, недостаток концентрации, суетливость; сильнее будут развиты такие индивидуальные особенности, как раздражительность, неусидчивость.

В ходе исследования выявлена взаимосвязь между психоэмоциональными состояниями и типами акцентуации осужденных, имеющих ВИЧ-инфекцию. В частности, личность

ВИЧ-инфицированного осужденного имеет особенности эмоционально-волевой сферы, которые заключаются в повышенной импульсивности, агрессивности, тревожности, склонности к длительному и тяжелому проживанию обиды, раздражительности, проявлениям вербальной агрессии. На основе полученных результатов были выявлены личностные черты осужденных, которые требуют внимания со стороны сотрудников психологических лабораторий исправительных учреждений. Полученные результаты могут стать основой для разработки соответствующего аппарата психологического сопровождения.

На основе полученных данных разработана программа психокоррекции, результаты применения которой будут представлены по завершении ее реализации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Число зарегистрированных больных с впервые в жизни установленным диагнозом ВИЧ-инфекции. ЕМИСС Государственная статистика. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/41719> (дата обращения: 18.12.2025).
2. Кутаков Н. Н. Мировые пенитенциарные тенденции: системный анализ проблем и стратегии их решения // Вестник Югорского государственного университета. 2025. Т. 21, вып. 2. С. 18–22.
3. Игонина А. И., Гусева Е. В. Психологические аспекты изучения особенностей личности осужденных за насильственные преступления. Самара, 2021. С. 142–145.
4. Расчет и применение стандартизованных показателей заболеваемости ВИЧ-инфекцией и туберкулезом в учреждениях уголовно-исполнительной системы / С. Б. Пономарев, С. А. Стерликов, Д. С. Пономарев, В. Г. Кудрина, Я. Ю. Панкова // Современные проблемы здравоохранения и медицинской статистики. 2023. № 4. С. 304–329.
5. Казберов П. Н., Москвитина М. М., Новиков В. В. Психологическая комплаентность ВИЧ-инфицированных осужденных в местах лишения свободы // NovalInfo. 2015. № 34. С. 311–315. URL: <https://novainfo.ru/article/> (дата обращения: 16.10.2025).
6. Булатецкий С. В., Воронин Р. М., Воронцова Л. Ф. Актуальные подходы к психологическому сопровождению ВИЧ-инфицированных осужденных // NovalInfo. 2016. № 43. С. 304–308.
7. Михайлов А. Н. Особенности восприятия значимых жизненных ситуаций неизлечимо больными осужденными мужчинами, отбывающими наказание в исправительных учреждениях (на примере ВИЧ-инфицированных осужденных) // Прикладная юридическая психология. 2017. № 2 (39). С. 73–79.
8. Никитин Д. А., Богданов М. Н. Роль криминогенной ситуации отчуждения в детерминации преступного насилия с участием ВИЧ-инфицированных осужденных // Уголовно-исполнительное право. 2015. № 1 (19). С. 55–59.
9. Теохаров А. К., Резвых Р. С., Ревягин А. В., Гудков А. Ю. Особенности психологического сопровождения ВИЧ-инфицированных осужденных // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2020. № 4 (83). С. 474–478.
10. Мокрецов А. И., Новиков В. В. Личность осужденного: социальная и психологическая работа с различными категориями лиц, отбывающих наказание : учеб.-метод. пособие. М., 2006. 220 с.
11. Шилова Е. В. Социальная безопасность личности и проблема ответственного поведения в современных условиях // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. Т. 12-5 (87), № 4. С. 161–166.
12. Воронин Р. М., Ковачев О. В. Криминологическая характеристика ВИЧ-инфицированных осужденных женщин // NovalInfo.Ru. 2015. Т. 1, № 30. С. 194–198.
13. Адылин Д. М. Особенности содержания в местах лишения свободы ВИЧ-инфицированных осужденных // Вестник Самарского юридического института. 2015. № 4 (18). С. 121–124.
14. Никитин Д. А. Криминологическая характеристика и предупреждение преступлений, совершаемых ВИЧ-инфицированными (общесоциальный и пенитенциарный аспекты) : моногр. Псков, 2011. 188 с.
15. Головков Д. А., Пархимович П. И. Юридическая психология : учеб. пособие. Минск, 2017. 144 с.
16. Price R. W., Perry S. W. Understanding AIDS dementia complex: the challenge of HIV and its effects on the central nervous system // HIV, AIDS and the Brain. Research Publication: association for research in nervous and mental disease. New-York, 1994. 250 p.

17. Зауторова Э. В. Изучение экзистенциальных ценностей ВИЧ-инфицированных осужденных к лишению свободы // Пенитенциарная наука. 2019. № 1 (13). С. 121–126.
18. Психологическое сопровождение различных категорий осужденных : учеб. пособие / И. А. Ковальчук, Т. А. Симакова, П. Ю. Аксенова [и др.]. Изд. 2-е, доп. Рязань, 2024. 124 с.

REFERENCES

1. The number of registered patients diagnosed with HIV infection for the first time in their lives. *EMISS Gosudarstvennaya statistika* [EMISS State Statistics]. Available at: <https://www.fedstat.ru/indicator/41719> (In Russ.). (Accessed December 18, 2025)
2. Kutakov N.N. Global penitentiary trends: a systematic analysis of problems and strategies for their solution. *Vestnik Yugorskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Ugra State University*, 2025, vol. 21, no. 2, pp. 18–22. (In Russ.).
3. Igonina A.I., Guseva E.V. *Psikhologicheskie aspekty izucheniya osobennosti lichnosti osuzhdennykh za nasil'stvennye prestupleniya* [Psychological aspects of studying personality characteristics of those convicted of violent crimes]. Samara, 2021. Pp. 142–145.
4. Ponomarev S.B., Sterlikov S.A., Ponomarev D.S. et al. Calculation and application of standardized indicators of the incidence of HIV infection and tuberculosis in institutions of the penal system. *Sovremennye problemy zdavookhraneniya i meditsinskoj statistiki = Modern Problems of Healthcare and Medical Statistics*, 2023, no. 4, pp. 304–329. (In Russ.).
5. Kazberov P.N., Moskvitina M.M., Novikov V.V. Psychological compliance of HIV-infected convicts in places of deprivation of liberty. *Novainfo.Ru*, 2015, no. 34, pp. 311–315. Available at: <https://novainfo.ru/article/> (In Russ.). (Accessed October 16, 2025).
6. Bulatetskii S.V., Voronin R.M., Vorontsova L.F. Current approaches to psychological support for HIV-infected convicts. *Novainfo.Ru*, 2016, no. 43, pp. 304–308. (In Russ.).
7. Mikhailov A.N. Specifics of perception of significant life situations by terminally ill convicted men serving sentences in correctional institutions (case study of HIV-positive infected convicts). *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya = Applied Legal Psychology*, 2017, no. 2 (39), pp. 73–79. (In Russ.).
8. Nikitin D.A., Bogdanov M.N. The role of the crime rate assignment in the determination of criminal violence with the participation of HIV-infected convicts. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo = Penal Law*, 2015, no. 1 (19), pp. 55–59. (In Russ.).
9. Teokharov A.K., Rezvykh R.S., Revyagin A.V., Gudkov A.Yu. Specifics of psychological maintenance of HIV-positive convicts. *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh = Psychopedagogy in Law Enforcement*, 2020, no. 4 (83), pp. 474–478. (In Russ.).
10. Mokretsov A.I., Novikov V.V. *Lichnost' osuzhdennogo: sotsial'naya i psikhologicheskaya rabota s razlichnymi kategoriyami lits, otbyvayushchikh nakazanie: uchebno-metodicheskoe posobie* [Personality of the convicted person: social and psychological work with various categories of persons serving sentences: study guide]. Moscow, 2006. 220 p.
11. Shilova E.V. Social security of the individual and the problem of responsible behavior in modern conditions. *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk = International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 2023, vol. 12-5 (87), no. 4, pp. 161–166. (In Russ.).
12. Voronin R.M., Kovachev O.V. Criminological characteristics of HIV-infected convicted women. *Novainfo.Ru*, 2015, vol. 1, no. 30, pp. 194–198. (In Russ.).
13. Adylin D.M. Peculiarities of detention of HIV-infected convicts in places of deprivation of liberty. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo institute = Bulletin of the Samara Law Institute*, 2015, no. 4 (18), pp. 121–124. (In Russ.).
14. Nikitin D.A. *Kriminologicheskaya kharakteristika i preduprezhdenie prestuplenii, sovershaemykh VICH-infitsirovannymi (obshchesotsial'nyi i penitentsiarnyi aspekty): monogr.* [Criminological characteristics and prevention of crimes committed by HIV-infected people (general social and penitentiary aspects) : monograph]. Pskov, 2011. 188 p.
15. Golovkov D.A., Parkhimovich P.I. *Yuridicheskaya psikhologiya: ucheb. posobie* [Legal psychology: textbook]. Minsk, 2017. 144 p.
16. Price R.W., Perry S.W. Understanding AIDS dementia complex: the challenge of HIV and its effects on the central nervous system. *HIV, AIDS and the Brain. Research Publication: association for research in nervous and mental disease*. New-York, 1994. 250 p.

17. Zautorova E.V. The study of existential values of HIV-infected prisoners sentenced to imprisonment. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie = Institute Bulletin: Crime, Punishment, Correction*, 2019, no. 1 (13), pp. 121–126. (In Russ.).

18. Koval'chuk I.A., Simakova T.A., Aksenova P.Yu. et al. *Psikhologicheskoe soprovozhdenie razlichnykh kategorii osuzhdennykh: ucheb. posobie* [Psychological support of various categories of convicts: textbook]. Ryazan, 2024. 124p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ ОРЛОВ – кандидат медицинских наук, доцент кафедры специальной тактики и огневой подготовки Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, Рязань, Россия, pallidum@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2972-5457>

АЛЕНА ДМИТРИЕВНА УСТИНОВА – психолог психологической лаборатории исправительной колонии № 10 ГУФСИН России по Свердловской области, Екатеринбург, Россия, ustinova.aleona2016@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

VLADIMIR V. ORLOV – Candidate of Sciences (Medicine), associate professor at the Department of Special Tactics and Fire Training of the Ryazan Branch of the Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ryazan, Russia, pallidum@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2972-5457>

ALENA D. USTINOVA – Psychologist at the Psychological Laboratory of the Main Directorate of the Federal Penitentiary Service of Russia in the Sverdlovsk Oblast, Yekaterinburg, Russia, ustinova.aleona2016@yandex.ru

Статья поступила 26.11.2025

Научная статья

УДК 111.1

doi 10.46741/sgjournal.2026.20.1.012

От трансцендентального сознания к экзистенциальному бытию: диалектика преемственности и разрыва в онтологии Э. Гуссерля и М. Хайдеггера

ЕВГЕНИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ БОЛЬШАКОВ

Луганский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Луганск, Россия, relativus@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8691-4895>

АЛЕКСЕЙ СТАНИСЛАВОВИЧ ТИМОЩУК

Владимирский юридический институт ФСИН России, Владимир, Россия, timos@33.fsin.gov.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4664-3215>

А н н о т а ц и я . Онтология представляет описание базовой антропомерной реальности, что важно как для когнитивных процессов человека, так и для реализации устойчивой модели общества и государства. В статье представлен системный сравнительный анализ феноменологии Эдмунда Гуссерля и фундаментальной онтологии Мартина Хайдеггера. Цель работы – преодолеть традиционное противопоставление этих мыслителей через разработку новой интегральной концепции «онтологической феноменологии существования». Утверждается, что хайдеггеровский онтологический поворот следует понимать не как разрыв с феноменологическим проектом, а как его имманентную радикализацию и субъективную точку развития. Выявлены линии преемственности (методология беспредпосылочного описания, развитие понятия интенциональности, тема жизненного мира) и принципиальные расхождения (статус трансцендентального субъекта, понимание времени и задач философии). Систематизирован значительный вклад российских исследователей (П. П. Гайденок, М. К. Мамардашвили, В. И. Молчанов, А. В. Ахутин и др.) в осмысление отношений двух философских систем. Предлагаемая синтетическая концепция представляет бытие-в-мире как первичную интенциональную структуру, а феноменологическую редукцию – как метод доступа к модусам экзистирования. Модель обладает эвристическим потенциалом для современной философии, преодолевая тупик корреляционизма и открывая новые перспективы для анализа кризисов современности.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Эдмунд Гуссерль; Мартин Хайдеггер; феноменология; экзистенциальная философия; онтологический поворот; интенциональность; Dasein; трансцендентальное сознание; философская антропология; российская феноменологическая школа.

5.7.1. Онтология и теория познания.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Большаков Е. В., Тимощук А. С. От трансцендентального сознания к экзистенциальному бытию: диалектика преемственности и разрыва в онтологии Э. Гуссерля и М. Хайдеггера // Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований. 2026. № 1 (20). С. 120–128. doi 10.46741/sgjournal.2026.20.1.012.

Original article

From Transcendental Consciousness to Existential Being: the Dialectic of Continuity and Gap in the Ontology of E. Husserl and M. Heidegger

EVGENII V. BOL'SHAKOV

Lugansk Law Institute (branch) of the University of Prosecutor's Office of the Russian Federation, Lugansk, Russia, relativus@mail.ru

ALEKSEI S. TIMOSHCHUK

Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vladimir, Russia, timos@33.fsin.gov.ru

Abstract. Ontology is a description of the basic anthropomorphic reality, which is important both for human cognitive processes and for the implementation of a sustainable model of society and the state. The article presents a systematic comparative analysis of the phenomenology of Edmund Husserl and the fundamental ontology of Martin Heidegger. The aim of the work is to overcome the traditional opposition of these thinkers through the development of a new integral concept of the "ontological phenomenology of existence". It is argued that Heidegger's ontological turn should be understood not as a break with the phenomenological project, but as its immanent radicalization and subjective point of development. The lines of succession (methodology of non-presupposed description, development of the concept of intentionality, the theme of the life world) and fundamental discrepancies (status of the transcendental subject, understanding of time and the tasks of philosophy) are revealed. The authors systematized Russian researchers' significant contribution (P.P. Gaidenko, M.K. Mamardashvili, V.I. Molchanov, A.V. Akhutin et al.) to understanding the relationship between two philosophical systems. The proposed synthetic concept represents being-in-the-world as a primary intentional structure and phenomenological reduction as a method of accessing modes of existence. The model has heuristic potential for modern philosophy overcoming the impasse of correlationism and opening up new perspectives for the analysis of modern crises.

Keywords: Edmund Husserl; Martin Heidegger; phenomenology; existential philosophy; ontological turn; intentionality; Dasein; transcendental consciousness; philosophical anthropology; Russian phenomenological school.

5.7.1. Ontology and theory of cognition.

For citation: Bol'shakov E.V., Timoshchuk A.S. From transcendental consciousness to existential being: the dialectic of continuity and gap in the ontology of E. Husserl and M. Heidegger. *All-Russian Research and Practice Journal of Studies in Social Sciences and Humanities*, 2026, no. 1 (20), pp. 120–128. doi 10.46741/sgjournal.2026.20.1.012.

Отношения между философией Эдмунда Гуссерля и Мартина Хайдеггера представляют собой один из центральных и наиболее драматичных сюжетов европейской мысли XX в. Учитель и ученик, основатель феноменологии и его самый радикальный интерпретатор, два мыслителя, чьи проекты определили лицо континентальной философии, – их диалог (и последующий разрыв) продолжает порождать интенсивные дискуссии. Актуальность темы обусловлена не только историко-философским интересом, давним метафизическим диалогом [1–6], но и насущной потребностью в понимании внутренней динамики феноменологического движения, способного предложить ответы на вызовы современного кризиса субъективности, науки и культуры. В России феноменологическая традиция представляет

особый интерес в связи с чувствительностью этой традиции к внутренним вопросам субъективного созерцания [7; 8].

Центральная философская проблема, исследуемая в статье, может быть сформулирована следующим образом: представляет ли философия Хайдеггера радикальный разрыв с проектом трансцендентальной феноменологии Гуссерля или же она является его последовательным развитием, доведением исходных интуиций до их логического предела? Иными словами, является ли «Бытие и время» ересью или ортодоксией по отношению к «Логическим исследованиям» и «Идее к чистой феноменологии и феноменологической философии»?

Традиционные трактовки часто склоняются к упрощенной дихотомии: либо акцентируют преемственность (Хайдеггер как верный ученик, развивающий феноменологический метод в онтологическом ключе), либо подчеркивают разрыв (Хайдеггер как «разрушитель» трансцендентального проекта, повернувший от сознания к бытию). Оба подхода страдают недостаточностью: первый игнорирует глубину и принципиальность хайдеггеровской критики, второй – методологическую и содержательную преемственность, очевидную в ранних работах Хайдеггера и сохраняющуюся в его зрелой мысли [9; 10].

Целью настоящей работы является разработка новой интегральной концепции – онтологической феноменологии существования, которая преодолевает указанную дихотомию через диалектическое понимание отношений Гуссерля и Хайдеггера. Мы утверждаем, что хайдеггеровский поворот к бытию (*Seinsfrage*) есть не отказ от феноменологии, а ее имманентное завершение и радикализация. Это движение осуществляется через переосмысление ключевых гуссерлевских понятий (интенциональности, редукции, феномена) в онтологическом регистре. Для обоснования этой позиции будет проведен системный сравнительный анализ, а также учтен вклад российской философской традиции в осмысление данной проблематики.

Проект Эдмунда Гуссерля родился из кризиса европейских наук и был направлен на обретение философией статуса строгой науки (*strenge Wissenschaft*). Исходный лозунг – «Назад, к самим вещам!» (*Zu den Sachen selbst!*) – призывал к освобождению от натуралистических, психологических и исторических предрассудков, к беспредпосылочному описанию того, что дано в непосредственном опыте [11, с. 10–14].

Ключевым открытием Гуссерля стала интенциональность сознания: сознание всегда есть сознание о чем-то, оно направлено на объект (интенциональный предмет). Структура интенционального акта описывается через корреляцию ноэзиса (активной стороны сознания, смыслообразующего акта) и ноэмы (интенционального коррелята, предмета, каким он является). Чтобы достичь области чистого сознания, необходимо совершить феноменологическую редукцию (*еросһй*) – воздержание от суждения о существовании внешнего мира, «заклучение его в скобки». Это открывает поле трансцендентального сознания (или трансцендентального Эго) как абсолютной основы всякой объективности.

В поздний период Гуссерль вводит понятие жизненного мира (*Lebenswelt*) – дотеоретического, допредикативного горизонта повседневного опыта, который является основой всех научных конструкций [12, с. 15–20]. Однако даже жизненный мир у Гуссерля остается коррелятом конституирующей деятельности трансцендентальной субъективности. Таким образом, магистральный путь гуссерлевской феноменологии – это путь к аподиктическим основаниям знания через рефлексию структур чистого, беспредпосылочного сознания. Допредикативный горизонт Гуссерля стал весьма продуктивным концептом, который затем развивался во французской философии [13–15] и герменевтических штудиях [16–19].

Уже в ранних фрайбургских лекциях, а затем в «Бытии и времени» (1927 г.) Мартин Хайдеггер осуществляет решительный поворот. Его центральный вопрос – не о сознании и его структурах, а о смысле бытия (*Sinn von Sein*). Критика Гуссерля сформулирована чет-

ко: феноменология, сосредоточившись на интенциональных актах сознания, упустила из виду сам феномен бытия, сведя его к бытию объекта для сознания, то есть к бытию сущего (Seiendes) [20, § 7]. Произошло «забвение бытия» (Seinsvergessenheit), унаследованное от всей западной метафизики.

Хайдеггер предлагает начать не с сознания, а с того особого сущего, для которого бытие является проблемой, – с Dasein (здесь-бытие). Dasein характеризуется бытием-в-мире (In-der-Welt-sein) как неразложимой целостностью. Его фундаментальной структурой является забота (Sorge), объединяющая экзистенциальность (проективность), фактичность (брошенность) и падение [20, § 41]. Аналитика Dasein раскрывает его неподлинное существование в безличном «Man» и возможность подлинности через бытие-к-смерти, зов совести и решимость. Временность (Zeitlichkeit) оказывается не формой внутреннего чувства, а горизонтом для понимания бытия как такового [20, § 65].

Важнейший методологический ход: Хайдеггер объявляет феноменологию методом онтологии. «Феномен» – это то, что само себя показывает, а «логос» – делание видимым того, что себя показывает [20, § 7]. Таким образом, задача феноменологии – не описание содержаний сознания, а «выявление» (Aufweis) самого бытия, каким оно себя являет через Dasein.

Диалектика преемственности и разрыва имеет свои линии напряжения, а также выработку общих решений в рамках школы. Отношение Хайдеггера к Гуссерлю представляет собой сложную диалектику, где глубокая преемственность сосуществует с радикальным переосмыслением. Рассмотрим эти переплетенные «лесные тропы» (Holzwege). Линии преемственности обнаруживают себя в методологии, категориях и горизонтальной топологии.

1. Методологическая верность: Хайдеггер наследует и радикализирует гуссерлевский принцип беспредпосылочного описания. Его аналитика Dasein – это попытка описать феномены бытия-в-мире, минуя категории традиционной метафизики и психологии. Феноменологическая установка сохраняется, но ее объект меняется.

2. От интенциональности к заботе: Гуссерлевская интенциональность (направленность сознания на...) получает у Хайдеггера онтологическое измерение. Dasein изначально «направлено-на» мир не в акте рефлексии, а в самой своей бытийной структуре. Эта изначальная вовлеченность и есть озабоченность (Sorge). Забота – это интенциональность, понятая как способ бытия, а не как структура сознания.

3. Жизненный мир как бытие-в-мире: позднее гуссерлевское открытие Lebenswelt находит прямой отклик в хайдеггеровском In-der-Welt-sein. Однако для Гуссерля жизненный мир – это горизонт, предданный и конституируемый трансцендентальным сознанием. Для Хайдеггера бытие-в-мире – это конститутивная, априорная структура самого Dasein, не сводимая к корреляту сознания. Линии радикального разрыва проявляются в трактовке трансцендентного, фактического и временного (Zeitlichkeit).

1. Трансцендентальное Эго, брошенное Dasein. Это главный пункт расхождения. Для Гуссерля отправной точкой и основанием является беспредпосылочное трансцендентальное сознание. Для Хайдеггера любое сознание уже есть модус бытия «брошенного» Dasein – конечного, фактического, оказавшегося в мире без своего выбора. Нет чистого, беспредпосылочного сознания, есть всегда уже вовлеченное в мир существование.

2. Философия как строгая наука герменевтики фактичности. Идеал Гуссерля – философия как наука с аподиктическими основаниями. Хайдеггер отказывается от этого идеала в пользу герменевтической феноменологии, задача которой – интерпретация конечного, исторического, понимающего бытия Dasein. Истина – не адекватация, а несокрытость (aletheia).

3. Время сознания, время как горизонт бытия. Гуссерлевская темпоральность – это структура внутреннего сознания времени (удержание-теперь-протенция). Хайдеггеровская временность – это онтологическая структура Dasein (экстатическое единство про-

шлого-настоящего-будущего), которая является горизонтом для понимания бытия как такового.

Таким образом, Хайдеггер берет у Гуссерля метод (феноменологическое описание) и ключевое открытие (интенциональность как направленность), но радикально меняет онтологическую основу (от сознания к Dasein) и цель (от обоснования науки к вопрошанию о бытии).

Российская философская традиция внесла значительный вклад в осмысление как феноменологии Гуссерля, так и философии Хайдеггера, хотя прямой синтез «Гуссерль – Хайдеггер» редко становился самостоятельной темой. П. П. Гайдено в классических работах по истории европейской философии провела глубокий анализ генезиса и сути феноменологического метода, проследив его связь с проблемой времени и кризисом европейского рационализма. Ее интерпретация Хайдеггера подчеркивает его разрыв с традицией и особое понимание временности [21].

М. К. Мамардашвили, развивая свою оригинальную феноменологию сознания, находился в постоянном диалоге и с Гуссерлем, и (в меньшей степени) с Хайдеггером. Его анализ картезианства и проблемы «сознания и бытия» создавал пространство для сопоставления двух подходов, хотя сам он не занимался их систематическим синтезом [22].

В. И. Молчанов как ведущий российский феноменолог и специалист по Хайдеггеру провел тонкий анализ различий в понимании феномена, времени и субъективности. Его работы подчеркивают принципиальную разнородность проектов, акцентируя разрыв, а не преемственность [23].

А. В. Ахутин в исследованиях по истории понятий и «делу» Хайдеггера выявил онтологические предпосылки новоевропейской науки, что косвенно затрагивает и гуссерлевский проект ее обоснования. Его анализ позволяет увидеть общий контекст, в котором работали оба мыслителя [24].

Среди современных исследователей Н. В. Мотрошилова детально проанализировала историю и философский смысл феноменологического движения [25]. Существуют примеры, когда феноменологию развивают косвенно, в социальном герменевтическом или эстетическом ключе, приближаясь к проблематике, сформулированной Хайдеггером, но не всегда эксплицируя связь [26; 27].

Специалисты по Хайдеггеру – В. В. Бибахин (чьи переводы и комментарии стали событием) [28], Т. В. Щитцова (исследующая политические и этические импликации его мысли) [29], И. А. Михайлов (изучающий ранний период) [30] – внесли неоценимый вклад в освоение хайдеггеровского наследия в России, но также редко ставили во главу угла вопрос о его отношении к Гуссерлю.

Таким образом, в российской научной мысли преобладают либо историко-философские реконструкции, демонстрирующие разрыв либо независимые исследования каждого из мыслителей. Задача построения позитивного синтеза, показывающего внутреннюю логику движения от Гуссерля к Хайдеггеру, остается актуальной.

На основе проведенного анализа мы предлагаем концепцию онтологической феноменологии существования, которая диалектически снимает противоречие между двумя проектами.

Хайдеггеровский поворот к бытию является не отказом от феноменологии, а ее имманентным завершением. Радикальное следование гуссерлевскому призыву «К самим вещам!» с необходимостью приводит к вопросу: «А что есть подлинная “вещь” (Sache) философии?» Гуссерль видел ее в интенциональных актах сознания. Но, если последовательно держаться принципа беспредпосылочности, нельзя принимать сознание как готовую основу. Нужно спросить: в каком виде сознание само себя являет? Ответ Хайдеггера: сознание является как модус бытия сущего, которое есть мы сами, – Dasein. Следовательно, подлинной «вещью» является событие понимающего бытия (Ereignis des Seins verstehens), в котором только и может явиться и сознание, и мир.

Мы предлагаем расширить понятие интенциональности. Это не только структура сознания, но и первичная онтологическая структура бытия-в-мире. Dasein изначально «интендировано» миром, «направлено-на» него в самом своем способе существования. Мир – это не коррелят сознания, а то, в отношении чего и внутри чего Dasein существует. Забота (Sorge) и есть эта базовая интенциональность, взятая в ее бытийном измерении.

Феноменологическая редукция как онтологическое освобождение: в предлагаемой модели эпохэ получает новое прочтение. Это не просто воздержание от суждения о существовании мира, а методическое «очищение» взгляда от навязываемых категорий «готового» сущего (Vorhandenheit), объективирующих схем традиционной метафизики и науки. Цель редукции – позволить явиться не содержаниям сознания, а самим способам бытия (Seinsweisen): бытию-в-мире, бытию-при-руке (Zuhandenheit), бытию-с-другими, заботе, временности. Редукция ведет не к трансцендентальному Эго, а к трансцендентальной структуре экзистенции – экзистенциалам.

Синтез трансцендентального и фактического заключается в том, что трансцендентальное (как условие возможности) обнаруживает себя не в сфере чистого, беспредпосылочного сознания, а в самой фактической, «брошенной» экзистенции Dasein. Априорные структуры – это не формы сознания, а экзистенциалы, которые открываются только в анализе конечного, исторического, фактического бытия. Трансцендентальное оказывается имманентным фактическому.

В этом смысле феноменологический проект Романа Ингардена, другого ученика Гуссерля, представляется в чем-то конвергентным хайдеггерианству, если учитывать практический, онтический смысл учения Ингардена. Роман Ингарден действительно внес вклад в развитие феноменологии в направлении более реалистичного подхода, отойдя от трансцендентального идеализма Гуссерля. Сосредоточившись на онтологии объектов (в частности, произведений искусства) и переосмыслив гуссерлианские мотивы, Ингарден заложил основы феноменологии, применяемой к реальным структурам, а не к тем, которые формируются исключительно сознанием. Дистанцируясь от идеализма, Ингарден анализировал и критиковал мотивы, которые привели Гуссерля к идеализму, стремясь сохранить различие между сознанием и реальным миром, а вместо чистой редукции Ингарден сосредоточился на онтологических структурах объектов, а также на социальном влиянии. Все это позволило ему обосновать феноменологию вне рамок чистого идеализма и трансцендентальной субъективности [31; 32].

Актуальность модели для современной философии состоит в следующем:

1. Преодоление корреляционизма: модель выходит за пределы спора реализма и идеализма. Мир не является ни независимой от сознания реальностью, ни его коррелятом. Мир есть структурный момент самого бытия-в-мире. Это позволяет избежать как наивного реализма, так и тупика корреляционизма, отмеченного К. Мейясу.

2. Основание для исследований воплощенности, аффективности, социальности. Эти феномены предстают не как свойства субъекта или объекта, а как модальности бытия-в-мире, доступные феноменологическому описанию в рамках единой онтологической модели.

3. Проективность Хайдеггера важна и как критика современности. Экологические, технологические и антропологические кризисы могут быть осмыслены как кризисы определенного способа понимания бытия – того, что Хайдеггер называл Ge-Stell (постав), понимание бытия исключительно как ресурса, наличного материала. Онтологическая феноменология позволяет прояснить истоки этого понимания и наметить пути его преодоления через возврат к более изначальному опыту бытия-в-мире.

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

1. Отношения между философией Э. Гуссерля и М. Хайдеггера не могут быть адекватно описаны в терминах простого «разрыва» или «преемственности». Они представляют собой сложную диалектику, в которой критика и радикальное переосмысление выступают формой развития и углубления исходного феноменологического импульса.

2. Ключевым пунктом расхождения является различное понимание «феномена» и «трансцендентального основания»: у Гуссерля феномен является сознанию трансцендентального Эго, у Хайдеггера феноменом является само бытие, явленное через аналитику конечного Dasein.

3. Российская философская традиция внесла существенный вклад в историко-философское и концептуальное прояснение как гуссерлевской, так и хайдеггеровской мысли. Однако задача построения позитивного синтеза, демонстрирующего внутреннюю логику движения от трансцендентальной феноменологии к фундаментальной онтологии, часто оставалась на периферии исследовательского интереса.

4. Предлагаемая концепция «онтологической феноменологии существования» представляет собой такой синтез. Она интерпретирует хайдеггеровский онтологический поворот как радикальное осуществление и имманентное завершение гуссерлевского проекта. В этой модели подлинной «вещью» (Sache) философии оказывается событие понимающего бытия (Dasein), интенциональность понимается как онтологическая структура заботы, а феноменологическая редукция становится методом доступа к способам бытия.

5. В рамках данного синтеза снимается абстрактное противопоставление трансцендентального и фактического: трансцендентальные условия возможности обнаруживаются в самой фактической, брошенной экзистенции. Это позволяет сохранить строгость феноменологического описания, обогатив ее экзистенциально-онтологической глубиной.

6. Разработанная модель обладает значительным эвристическим потенциалом для философии XXI в. Она предлагает путь преодоления тупиков корреляционизма, дает прочное основание для междисциплинарных исследований человеческой субъективности (от когнитивных наук до социальной теории) и предоставляет концептуальный инструментарий для критического осмысления глобальных кризисов современности через анализ лежащих в их основе способов понимания бытия.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Аристотель. Метафизика. М., 1934. 348 с.
2. Brentano Ф. О многозначности сущего по Аристотелю. М., 2012. 247 с.
3. Вальденфельс Б. Повседневность как плавильный тигль рациональности // Социо-Логос. Вып. 1. М., 1991. С. 39–50.
4. Кант И. Критика чистого разума. М., 1994. 591 с.
5. Метафизика Петербурга. Петербургские чтения по теории, истории и философии культуры / отв. ред. Л. Морева. Вып. 1. СПб., 1993. 315 с.
6. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. М., 2000. 639 с.
7. Счастливец Е. А. Феноменологическая традиция в русской философии // Общество. Наука. Инновации (НПК-2017). Киров, 2017. С. 2527–2539.
8. Шпет Г. Г. Явление и смысл. М., 1914. 219 с.
9. Фалев Е. В. Хайдеггер и философская традиция – повторение и возобновление // Вопросы философии. 2020. № 1. С. 146–153.
10. Crowell S. Normativity and Phenomenology in Husserl and Heidegger. Cambridge, 2013. 335 p.
11. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Кн. 1. М., 2021. 489 с.
12. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. СПб., 2004. 398 с.
13. Бланшо М. Заметки к Хайдеггеру. I. Бытие и время. М., 2025. 160 с.
14. Деррида Ж. Голос и феномен. СПб., 1999. 208 с.
15. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб., 1999. 605 с.
16. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. М., 1988. 704 с.
17. Дурнев А. Д. Феноменология и герменевтика как способы концептуализации события в онтологии // Общество: философия, история, культура. 2021. № 8. С. 53–58.
18. Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М., 2008. 695 с.
19. Терехов В. В. Перспективы развития современной герменевтики на примере компарати-

- вистского анализа герменевтико-феноменологической философии Г. Шпета и П. Рикера // Ученые записки Орловского государственного университета. 2012. № 1. С. 182–188.
20. Хайдеггер М. Бытие и время. М., 1997. 451 с.
21. Гайденок П. П. Прорыв к трансцендентному. Новая онтология XX века. М., 1997. 495 с.
22. Мамардашвили М. К. Картезианские размышления. М., 1993. 352 с.
23. Молчанов В. И. Различение и опыт: феноменология неагрессивного сознания. М., 2004. 328 с.
24. Ахутин А. В. Понятие «природа» в античности и в Новое время. М., 1988. 208 с.
25. Мотрошилова Н. В. Принципы и противоречия феноменологической философии. М., 1968. 128 с.
26. Майнцер К. Сложносистемное мышление: материя, разум, человечество. М., 2009. 464 с.
27. Чубаров И. М. Коллективная чувственность: теории и практики левого авангарда. М., 2014. 344 с.
28. Бибухин В. В. Другое начало. СПб., 2003. 430 с.
29. Щитцова Т. В. К герменевтике события у Хайдеггера и Бахтина // М. Хайдеггер: pro et contra: рецепция и трансформация идей Мартина Хайдеггера в русской философской мысли. СПб., 2020. С. 226–232.
30. Михайлов И. А. Ранний Хайдеггер: между феноменологией и философией жизни. М., 1999. 284 с.
31. Тимошук А. С., Тимошук Е. А. Онтологическая эстетика или эстетическая онтология Р. Ингардена? // Феноменологические исследования. Обзор философских идей и тенденций. 2006. № 7. С. 288–293.
32. Тимошук Е. А. Корреляция онтологии и гносеологии в феноменологии Р. Ингардена // Мировоззренческая парадигма в философии: онтогносеология. Н. Новгород, 2017. С. 186–189.

REFERENCES

1. Aristotle. *Metafizika* [Metaphysics]. Moscow, 1934. 348 p.
2. Brentano F. *O mnogoznachnosti sushchego po Aristotelyu* [On the ambiguity of existence according to Aristotle]. Moscow, 2012. 247 p.
3. Waldenfels B. Everyday life as a melting pot of rationality. *Sotsio-Logos = Socio-Logos*, 1991, no. 1, pp. 39–50. (In Russ.).
4. Kant I. *Kritika chistogo razuma* [Criticism of pure reason]. Moscow, 1994. 591 p.
5. *Metafizika Peterburga. Peterburgskie chteniya po teorii, istorii i filosofii kul'tury. Vyp. 1* [Metaphysics of Saint Petersburg. Saint Petersburg readings on theory, history and philosophy of culture. Issue 1]. Ed. by Morev L., 1993. 315 p.
6. Sartre J.-P. *Bytie i nichto: Opyt fenomenologicheskoi ontologii* [Being and nothingness: The experience of phenomenological ontology]. Moscow, 2000. 639 p.
7. Schastlivtseva E.A. The phenomenological tradition in Russian philosophy. In: *Obshchestvo. Nauka. Innovatsii (NPK-2017)* [Society. Science. Innovations (NPC-2017)]. Kirov, 2017. Pp. 2527–2539. (In Russ.).
8. Shpet G.G. *Yavlenie i smysl* [Phenomenon and meaning]. Moscow, 1914. 219 p.
9. Falev E.V. Heidegger and the philosophical tradition – repetition and renewal. *Voprosy filosofii = Questions of Philosophy*, 2020, no. 1, pp. 146–153. (In Russ.).
10. Crowell S. *Normativity and phenomenology in Husserl and Heidegger*. Cambridge, 2013. 335 p.
11. Husserl E. *Idei k chistoi fenomenologii i fenomenologicheskoi filosofii. Kn. 1* [Ideas for pure phenomenology and phenomenological philosophy. Book 1]. Moscow, 2021. 489 p.
12. Husserl E. *Krizis evropeiskikh nauk i transtsendental'naya fenomenologiya* [The crisis of European sciences and transcendental phenomenology]. Saint Petersburg, 2004. 398 p.
13. Blanchot M. *Zametki k Khaideggeru. I. Bytie i vremya* [Notes to Heidegger. I. Genesis and time]. Moscow, 2025. 160 p.
14. Derrida J. *Golos i fenomen* [The voice and the phenomenon]. Saint Petersburg, 1999. 208 p.
15. Merleau-Ponty M. *Fenomenologiya vospriyatiya* [Phenomenology of perception]. Saint Petersburg, 1999. 605 p.
16. Gadamer H.-G. *Istina i metod* [Truth and method]. Moscow, 1988. 704 p.
17. Durnev A.D. Phenomenology and hermeneutics as ways of conceptualizing events in ontology. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura = Society: Philosophy, History, Culture*, 2021, no. 8, pp. 53–58. (In Russ.).

18. Riker P. *Konflikt interpretatsii. Ocherki o germenevtike* [Conflict of interpretations. Essays on hermeneutics]. Moscow, 2008. 695 p.
19. Terekhov V.V. Prospects for the development of modern hermeneutics on the example of comparative analysis of hermeneutical and phenomenological philosophy by G. Shpet and P. Riker. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta = Scientific Notes of the Orel State University*, 2012, no. 1, pp. 182–188. (In Russ.).
20. Heidegger M. *Bytie i vremya* [Genesis and time]. Moscow, 1997. 451 p.
21. Gaidenko P.P. *Proryv k transsendentnomu. Novaya ontologiya XX veka* [Breakthrough to the transcendent. New ontology of the XX century]. Moscow, 1997. 495 p.
22. Mamardashvili M.K. *Kartezianskie razmyshleniya* [Cartesian reflections]. Moscow, 1993. 352 p.
23. Molchanov V.I. *Razlichenie i opyt: fenomenologiya neagressivnogo soznaniya* [Distinction and experience: the phenomenology of non-aggressive consciousness]. Moscow, 2004. 328 p.
24. Akhutin A.V. *Ponyatie "priroda" v antichnosti i v Novoe vremya* [The concept of "nature" in antiquity and Modern times]. Moscow, 1988. 208 p.
25. Motroshilova N.V. *Printsipy i protivorechiya fenomenologicheskoi filosofii* [Principles and contradictions of phenomenological philosophy]. Moscow, 1968. 128 p.
26. Mainzer K. *Slozhnosistemnoe myshlenie: materiya, razum, chelovechestvo* [Complex thinking: matter, mind, humanity]. Moscow, 2009. 464 p.
27. Chubarov I.M. *Kollektivnaya chuvstvennost': teorii i praktiki levogo avangarda* [Collective sensuality: theories and practices of the left avant-garde]. Moscow, 2014. 344 p.
28. Bibikhin V.V. *Drugoe nachalo* [Another beginning]. Saint Petersburg, 2003. 430 p.
29. Shchitsova T.V. On the hermeneutics of events in Heidegger and Bakhtin. In: *M. Khaidegger: pro et contra: retseptsiya i transformatsiya idei Martina Khaideggera v russkoi filosofskoi mysli* [M. Heidegger: pro et contra: reception and transformation of Martin Heidegger's ideas in Russian philosophical thought]. Saint Petersburg, 2020. Pp. 226–232. (In Russ.).
30. Mikhailov I.A. *Rannii Khaidegger: mezhdru fenomenologii i filosofiei zhizni* [Early Heidegger: between phenomenology and philosophy of life]. Moscow, 1999. 284 p.
31. Timoshchuk A.S., Timoshchuk E.A. Ontological aesthetics or R. Ingarden's aesthetic ontology? *Fenomenologicheskie issledovaniya. Obzor filosofskikh idei i tendentsii = Phenomenological Research. Overview of Philosophical Ideas and Trends*, 2006, no. 7, pp. 288–293. (In Russ.).
32. Timoshchuk E.A. Correlation of ontology and epistemology in R. Ingarden's phenomenology. In: *Mirovozzrencheskaya paradigma v filosofii: ontognoseologiya* [Philosophical paradigm in philosophy: Ontognoseology]. Nizhny Novgorod, 2017. Pp. 186–189. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

ЕВГЕНИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ БОЛЬШАКОВ – кандидат философских наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Луганского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, Луганск, Россия, relativus@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8691-4895>

АЛЕКСЕЙ СТАНИСЛАВОВИЧ ТИМОЦУК – доктор философских наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин юридического факультета Владимирского юридического института ФСИН России, Владимир, Россия, timos@33.fsin.gov.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4664-3215>

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

EVGENII V. BOL'SHAKOV – Candidate of Sciences (Law), associate professor at the Department of Theory and History of State and Law of the Lugansk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Lugansk, Russia, relativus@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8691-4895>

ALEKSEI S. TIMOSHCHUK – Doctor of Sciences (Philosophy), Associate Professor, associate professor at the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Law Faculty of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vladimir, Russia, timos@33.fsin.gov.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4664-3215>

Статья поступила 28.01.2026

Научная статья

УДК 101.1:316

doi 10.46741/sjjournal.2026.20.1.013

Сетевая идентичность в оптике социального признания

НАТАЛЬЯ СЕРГЕЕВНА ОБОТУРОВА

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда,
Россия, oboturova@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5430-5059>

ДАРЬЯ ВЛАДИСЛАВОВНА ВАСИЛЬЕВА

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда,
Россия, daryavasilyeva28@icloud.com

А н н о т а ц и я . Актуальная для современного социально-гуманитарного познания проблема сетевой идентичности рассматривается авторами статьи в оптике социального признания, что позволяет выявить ее новые характеристики, а также определить противоречия и риски, связанные с борьбой за социальное признание в пространстве медиаидентичности. Показано, что изменение базовых принципов социально-личностной идентификации, текучесть и пролиферативность сетевой идентичности актуализируют проблему демаркации между непосредственно социальным субъектом и его цифровой информационной копией, обретающей в Интернете автономию. Пролиферация идентичности в борьбе за социальное признание содержит в себе угрозу утраты индивидом устойчивых моделей идентификации, потери маяков, указывающих на направление безопасного движения, что может приводить к маргинальным формам идентификации, включая секты, деструктивные субкультуры, религиозный фундаментализм и т. п.

К л ю ч е в ы е с л о в а : сетевая идентичность; сетевое кочевничество; пролиферация идентичности; конструирование идентичности; социальное признание.

5.7.7. Социальная и политическая философия.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Оботурова Н. С., Васильева Д. В. Сетевая идентичность в оптике социального признания // Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований. 2026. № 1 (20). С. 129–135. doi 10.46741/sjjournal.2026.20.1.013.

Original article

Online Identity in terms of Social Recognition

NATAL'YA S. OBOTUROVA

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, oboturova@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5430-5059>

DAR'YA V. VASIL'EVA

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, daryavasilyeva28@icloud.com

Abstract. The problem of online identity, which is relevant for modern socio-humanitarian cognition, is considered by the article authors in terms of social recognition, which makes it possible to identify its new characteristics, as well as identify contradictions and risks associated with the struggle for social recognition in the media identity space. It is shown that the change in basic principles of social and personal identification and proliferation of online identity actualize a problem of demarcation between the social subject itself and its digital information copy, which acquires autonomy on the Internet. The proliferation of identity in the struggle for social recognition can result in the loss of stable identification models and beacons indicating directions for safe movement, leading to marginal forms of identification, including sects, destructive subcultures, religious fundamentalism, etc.

Key words: online identity; digital nomad; identity proliferation; identity construction; social recognition.

5.7.7. Social and political philosophy.

For citation: Oboturova N.S., Vasil'eva D.V. Online identity in terms of social recognition. *All-Russian Research and Practice Journal of Studies in Social Sciences and Humanities*, 2026, no. 1 (20), pp. 129–135. doi 10.46741/sgjournal.2026.20.1.013.

В современном обществе эпохи информационных технологий идентичность как базовый аспект самопознания и самоопределения человека переживает масштабные трансформации. Происходит изменение не только социальной, но и физической, телесной, гендерной, биологической и духовной форм идентичности, возникают новые формы и механизмы идентичности. В современной информационной реальности идентичность как набор представлений человека о себе в разных аспектах его личности подвергается непрерывному конструированию, что лишает ее устойчивости, позволяющей человеку оставаться самим собой в изменяющемся мире. Отсутствие у индивида устойчивого понимания своего места в социокультурном пространстве и времени содержит в себе угрозу утраты им традиционных моделей и механизмов самоидентификации и ориентиров безопасного существования в текучем повседневном мире, связывающих его отдельные фрагменты в более или менее целостную картину мира и обеспечивающих эффективную деятельность. Особую роль в социальном бытии современного человека играет сетевая идентичность, различные аспекты которой активно исследуются в социально-гуманитарном познании [1]. Целью представленной работы является анализ специфики сетевой идентичности в оптике социального признания в современном обществе, выявление ее основных проблем и противоречий.

Социальное признание играет важную роль в жизни каждого человека, выступая одним из ключевых факторов психологического благополучия. В научной литературе проблема социального признания широко представлена, прежде всего, в психологических исследованиях, где под этой категорией понимают устойчивую, как правило, высокую оценку достоинств индивида обществом, порождающую уважение окружающих и способствующую повышению мотивации и самооценки личности. В социологических исследованиях социальное признание трактуется как положительная оценка индивида окружающими, являющаяся одним из важнейших мотивов человеческой деятельности, способствующей стабильности социальных отношений [2]. Через социальное признание происходит социализация индивида: получая внимание общества, он формирует ощущение собственной значимости. Личностная важность для общества воспринимается как необходимость, неповторимость данной личности. Социальное признание повышает самооценку человека, является фактором развития и активности личности. Напротив, дефицит признания может приводить к чувству одиночества, социальной изоляции, снижению самооценки и внутрен-

ней неуверенности, что негативно отражается на эмоциональном состоянии и поведении личности.

Важной составляющей социального бытия человека является потребность в аффилиации, то есть потребность быть с людьми, быть членом группы, взаимодействовать с окружающими, оказывать и принимать помощь [3]. В аффилиации различают две стороны, одна из которых связана со стремлением к принятию (позитивная сторона), а другая – со страхом отвержения (негативная сторона). Обе эти стороны оказывают влияние на поведение человека, он старается показать себя максимально принимаемым обществом, чтобы оставаться в социуме, не стать отвергнутым. С одной стороны, реализуя такое поведение, человек лучше социализируется в обществе, с другой – в крайних вариантах человек может стать заложником социальной группы, в которой он находится, что приводит к деформации исходной, непосредственной личности индивида [4, с. 22]. Таким образом, признание является индикатором социальной природы субъекта: с одной стороны, человек становится правомочным субъектом общественных практик тогда, когда получает признание от Другого, с другой – признание субъектом других является необходимым минимумом в его интерессубъективном, групповом взаимодействии.

Новой формой социального признания в условиях мировой цифровизации становится, на наш взгляд, сетевая идентичность как совокупность гипертекстовых компонентов сетевого облика индивида, формируемого им в рамках онлайн-среды с целью самопрезентации, которая обладает своей спецификой. Сетевая идентичность, в отличие от реальной, не формируется как результат объективных процессов социализации в реальном обществе, усвоения его опыта, традиций и т. п., а целенаправленно конструируется в сетевой реальности, чтобы быть презентированной другим людям. Наиболее распространенной платформой для конструирования сетевой идентичности являются социальные сети. Активный рост цифровизации создал условия для деления идентичности человека на два мира – реальный и виртуальный.

Интернет и социальные сети стали неотъемлемой частью жизни современного человека. Теперь все большее внимание уделяется общению через гаджеты, что создает необходимость в самопрезентации посредством создания профилей, содержащих информацию о человеке, на различных интернет-ресурсах. Цифровая среда не является естественной для человека, однако, активно развиваясь, она формирует необходимость подстраиваться под новые условия жизни в данный момент времени, вследствие чего происходит трансформация идентичности. Идентичность формируется путем постоянного выбора чего-либо: как поступить, что сказать; человек находится в постоянном поиске одобрения и признания, подтверждения значимости своего «Я». С. Хантингтон и Б. Андерсон утверждают, что способность трансформации самоидентичности возможна лишь под воздействием Других [1]. Необходимость удовлетворения потребности в общении мотивирует человека к взаимодействию с другими людьми.

Цифровизация внесла изменения в процесс коммуникативного взаимодействия людей: современное поколение все чаще заменяет реальное общение виртуальным. Главным преимуществом виртуального общения стала его доступность: нельзя представить современного человека без телефона и доступа в сеть Интернет, что предоставляет возможность к общению в любое время, через огромные пространственные расстояния, даже разные часовые пояса, и разный язык говорения – сейчас не помеха для общения. С другой стороны, для организации полноценного живого общения нужна близость собеседников, определенный предметный «телесный» контекст, язык тела, в социальном общении важна мимика, жестикуляция, искренность эмоций, большое значение имеет зрительный контакт, в виртуальном общении все эти аспекты коммуникативной деятельности отсутствуют.

Для общения через социальные сети люди создают свои интернет профили: загружают свои фото, делятся информацией о себе. Доступность к большому количеству инфор-

мации о других людях создает ситуацию постоянного сравнения своей жизни с жизнью других. Стремясь к социальному одобрению и признанию, каждый хочет показать себя красивее, умнее, лучше, а если действительность не соответствует идеальной картинке, то эту идеальность мы сами и формируем, показывая только что-то положительное, одобряемое и престижное. Кроме того, идеальную картинку можно создать на своей страничке, используя информацию, не соотношенную с реальностью. Таким образом, в медиареальности личность непрерывно конструирует и продвигает своеобразный автопроект, «реализуя стратегию персонального успеха и признания, формируя “спрос на себя” и успешность среди значимых Других» [1], выбирая наиболее репрезентативные образы фиксации собственного Я.

В современных научных исследованиях феномена сетевой идентичности отмечается ее многомерный, противоречивый и динамический характер, проявляющийся в том, что она, в отличие от традиционных идентичностей, «не является вечной неизменной онтологической сущностью» [5, с. 122], не имеет жесткой привязанности к определенной местности, устойчивым социальным общностям и культурным кодам, поэтому «не сводима к единственной идентичности, а включает в себя множество видов идентификации» [5, с. 122]. Акцентирование внимания на противоречивом и подвижном характере идентичности, ее постоянных трансформациях позволило сделать вывод о том, что для современного человека характерна «текущая социальная идентификация» [6], определяемая условиями его существования в информационном обществе. Наиболее ярко этот подвижный, текучий характер идентичности проявляется в медиареальности, где главной основой для идентификации становится информация, доступ к которой практически неограничен.

Поскольку современное общество нестабильно, подвержено изменениям во всех сферах жизни, характеризуется усилением информационного потока, все это создает необходимость в постоянном видоизменении идентичности, поэтому идентичность современного человека гибкая, адаптивная, текучая. Р. Дж. Лифтон подробно развивает также тему кризисной идентичности, предлагая термин «протеевской» идентичности и «протеанизма» [7]. Протей – божество из древнегреческой мифологии, постоянно изменяющее свой облик и способное сохранять его только будучи захваченным в плен. Лифтон утверждает, что современный человек (а «протеанизм» – явление XX в.) подобен Протею и вынужден постоянно изменяться, его идентичность просто не может больше оставаться стабильной [6].

В научном дискурсе сетевой идентичности активно разрабатывается идея виртуального кочевничества как особого феномена современного общества, возникшего в результате появления цифровой среды. Так, Э. В. Дарчинов определяет электронного кочевника как личность, находящуюся в постоянном движении благодаря техническим устройствам, оперирующую (принимающую и отправляющую) информацией и испытывающего влияние (информационное, эмоциональное, мыслительное и др.) в рамках цифровой среды. Виртуальный кочевник свободно перемещается из реальности в виртуальность, в виртуальном пространстве осуществляет (эпизодично, встраивая в реальность) учебный процесс/трудовую деятельность/экономические операции/коммуникацию либо проводит свой досуг [8]. Кочевнику важно внимание и признание, и он старается получить их всеми способами: формируя современный модный образ, показывая формальную активность, не прикладывая каких-либо серьезных усилий, общаясь не с целью передачи полезной информации и, более того, не с целью совершения какого-либо реального социального действия, а чтобы показать свое существование. Стремясь к признанию, кочевник показывает себя в сети таким, каким на самом деле не является, что в результате ведет к отстранению его от общества, отрыву от реальности, отсутствию различения реального и виртуального и в конечном счете трансформации его идентичности.

Поскольку сетевая идентичность формируется в результате «сетевого кочевничества», она обладает свойством пролиферации (то есть множественности). Человек собирает в себе множество образов, соответствующих разным условиям окружающей его среды, он подстраивается под общество, тенденции моды, актуальные темы настоящего времени и все время видоизменяется. Возникает снижение содержательности – идентичность обладает не столько качественными характеристиками, сколько количественными, можно сказать, что не идентичность человека его характеризует, а он обладает набором образов, используемых в контексте разных ситуаций. Одним из проявлений пролиферации идентичности в сетевом мире стало распространение ее коннективной формы, основанной на эмоциях или позициях, вывешенных в социальных сетях. Для нового типа идентичности характерно трансцендирование отдельных фрагментов образа жизни, при этом «речь идет не столько об устойчивых поведенческих паттернах, сколько как раз о ежедневности, фрагментарно возводимой в ценность» [9, с. 77]. В рамках коннективной идентичности человек получает социальное внимание и признание через конструирование эмоционального единства путем «кликтивизма» [9, с. 76], то есть готовности ставить лайки и делать репосты, но не переходить в офлайн-активность.

Таким образом, исследование феномена сетевой идентичности в оптике социального признания позволяет сделать вывод о том, что в современном социуме новые медиа и виртуальные платформы становятся «пространством социального признания и одобрения, где реализуются современные стратегии личностного публичного самоутверждения» [1, с. 72], а сетевая идентичность превращается в новую форму борьбы за социальное признание. Основные проблемы и противоречия, возникающие в ходе этих процессов, обусловлены текучим и пролиферативным характером сетевой идентичности, слиянием в ней реального, виртуального и цифрового «Я». Одним из ключевых противоречий сетевой идентичности как способа социального признания становится то, что, существенно увеличивая возможности социального субъекта для самопрезентации и получения социального признания, социальные сети в то же время усложняют процесс борьбы за социальное признание, в который наравне с человеком и социальными институтами включаются множественные информационные агенты, что актуализирует проблему демаркации между непосредственно социальным субъектом и его цифровой информационной копией, которая обретает в сети Интернет определенную автономию. Пролиферация идентичности в сети содержит в себе угрозу утраты индивидом «не только устойчивых моделей идентификации, но и потерю маяков, указывающих на направление безопасного движения и опасные места в текучей повседневности» [10, с. 88], что с большой долей вероятности может приводить в борьбе за социальное признание к маргинальным формам идентификации, включая секты, деструктивные субкультуры, религиозный фундаментализм и т. п.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Лисенкова А. А. Трансформация идентичности в цифровую эпоху // Вопросы философии. 2020. № 3. С. 65–74.
2. Шаруева Е. В. Социальное признание как фактор формирования профессионального имиджа учителя // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2021. № 4. С. 476–485. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-priznanie-kak-faktor-formirovaniya-professionalnogo-imidzha-uchitelya> (дата обращения: 19.01.2026).
3. Толчинская Т. И. Связь потребности в аффилиации с субъективными характеристиками личности // APRIORI. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/svyaz-potrebnosti-v-affiliatsii-s-subektivnymi-harakteristikami-lichnosti> (дата обращения: 19.01.2026).
4. Оботурова Н. С., Гонцова О. В. Влияние цифровых трансформаций идентичности на правосознание современной молодежи // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2021. № 5 (15). С. 19–23.

5. Оботурова Н. С. Историческая память о Победе как ценностная константа российской цивилизационной идентичности // Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований. 2025. № 3 (18). С. 121–127.
6. Труфанова Е. О. Человек в лабиринте идентичностей // Вопросы философии. 2010. № 2. С. 13–22.
7. Lifton R. J. *The Protean Self. Human Resilience in an Age of Fragmentation*. N.Y., 1993. 276 p.
8. Дарчинов Э. В. Мифодизайн как технология конструирования идентичности электронного кочевника в социальных сетях : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Казань, 2024. 24 с.
9. Артамонова Ю. Д., Демчук А. Л. «Коннективная идентичность» в современном мире // Вопросы философии. 2020. № 4. С. 69–79.
10. Емелин В. А., Тхостов А. Ш. Дисформативная идентичность // Вопросы философии. 2020. № 4. С. 80–91.

REFERENCES

1. Lisenkova A.A. Transformation of identity in the digital age. *Voprosy filosofii Issues of Philosophy*, 2020, no. 3, pp. 65–74. (In Russ.).
2. Sharueva E.V. Social recognition as a factor in the formation of the professional image of a teacher. *Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki, yazykoznaniya = Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 2021, no. 4, pp. 476–485. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-priznanie-kak-faktor-formirovaniya-professionalnogo-imidzha-uchitelya> (In Russ.). (Accessed January 19, 2026).
3. Tolchinskaya T.I. Connection between affiliation and subjective characteristics of the personality. *APRIORI. Seriya: Gumanitarnye nauki = APRIORI. Series: Humanities*, 2015, no. 6. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/svyaz-potrebnosti-v-affiliatsii-s-subektivnymi-harakteristikami-lichnosti> (In Russ.). (Accessed January 19, 2026).
4. Oboturova N.S., Gontsova O.V. Impact of digital identity transformations on legal consciousness of modern youth. *Ius publicum et privatum: setevoi nauchno-prakticheskii zhurnal chastnogo i publichnogo prava = Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2021, no. 5 (15), pp. 19–23. (In Russ.).
5. Oboturova N.S. Historical memory of the Victory as a value constant of the Russian civilizational identity. *Vserossiiskii nauchno-prakticheskii zhurnal sotsial'nykh i gumanitarnykh issledovaniy = All-Russian Research and Practice Journal of Studies in Social Sciences and Humanities*, 2025, no. 3 (18), pp. 121–127. (In Russ.).
6. Trufanova E.O. A man in a maze of identities. *Voprosy filosofii = Issues of Philosophy*, 2010, no. 2, pp. 13–22. (In Russ.).
7. Lifton R.J. *The protean self. Human resilience in an age of fragmentation*. New York, 1993. 276 p.
8. Darchinov E.V. *Mifodizain kak tekhnologiya konstruirovaniya identichnosti ehlektronnogo kochevnika vsotsial'nykh setyakh: avtoref. dis. ... kand. filoz. nauk* [Mythodesign as a technology for constructing the identity of a digital nomad in social networks : Candidate of Sciences (Philosophy) dissertation abstract]. Kazan, 2024. 24 p.
9. Artamonova Yu.D., Demchuk A.L. “Connective identity” in the modern world. *Voprosy filosofii = Issues of Philosophy*, 2020, no. 4, pp. 69–79. (In Russ.).
10. Emelin V.A., Tkhostov A.Sh. Disformative identity. *Voprosy filosofii = Issues of Philosophy*, 2020, no. 4, pp. 80–91. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

НАТАЛЬЯ СЕРГЕЕВНА ОБОТУРОВА – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических наук юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, oboturova@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5430-5059>

ДАРЬЯ ВЛАДИСЛАВОВНА ВАСИЛЬЕВА – курсант 4 курса факультета психологии и пробабии Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

NATAL'YA S. OBOTUROVA – Doctor of Sciences (Philosophy), Associate Professor, professor at the Department of Humanities and Socio-Economic Sciences of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, oboturova@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5430-5059>

DAR'YA V. VASIL'EVA – 4th-year cadet at the Faculty of Psychology and Probation of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, daryavasilyeva28@icloud.com

Статья поступила 27.01.2026